

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

Г.Ф. ХАМЕТДИНОВА

**Уголовно-правовая характеристика
крайней необходимости**

Монография

Тюмень
2015

УДК 343.228
ББК 67.99(2)81
X 18

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России

Рецензенты:

доцент кафедры уголовного права и криминологии Рязанского филиала
Московского университета МВД России, кандидат юридических наук *Г.С. Шкабин*;
начальник кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского
института МВД России (Иркутск), кандидат юридических наук *А.В. Федоров*.

Хаметдинова Г.Ф.

X 18 Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости: монография. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. 156 с.
ISBN 978-5-93160-214-1

В монографии на основе анализа действующего уголовного и иного законодательства, криминологической науки и судебной практики исследуются особенности правовой природы крайней необходимости как обстоятельства, исключающего преступность деяния. Дан подробный правовой анализ условий правомерности крайней необходимости и уголовно-правовая оценка деяний, совершенных в состоянии крайней необходимости. Рассмотрены наиболее сложные вопросы квалификации, связанные с разграничением с иными обстоятельствами, исключающими преступность деяния.

Особое внимание в исследовании уделено становлению крайней необходимости в уголовном праве России и зарубежному опыту формирования аналогичных институтов. Разработаны предложения по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики правоохранительных органов. В работе использовались материалы судебной практики города Тюмени и Тюменской области.

Монография адресована адъюнктам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России, преподавателям, сотрудникам органов внутренних дел, а также аспирантам и студентам юридических учебных заведений.

УДК 343.228
ББК 67.99(2)81

ISBN 978-5-93160-214-1

© ФГКОУ ДПО «ТИПК МВД России», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩЕГО ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ	7
1.1. Понятие и место крайней необходимости в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния.....	7
1.2. Обстоятельство крайней необходимости в истории отечественного уголовного законодательства	19
1.3. Крайняя необходимость по уголовному законодательству зарубежных стран	32
ГЛАВА II. УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТОЯНИИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ	51
2.1. Условия правомерности, характеризующие грозящую опасность.....	51
2.2. Условия правомерности, характеризующие причинение вреда при устранении грозящей опасности	67
2.3. Уголовно-правовая оценка деяний, совершенных в состоянии крайней необходимости	85
ГЛАВА III. ОТГРАНИЧЕНИЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ ОТ ИНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ	101
3.1. Отличие крайней необходимости от необходимой обороны.....	101
3.2. Отличие крайней необходимости от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния.....	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	129
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	134
ПРИЛОЖЕНИЯ	140

ВВЕДЕНИЕ

Научно-технический прогресс, наряду с привнесением позитивных изменений в жизнь общества, имеет и обратную сторону, характеризующуюся техногенными авариями и катастрофами, стихийными бедствиями и природными катаклизмами. Так, с 1991 по 2005 гг. МЧС РФ на территории России было зарегистрировано 16 035 чрезвычайных ситуаций¹. С 2006 по 2013 гг. – 9 750 чрезвычайных ситуаций². Все это требовало и требует от служб МЧС проведения спасательных операций.

Согласно государственным докладам о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера за 2008-2010 гг. количество опасных природных явлений и крупных техногенных катастроф ежегодно растет. При этом количество погибших от последствий чрезвычайных ситуаций на протяжении последних лет неуклонно снижается, что говорит об определенной эффективности проводимых мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций³.

Сменившиеся социально-политические условия, экономические преобразования, стремительный темп жизни требуют от человека умения принимать адекватные и ответственные решения, проявлять деловую инициативу и активность. При этом не всегда удается предотвратить опасность без причинения вреда законным интересам лиц, которые в момент возникновения опасности вели себя правомерно и не являлись ее источником. Факт причинения вреда третьим лицам при устранении грозящей опасности делает такие деяния внешне схожими с преступлениями. В этом случае должны действовать охранительные механизмы уголовного права, поскольку предметом уголовно-правового регулирования являются отношения, возникающие не только из факта совершения преступления, но и из ситуаций причинения уголовно значимого вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Однако практика применения ст. 39 УК РФ является немногочисленной: в большинстве случаев причинение вреда в состоянии крайней необходимости получает уголовно-правовую оценку на основании норм о невиновном причинении вреда, об отсутствии

¹ О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: гос. доклад МЧС России // Основы безопасности жизнедеятельности. 2006. № 5. С. 2-9.

² Данные Центра управления в кризисных ситуациях МЧС России // Гражданская защита. 2005. № 1-12; 2006. № 1-12; О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: гос. доклад МЧС России [Электронный ресурс] // Официальный сайт МЧС России. URL: <http://www.mchs.gov.ru/Stats> <http://www.mchs.gov.ru/Stats> (дата обращения: 10 мая 2014 г.).

³ Основы государственной политики в области обеспечения безопасности населения Российской Федерации и защищенности критически важных и потенциально опасных объектов от угроз природного, техногенного характера и террористических актов на период до 2020 года [Электронный ресурс]: утв. Президентом РФ 15 ноября 2011 г. № Пр-3400. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70041358/> (дата обращения: 12 мая 2014 г.).

признаков преступления и т.д. В случае превышения пределов крайней необходимости деяния квалифицируются по ст.ст. 105, 111, 112, 116, 119, 166, 167, 204, 264 УК РФ и др. без ссылки на ч. 2 ст. 39 и п. «ж» ст. 61 УК РФ.

Основная причина этого, с нашей точки зрения, заключается в недостаточной законодательной регламентации обстоятельства крайней необходимости в УК РФ. Правоприменитель сегодня нуждается в конкретизированных законодательных решениях, четких рекомендациях по применению уголовно-правовых норм. Обращает на себя внимание и тот факт, что за довольно большой срок действия УК РФ 1996 г., несмотря на огромное количество внесенных в него изменений и дополнений, ст. 39 УК РФ ни разу не подвергалась корректировке. На наш взгляд, причина этого не в идеальном качестве данной нормы, а в том, что законодатель и правоприменитель уделяют недостаточно внимания такой важной уголовно-правовой норме, как крайняя необходимость. Этим обусловлена важность и своевременность поиска путей совершенствования норм, регулирующих вопросы применения положений о крайней необходимости и ответственности за нарушение условий ее правомерности.

Научно-практический материал, посвященный проблемам данной правовой нормы, представлен на сегодняшний день в достаточном количестве. Настоящее исследование стало возможным благодаря трудам следующих ученых: В.Ф. Антонов, А.А. Арямов, Ю.В. Баулин, Г.В. Бушуев, В.Н. Винокуров, Э.Р. Гафурова, С.А. Домахин, Н.Д. Дурманов, В.Л. Зуев, Н.Г. Кадников, С.Г. Келина, В.Н. Козак, Н.В. Лысак, В.В. Меркурьев, С.Ф. Милюков, В.И. Морозов, В.В. Орехов, Т.В. Орешкина, С.В. Пархоменко, Н.И. Паше-Озерский, А.А. Пионтковский, А.М. Плешаков, Н.Н. Розин, И.И. Слуцкий, Р.Д. Шарапов, А.В. Шеслер, Г.С. Шкабин, М.А. Якуньков и др. Вместе с тем многие работы подготовлены и изданы еще в период действия Уголовного кодекса РСФСР 1961 г. Однако даже последние исследования в своей основе носят несколько общих и доктринальный характер: в них практически не дается характеристика источников грозящей опасности, не анализируются условия правомерности причинения вреда в состоянии крайней необходимости в зависимости от конкретных видов грозящей опасности, не акцентируется внимание на вопросах субъективной стороны данного вредопричиняющего деяния, не рассматриваются уголовно-правовые последствия превышения пределов крайней необходимости, неоднозначно раскрывается социально-правовая природа данного обстоятельства, исключая преступность деяния.

В связи с этим актуальным на сегодняшний день будут являться, во-первых, исследование становления и развития нормы о крайней необходимости в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве, во-вторых, раскрытие социально-правовой природы крайней необходимости, в-третьих, определение критериев уголовно-правовой оценки деяний, совершенных в состоянии крайней необходимости, в-четвертых, разработка

предложений по совершенствованию законодательной регламентации крайней необходимости и практики его применения.

В настоящей монографии предпринята попытка комплексного исследования уголовно-правовой нормы о крайней необходимости и практики ее применения в Тюменской области на основе отечественного и зарубежного уголовного законодательства и судебной практики, а также обоснована социально-правовая природа крайней необходимости как социально допустимого деяния.

ГЛАВА I. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩЕГО ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

1.1. Понятие и место крайней необходимости в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния

Понятие «крайняя необходимость» имеет свое специфическое содержание в российском уголовном праве. В связи с требованиями логики научного познания, а также в целях терминологической и правовой корректности необходимо выявить точный смысл данного понятия.

Сущность термина «крайняя необходимость» складывается из двух понятий: «необходимость» и «крайний». Под «необходимостью» в русском языке понимается «надобность, потребность»¹. «Крайний (-яя)» означает «предельный, последний», «очень сильный в проявлении чего-нибудь, исключительный». Кроме того, слово «крайность» имеет и такое значение: «тяжелое трудное положение, нужда»².

Крайняя необходимость в уголовном праве есть устранение опасности, угрожающей личности, его правам или правам иных лиц, а также интересам общества или государства. Правомерность причинения вреда при крайней необходимости обуславливается тем, что оно совершается ради предотвращения еще большего вреда – в этом заключается общественная значимость деяния, совершенного в состоянии крайней необходимости.

Основным в понятии крайней необходимости является столкновение двух правоохраняемых интересов, одним из которых, менее значительным, необходимо пожертвовать для предотвращения опасности более значительному интересу, поскольку без причинения вреда устранить опасность, угрожающую более ценному благу, невозможно.

Примечательно, что в ст. 39 УК РФ законодатель определил обстановку (ситуацию) крайней необходимости термином «состояние». Толковый словарь русского языка определяет «состояние» как «положение, в котором кто-, что-либо находится, либо физическое самочувствие или настроение, расположение духа человека»³. Состояние – это объективно-субъективное понятие⁴, т.е. в данном случае обстановка характеризуется таким положением лица, которое вынуждает его, исходя из оценки возникшего опасного состояния, действовать, причиняя вред определенным общественным интересам, руководствуясь при этом крайней необходимостью. В специальной литературе отмечается, что «опасность» – это также объективно-субъективное понятие⁵, поэтому «состояние крайней необхо-

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. С. 408.

² Там же. С. 302.

³ Там же. С. 751.

⁴ См.: Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Категории современной науки. М.: Мысль, 1984. С. 92.

⁵ Там же. С. 97.

димости» – это объективные обстоятельства (иначе – обстановка), создающие опасность, непосредственно угрожающую личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства; а также субъективное восприятие и оценка лицом возникшей опасности.

По нашему мнению, в данном случае можно говорить о своеобразном синтезе объективных и субъективных моментов. Объективные обстоятельства состояния крайней необходимости также определяются характером и степенью опасности, интенсивностью развития опасного состояния (т.е. угрозы охраняемым законом общественным отношениям), временем (день или ночь) и местом, в котором оказывается лицо, а также иными факторами.

Норма о крайней необходимости, отраженная в ст. 39 УК РФ, начинается со слов «не является преступлением причинение вреда в состоянии крайней необходимости». Под преступлением в УК РФ понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Иначе говоря, это деяние, обладающее признаками общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости.

«Причинение вреда» свидетельствует о том, что законодатель допускает в целях защиты одних благ причинение вреда другим, таким же правоохраняемым благам и интересам. Вред причиняется «охраняемым уголовным законом интересам», т.е. правоохраняемым объектам уголовного права. Статья 2 УК РФ определяет круг таких объектов: права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок, общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй РФ. Причинение вреда указанным объектам вызвано необходимостью «устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства...». По сути, вред причиняется таким же правоохраняемым объектам: одно благо охраняется за счет другого, не равноценного ему в социально-правовом смысле, при этом причиненный вред должен быть менее значителен, чем предотвращенный.

Как отмечает А.В. Наумов, «крайняя необходимость создает коллизию двух правоохраняемых интересов. Выход из этой ситуации заключается в том, чтобы не допустить наступления вреда одному из правоохраняемых интересов. Однако это можно сделать лишь путем причинения вреда другому правоохраняемому интересу»¹.

При определении юридической природы рассматриваемого обстоятельства мы исходим из того, что поведение, совершенное при наличии крайней необходимости, является правомерным. Правомерность причинения вреда при крайней необходимости обуславливается тем, что оно совершается ради предотвращения грозящего большего вреда – в этом заключается обще-

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 1996. С. 347.

ственная значимость деяния, совершенного в состоянии крайней необходимости¹. В то же время это поведение причиняет такой значительный ущерб правоохраняемым объектам, что при отсутствии соответствующего обстоятельства оно оценивается как преступление.

Деяние, продиктованное крайней необходимостью, внешне выглядит как преступление. При этом оно выполняет общественно полезную функцию и является правомерным. То обстоятельство, что при крайней необходимости одни правоохраняемые интересы ограждаются от опасности путем причинения вреда другим правоохраняемым интересам, не меняет в целом позитивного социально-правового содержания этого акта. На наш взгляд, под *крайней необходимостью* следует понимать правомерное деяние, направленное на предотвращение опасности, создающей угрозу причинения вреда правоохраняемым интересам.

Оценивая социально-правовую природу крайней необходимости как обстоятельства, устранивающего противоправность деяния, юристы² единодушно подчеркивают социальную полезность данного института как еще одного инструмента, позволяющего устранить или смягчить общественно опасные последствия.

Однако по результатам проведенного нами социального опроса только 17,5 % опрошенных респондентов считают действия, совершенные при крайней необходимости, социально полезными. Почти половина опрошенных, а именно 45 %, признают такие действия нейтральными, оставшиеся же 37,5 % относят их к категории опасных деяний (см. Приложение 1).

Полученные цифры свидетельствуют о том, что анализируемое действие не является социально полезным. Этим косвенно подтверждается теория о социальной допустимости крайней необходимости. Признать абсолютной социальную полезность крайней необходимости, на наш взгляд, нельзя, поскольку в результате такого деяния причиняется вред субъектам, которые в момент возникновения опасности вели себя правомерно и не являлись источником грозящей опасности.

¹ Уголовное право России. Общая часть: учебник / В.В. Бабурин [и др.]; под ред. Р.Д. Шарапова. Тюмень: ТИПК МВД России, 2013. С. 380.

² См., напр.: Разгильдиев Б.Т. Общественно полезные деяния, предусмотренные уголовным кодексом // Законность. 1993. № 12. С. 18-21; Сахаров А.Б. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность // Советское государство и право. 1987. № 11. С. 111-118; Портнов И.П. Крайняя необходимость в свете нового уголовного законодательства // Журнал российского права. 1998. № 4/5. С. 99-105; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2004. С. 89; Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 147-174; Бабич С.В. Правомерное причинение вреда в состоянии крайней необходимости как объект уголовно-правовой оценки // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 21 февр. 2011 г. / Евразийский науч.-исслед. ин-т проблем права. Уфа, 2011. С. 107; Вельтмандер А.Т. Ситуация обстоятельства, исключающего преступность деяния: теоретические основания и уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. С. 14.

Актуальность обвинительного уклона по отношению к субъекту, действующему в состоянии крайней необходимости, долгое время считалась незыблемой¹. В современной литературе некоторые авторы, находясь в поиске процессуального решения ситуаций, связанных с причинением вреда в условиях, исключающих преступность деяния, предлагают, в силу заведомо очевидной правомерности, не оспариваемой в подавляющем большинстве случаев, не устанавливать ее в формально вредоносных действиях. «Если у “потерпевших” возникает сомнение по поводу правомерности причиненного вреда, то соответствующая уголовно-процессуальная проверка проводится и по ее результатам принимается решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в уголовном преследовании»². В целом соглашаясь с данной позицией, отметим, что уголовное право является публичной отраслью права и передача такого сложного процессуального вопроса на «откуп» потерпевшему может повлечь за собой различные злоупотребления со стороны как потерпевших, так и сотрудников, осуществляющих расследование таких дел.

Итак, причинение вреда в условиях возникшей опасности является социально допустимым и правомерным деянием. Социальная допустимость в этом случае основывается на общественном интересе в поступках, предотвращающих бóльший потенциальный вред, заключенный в грозящей опасности, чем фактически причиняемый вред. Соответствие норме уголовного закона обуславливает правомерность деяния, совершенного при данном обстоятельстве, исключающем преступность деяния.

Изучение крайней необходимости и понимание ее сущности было невозможным в отрыве от группы норм, объединенных в единую правовую систему – институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, элементом которой является анализируемая норма (ст. 39 УК РФ).

Вопрос о системности норм, предусматривающих обстоятельства, исключающие преступность деяния, является дискуссионным в теории уголовного права. Некоторые из авторов отрицают наличие такой системы. Так, А.Н. Игнатов именуется их «простым перечнем»³, В.И. Михайлов утверждает, что «...институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, не относится к числу систем, а является простым, суммативным множеством»⁴. Другие полагают, что нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, находясь в определенной взаимозависимости, взаимообусловленности, образуют систему правовых норм⁵. Так, Ю.М. Ткачевский прямо указы-

¹ Хаметдинова Г.Ф. Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 15.

² Савинский А.В. О перечне обстоятельств, исключающих преступность деяния // Российская юстиция. 2014. № 5. С. 58.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. С. 90.

⁴ Михайлов В.И. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном законодательстве государств СНГ // Законодательство. 2003. № 7. С. 76.

⁵ См., напр.: Антонов В.Ф. Крайняя необходимость в уголовном праве: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 60.

вадет на то, что в законе содержится система обстоятельств, исключающих преступность деяния, «элементы которой находятся в определенной взаимосвязи, дополняют одно другим, образуя при этом правовую общность»¹. Системный подход к рассматриваемому институту наблюдается и у Ю.В. Баулина. Под системой он понимает совокупность взаимосвязанных компонентов (факторов), где системообразующим фактором является социально-правовой результат, который задается заранее и достигается в процессе функционирования данной системы. Элементами системы обстоятельств, исключающих преступность деяния, он называет поступки, обладающие двойственной юридической характеристикой. С одной стороны, имея внешние признаки соответствующего преступления, они являются элементами системы того вида общественных отношений, где они проявляют себя в силу своего предметного содержания. С другой стороны, эти же действия рассматриваются в качестве элементов системы общественно полезных (допустимых) и правомерных поступков, исключающих преступность деяния. Система правомерных поступков характеризуется теми же чертами, что и любая другая система, т.е. имеет компонентный (элементный) состав, структурную организацию, способность к развитию, управляемость и т.д.²

С нашей точки зрения, обстоятельства, исключающие преступность деяния, представляют собой целостную систему. Под *системой* понимается совокупность элементов, объединенных в единое целое общими объективно существующими признаками.

На наш взгляд, данной системе элементов присуща следующая группа признаков: 1) внешне они представляют собой уголовно-наказуемое деяние; 2) обстоятельства, при которых они совершаются, исключают признак общественной опасности (они признаются общественно полезными, нейтральными, допустимыми); 3) поведение лица, действующего в сложившейся ситуации, не беспредельно: оно ограничено определенными законами рамками правомерности, превышение которых влечет уголовную ответственность.

В философии же *система* рассматривается как «множество элементов, находящихся в соответствующих отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство»³. Отмечается, что не всякое целое есть система. Любое объединение частей образует некую целостность, множество, но связи и взаимодействия этих частей, равно как и количественно-качественные характеристики самого объединения, отнюдь не одинаковы, этим они обуславливают различную природу и уровень целостности множества. Простые и суммативные (т.е. искусственно созданные или случайно образовавшиеся) множества вовсе не являются системами. Системой может быть лишь сложная целостность, возникшая в резуль-

¹ Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского, Г.Н. Борзенкова. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 221.

² Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков: Основа, 1991. С. 41-45.

³ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. С. 408.

тате объективного, закономерного процесса соединения составляющих ее элементов¹.

В понимании того, что есть система, значение слова «элемент» играет решающую роль. Критериальное свойство элемента – его необходимое непосредственное участие в создании системы: без какого-либо одного элемента система не существует. «Элемент есть далее неразложимый компонент системы при данном способе ее рассмотрения»².

В связи с этим заметим, что распространенное в уголовно-правовой литературе употребление понятия «институт крайней необходимости»³ некорректно: крайняя необходимость не является институтом, поскольку не обладает признаком системности. Следовательно, норма о крайней необходимости является первичным элементом системы права.

Основной чертой системы считается интегративность: а) наличие свойства, не присущего во всем объеме отдельным образующим ее элементам, но являющегося новым качеством всей системы, обеспечивающим ее целостность и структурную организацию; б) зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функций и т.д. внутри целого⁴.

Целостное функционирование системы есть результат взаимодействия всех ее составляющих. Изъятие любого элемента из данной системы нарушит ее целостность, что неизбежно приведет к привлечению к уголовной ответственности лиц в случае правомерного причинения ими вреда.

В зависимости от сложившейся обстановки элементы рассматриваемой системы могут регулировать отношения самостоятельно (например, обоснованный риск), в совокупности (комплекс действий по освобождению заложников может включать и исполнение приказа, и крайнюю необходимость, и др.), а также перетекать из одного в другое (задержание преступника может перерасти в необходимую оборону). Данные факты свидетельствуют о взаимодействии, взаимообусловленности элементов и, соответственно, о целостности, функциональности, структурности и управляемости системы.

В качестве примера можно привести трагедию на Дубровке⁵, где в театральном центре пострадали не только заложники, но и террористы. Несмотря на тяжкие последствия (гибель большого числа заложников), к которым привело использование газа, сотрудники спецназа, штурмовавшие театральный центр, вероятнее всего должны быть освобождены от ответственности на основании ст. 42 УК РФ как действующие во исполнение

¹ Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Наука, 1980. С. 22, 49-50.

² Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учебник. М.: ТЕИС, 1996. С. 370.

³ См., напр.: Абдигалымова А.С. Институт крайней необходимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2007. С. 25; Ситникова А.И. Исключительные обстоятельства в уголовном праве: доктрин. модели и законодат. конструкции: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 26.

⁴ См.: Селиванов Ф.А., Суровягин С.П. Система и целое // Философская культура и синтез социального знания. Тюмень: Тюменская высш. шк. милиции МВД РФ; Тюменский гос. ун-т; Тюменское философское общество, 1992. С. 98-110.

⁵ Комсомольская правда. 2002. 9-15 нояб.

обязательного для них приказа. Действия, направленные на задержание террористов, являются не чем иным, как задержанием лиц, совершивших преступление (ст. 38 УК РФ), факт же уничтожения террористов есть не что иное, как необходимая оборона (ст. 37 УК РФ). Срочный штурм был вызван очевидной и безальтернативной угрозой уничтожения террористами заложников. Налицо случай действий в состоянии крайней необходимости, поскольку причинение вреда заложникам явилось в этих условиях единственным средством спасения большинства из них. В приведенном случае присутствуют сразу пять обстоятельств, исключающих преступность деяния: необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения, крайняя необходимость. Тесную взаимосвязь данных институтов в подобных обстоятельствах отмечают также А.Г. Лоскутов и М. Селезнев¹.

Системность анализируемого института подтверждается характерной для составляющих элементов совокупностью объективных и субъективных признаков². В.Ф. Антонов приходит к выводу, что в теоретическом смысле реализация любого из перечисленных в гл. 8 УК РФ обстоятельств, исключающих преступность деяния, происходит в обстановке крайней необходимости. В.И. Михайлов уточняет, что крайняя необходимость является первоосновой для формирования всех уголовно-правовых обстоятельств, исключающих преступность деяния³. Все остальные обстоятельства «по мере «вызревания» «отпочковываются» от крайней необходимости в самостоятельные нормы⁴.

Действительно, большинство из обстоятельств характеризуется обстановкой, требующей применения необходимых, вынужденных, крайних мер по устранению опасности и предотвращению вреда. Вынужденный характер причинения вреда позволяет полагать, что формирование имеющих в УК РФ видов обстоятельств, исключающих преступность деяния, связанных с причинением ущерба правоохраняемым благам, обусловлено крайней необходимостью. Однако подобное условие характерно не для всех случаев, исключающих преступность.

Кроме общих признаков обстоятельствам, исключающим преступность деяния, свойственны признаки, служащие основанием для выделения их в самостоятельную главу, позволяющую регулировать общественные отношения, возникающие по различным основаниям (в силу посягательства, в силу обязательного для исполнения приказа, в силу принуждения, с целью достижения общественно полезной цели и т.д.). Действия в таких условиях могут

¹ См., напр.: Лоскутов А.Г. Пресечение захвата заложников // Законность. 1991. № 10. С. 37-38; Селезнев М. Крайняя необходимость и оправданный риск (К обсуждению проекта УК РФ) // Законность. 1992. № 11. С. 14-15.

² См., напр.: Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 60.

³ См.: Михайлов В.И. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном законодательстве государств СНГ. С. 79.

⁴ См., напр.: Селезнев М. Указ. соч. С. 14-15; Михайлов В.И. Нормативное регулирование исполнения приказа и некоторые вопросы уголовного права. // Государство и право. 1996. № 12. С. 66.

быть общественно полезными, правомерными, нейтральными, целесообразными, допустимыми. Научная разработанность вопроса показала состоятельность каждого из обстоятельств, исключающих преступность деяния.

В процессе исследования возник вопрос: почему названный институт включен именно в Уголовный кодекс, если его предназначение, как известно, заключается в определении круга деяний, которые являются преступными, и установлении за них уголовного наказания?

Достаточно ясный ответ на этот вопрос можно было найти в ст.ст. 13 и 14 УК РСФСР 1960 г. в их первоначальной редакции. Они характеризовали деяние, совершенное в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, как подпадающее под признаки правонарушений, предусмотренных Особенной частью УК РФ. Причем это совпадение было отнюдь не формальным. Тем самым названные и некоторые другие охранительные действия совпадали по объективной стороне с такими преступлениями, как убийство, причинение вреда здоровью различной тяжести, побои, незаконное лишение свободы, хищение и др.¹

В теории уголовного права нет однозначного подхода к понятию и характеристике признаков обстоятельств, включенных в гл. 8 УК РФ. Рассматривая обстоятельства, исключающие преступность деяния, одни авторы включают в понятие преступности всю совокупность признаков преступления², другие в конкретном обстоятельстве, исключающем преступность, усматривают отсутствие одного из признаков преступления³, к числу которых относят отсутствие события преступления⁴, третьи же указывают на отсутствие состава преступления при наличии рассматриваемых обстоятельств⁵.

На наш взгляд, в таком случае речь должна идти не об элементах состава уголовно-правового деяния, которые, по мнению Ю.В. Баулина, как раз присутствуют (объект, субъект, объективная, субъективная сторона)⁶, а об отсутствии признаков, характеризующих преступное деяние.

¹ Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб.: СПб.ИВЭСЭП; Знание, 2000. С. 91.

² См., напр.: Наумов А.В. Указ. соч. С. 327; Хачатуров Р.Л. Крайняя необходимость в праве // Вектор науки ТГУ. №1(11). 2010. С. 152.

³ См., напр.: Келина С.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды // Уголовное право. 1999. № 3. С. 4; Мордовина А.А. Осуществление законного права как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. С. 37; Пашнин А.Н., Пронина М.М. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: уголовно-правовая регламентация и ее совершенствование: монография. Челябинск: Б. и., 2005. С. 26, 28.

⁴ Попов К.И. Правовая природа обстоятельств правомерного причинения вреда // Российский следователь. № 5. 2010. С. 12.

⁵ См., напр.: Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Часть Общая: в 6 т. М.: Наука, 1970. Т. 2. Общая часть. С. 381; Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1956. С. 11-12; Ситникова А.И. Указ. соч. С. 21.

⁶ См., напр.: Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 307-322.

С.Г. Келина справедливо отмечает: «Если же считать, что в этих случаях нет состава преступления, тогда нужно включать в перечень таких обстоятельств все случаи отсутствия состава преступления, т.е. невменяемость, казус и пр.»¹. Она считает, что при некоторых обстоятельствах действия лица, причинившего вред, не являются преступлением ввиду отсутствия признака общественной опасности, например, при необходимой обороне или задержании лица, совершившего преступление. Иные обстоятельства не образуют состава преступления ввиду отсутствия других признаков. Например, исполнение незаконного приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ), по мнению С.Г. Келиной, не является преступлением вследствие отсутствия вины: лицо не осознавало незаконности приказа и не должно было это осознавать. При обоснованном риске, крайней необходимости, физическом или психическом принуждении поведение следует считать непроступным только ввиду отсутствия признака противоправности, поскольку в ст.ст. 39, 40 и 41 УК РФ есть прямое указание на то, что причинение вреда при наличии перечисленных обстоятельств «не является преступлением»².

А.Т. Вельтмандер предлагает под обстоятельством, исключающим преступность деяния, понимать жизненный факт (обстоятельство), исключающий уголовную ответственность, предусмотренный нормами УК РФ, отражающий такое противоречие между несколькими признанными обществом социальными интересами (благами), при котором одному из них причиняется вынужденный вред деянием, обладающим формальными признаками состава преступления, но, в силу иных особенностей сложившейся ситуации (внешнего фактора и состояния), не наделенным материальными свойствами общественной опасности и уголовной противоправностью (преступностью)³.

По нашему мнению, в теории уголовного права идет смешение понятий «признаки преступления», «элементы состава преступления» и «признаки элементов состава преступления». Однако отождествлять эти понятия нельзя, поскольку «под элементом понимается составная часть какого-либо сложного целого, а под признаком – существенная сторона того или иного явления»⁴. Мы полагаем, что по этой же причине некоторые авторы причисляют к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, мало-значительность, невменяемость и др.⁵

Краткий обзор специальной литературы показал, что в уголовном праве под «преступностью» понимается свойство преступления, преступным же является деяние, обладающее признаками преступления. Таким образом, обстоятельства, исключающие преступность деяния – это обстоятельства, при наличии которых деяние утрачивает признаки преступления,

¹ Келина С.Г. Указ. соч. С. 4.

² Келина С.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды. С. 4.

³ Вельтмандер А.Т. Указ. соч. С. 11.

⁴ Уголовное право Российской Федерации: Общая часть: учебник / под ред. А.И. Марцева. Омск: Изд-во Омского юрид. ин-та МВД России, 1998. С. 99.

⁵ См., напр.: Орешкина Т.Ю. Уголовно-правовое значение непреодолимой силы // Уголовное право. 2003. № 2. С. 57.

перестает быть общественно опасным, противоправным, виновным и наказуемым.

В работе «Курс советского уголовного права» отмечается: «Неотъемлемыми признаками преступления по советскому уголовному законодательству являются общественная опасность деяния и его уголовная противоправность... Законодатель исходит из того, что при определенных обстоятельствах между ними происходит разрыв: действие, содержащее признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, может быть не общественно опасным, а следовательно, и не преступным»¹.

К таким обстоятельствам авторами «Курса советского уголовного права» отнесены малозначительность деяния, необходимая оборона и крайняя необходимость. Поэтому следует согласиться с А.В. Наумовым, который считает, что «все эти обстоятельства исключают и уголовную противоправность (противозаконность), и общественную опасность, и виновность, и наказуемость деяния, а следовательно, и его преступность», т.е. всю совокупность признаков преступления в целом. Полемизируя с А.В. Наумовым по этому поводу, В.А. Блинников в конечном итоге соглашается со своим оппонентом на том основании, что «иное приведет к необходимости считать обстоятельством, исключаяющим преступность деяния, например, невинное причинение вреда или малозначительность, которые в УК не входят в число легально признанных обстоятельств, исключаяющих преступность деяния»².

Более смелые суждения на этот счет высказывает Т.Ю. Орешкина: по ее мнению, обстоятельствами, исключаящими преступность деяния, «в широком смысле являются... такие не входящие в гл. 8 УК обстоятельства, как малозначительность деяния, невменяемость, недостижение возраста уголовной ответственности, добровольный отказ от совершения преступления, невинное причинение вреда»³.

Ч.М. Багиров подчеркивает отсутствие признаков общественной полезности и нейтральности в малозначительном деянии, которые характерны для обстоятельств, предусмотренных гл. 8 УК РФ. Тем не менее, он предлагает отнести положения ч. 2 ст. 14 УК РФ к разряду этих обстоятельств⁴. Автор обосновывает свое предложение наличием единой правовой природы этих институтов. По нашему мнению, правовая природа малозначительного деяния и обстоятельства, исключаящего преступность, не одинакова, что не позволяет объединить эти институты в одну главу.

Малозначительность не отвечает ни одному признаку, характерному для рассматриваемых обстоятельств. Прежде всего, малозначительное деяние не причиняет вреда объективно равному вреду, причиняемому при со-

¹ Курс советского уголовного права: в 5 т. / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский Л.: ЛОЛГУ им. А.А. Жданова, 1968. Т. 1. Общая часть. С. 460.

² См.: Пархоменко С.В. Указ. соч. С. 76.

³ Орешкина Т.Ю. Уголовно-правовое значение непреодолимой силы. С. 57.

⁴ Багиров Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 11.

вершении преступления; далее, такие малозначительные деяния не совершаются из общественно полезных побуждений; наконец, они не исключают всякую другую ответственность, напротив, прекратив уголовное дело, его материалы можно передать, например, в административную юстицию. Поэтому, как считает С.Г. Келина, «правильнее помещать и анализировать эту уголовно-правовую норму в тесной связке с нормой, определяющей признаки преступления»¹.

Отличительной особенностью поведения лица, совершившего малозначительное деяние, и лица, предотвратившего грозящую опасность, является то, что в последнем случае лицо не инициирует противоправной ситуации, другими словами, не совершается противоправное деяние, не создаются условия для наступления общественно опасных последствий. Напротив, оказавшись в общественно опасной ситуации, лицо своими действиями пытается предотвратить, устранить или нейтрализовать опасность. Особый правовой характер обстоятельств, исключающих общественную опасность, обуславливается социальной полезностью или социальной допустимостью совершаемого деяния.

Пытаясь ответить на вопрос о коренном отличии рассматриваемых обстоятельств от преступлений, с которыми они схожи по объективной стороне, С.В. Познышев еще в начале XX в. писал: «Законодатель должен исключить из числа преступных те деяния, которые, хотя и сходны по составляющим их действиям, но совершены при таких условиях, что не объективируют враждебного правопорядку настроения, выражающегося в сходных с ним преступлениях»².

Дальнейшее продвижение по пути развития института обстоятельств, исключающих преступность, указывает на заинтересованность ученых в отношении их социальной сущности. Так, А.Н. Трайнин писал: «Особенность этих случаев (необходимой обороны, крайней необходимости и др.) заключается в том, что здесь действия лица, хотя и носят все внешние черты общественно опасных деяний..., но тем не менее не являются социально опасными и тем самым не влекут за собой уголовных санкций»³.

И.И. Слуцкий считал, что деяния, совершенные при данных обстоятельствах, содержат признаки преступления, но лишь в силу воли законодателя не влекут уголовной ответственности⁴. Аналогичной точки зрения придерживался и А.Б. Сахаров⁵.

В 60-е гг. сформировалось мнение, что рассматриваемые обстоятельства следует именовать как исключающие не только общественную опасность, но и противоправность деяния⁶. Уголовным кодексом РСФСР

¹ Келина С.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды. С. 7.

² Цит. по: Миллюков С.Ф. Указ. соч. С. 91-92.

³ Там же.

⁴ Слуцкий И.И. Указ. соч. С. 11-12.

⁵ См.: Сахаров А.Б. Указ. соч. С.111-118.

⁶ См., напр.: Курс советского уголовного права / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. С. 460; и др.

1960 г. введено понятие «Обстоятельства, исключаящие общественную опасность и противоправность деяния». Казалось бы, ничего плохого в дополнительном указании на отсутствие признака противоправности нет. Однако излишняя перегруженность формулировки данного раздела уголовного права, которая уже сама по себе мало полезна («право должно стремиться к максимально возможной краткости»), таила в себе опасность «...затумашивания сущности рассматриваемых вопросов, переноса центра тяжести проблемы из социологической в формально-правовую плоскость»¹.

Позже, в 1991 г., вышла в свет известная работа Ю.В. Баулина «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния», в которой была четко определена позиция по отношению к деяниям, совершенным в условиях, исключаящих их преступный характер. Именно указанной точки зрения придерживается сегодня законодатель, назвавший гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния».

В свою очередь, С.Ф. Милюков считает, что уголовное право как наука и учебная дисциплина не должна всегда слепо следовать законодательной регламентации тех или иных институтов. Он предлагает сохранить за гл. 8 УК РФ прежнее, более точное название: «Обстоятельства, исключаящие общественную опасность деяния»².

В связи с этим предложением возникает вопрос: правильно ли будет по-разному именовать один и тот же институт в законе и теории уголовного права? На наш взгляд, реализация этого предложения не решит существующей проблемы, а лишь создаст дополнительные сложности в изучении данного института права.

На закономерность взаимного влияния теоретических исследований, состояние и развитие уголовного законодательства обращает наше внимание С.В. Пархоменко. Автор отмечает, что введение в 1996 г. в текст уголовного закона понятия обстоятельств, исключаящих преступность деяния, как ни странно, не вызвало полемики по поводу состоятельности нового законодательного понятия. По мнению С.В. Пархоменко, из числа существовавших в литературе наименований рассматриваемых обстоятельств отечественный законодатель избрал наиболее точное и юридически корректное – «обстоятельства, исключаящие преступность деяния»³.

Правильность законодательного определения рассматриваемых обстоятельств автору видится в том, что законодатель «поставил во главу угла не отдельные признаки преступности того или иного деяния (общественную опасность, противоправность, виновность, наказуемость), не уголовно-правовые последствия отсутствия одного из этих признаков либо их совокупности (т.е. исключение уголовной ответственности), а то, на чем создается граница между преступным и не преступным: легальное опреде-

¹ См.: Милюков С.Ф. Указ. соч. С. 94.

² Там же. С. 95.

³ Пархоменко С.В. Указ. соч. С. 59.

ление понятия преступления в ст. 14 УК РФ»¹. Отсюда следует, что под преступностью автор понимает всю совокупность признаков преступления.

Если факт отсутствия преступности при таких обстоятельствах, как необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, в литературе почти не оспаривается, то относительно остальных закрепленных гл. 8 УК РФ обстоятельств такого понимания правовой сущности нет.

На наш взгляд, одни обстоятельства, исключающие преступность деяния, общественно полезны, другие – социально допустимы, третьи – невиновны. Обстоятельства, имеющие иную правовую природу, не могут быть включены в анализируемую главу.

Таким образом, являясь составляющим компонентом единой системы обстоятельств, исключающих преступность деяния, крайняя необходимость обладает присущей только ей особенностью, позволяющей признать ее самостоятельным элементом. Ее отличительная особенность заключается в том, что при данном обстоятельстве происходит столкновение двух правоохраняемых интересов, для сохранения одного из которых вынужденно причиняется вред другому.

1.2. Обстоятельство крайней необходимости в истории отечественного уголовного законодательства

Современный, нашедший свое отражение в действующем уголовном законодательстве институт крайней необходимости прошел длительный и сложный процесс формирования и развития. Анализ этого процесса позволяет объективно и всесторонне понять и изучить связь, смысл и назначение данного института, а также определить его место в системе норм, исключающих преступность деяния, по действующему уголовному законодательству.

Зарождение и первоначальное становление нормы о крайней необходимости, как и большинства уголовно-правовых норм и институтов, происходило в досоветский период развития государства.

В тексте памятников русского права нормы о крайней необходимости не встречаются². Первое упоминание о крайней необходимости в отечественном законодательстве появляется в Соборном Уложении 1649 г. (гл. X, ст.ст. 282, 283), что стало результатом работы специально сформированного царем «Приказа князя Одоевского со товарищи», где говорилось о составлении проекта новых законов и создании «равного для всех правосудия»³.

¹ Пархоменко С.В. Указ. соч. С. 59.

² Изучение русского права и важнейшей его составляющей – уголовно-правовых норм – начинается с таких источников и памятников права, как договоры Руси с Византией X в., Русская Правда, Судебники 1497 г. и 1550 г. и Соборное Уложение 1649 г.

³ Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Наука, 1986. С. 112.

Этот крупный кодифицированный правовой акт оказал серьезное влияние на дальнейшее развитие российского уголовного права. Исследователями отмечается, что Уложение явилось важной ступенью в развитии русского законодательства. Преступление определялось как нарушение царской воли. В Уложении исследовались обстоятельства, исключющие уголовную ответственность, в том числе институт крайней нужды¹.

В ст. 283 гл. X «О суде» говорится: «а будет кто собаку убьет ручным боем, бороняся от себя, и ему за ту собаку цены не платить, и в вину ему того не ставити»². С точки зрения действующего законодательства описанную ситуацию можно расценивать как крайнюю необходимость, поскольку вред, причиненный собственнику собаки, был вынужденным, иначе в данных условиях избежать опасности, исходящей от нападавшей злой собаки, не представлялось возможным.

Данная правовая конструкция свидетельствует об имеющемся к тому времени положительном опыте: законодателем определен источник опасности, условия крайней необходимости, а также основание освобождения лица от ответственности.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что источник опасности в анализируемой норме конкретизирован – это нападение собаки. Соответственно, с изменением источника опасности создавалась и новая норма права. Казуистичность норм свидетельствует о прецедентном праве того времени. Общей нормы, предусматривающей в подобных случаях ответственность за причинение вреда охраняемым интересам, пока не существует.

«Воинский артикул»³, принятый в 1716 г. и содержащий в себе нормы только уголовного права, фактически представлял собой военно-уголовный кодекс без Общей части⁴. Юридическая техника этого нормативно-правового акта была достаточно высокой. Законодатель впервые в истории русского права вместо казуальных положений сформулировал общие уголовно-правовые запреты, дополнив их уточняющими нормами в виде толкований. Артикул содержал ряд правовых новелл. В нем было сформулировано понятие преступления как действия, причиняющего вред, а также вводился сам термин «преступление» и новые условия, устраняющие и смягчающие уголовную ответственность: необходимая оборона и крайняя необходимость («нужда»)⁵.

В Артикулах наряду с причинением по необходимости вреда чужому имуществу появились нормы, свидетельствующие о расширении круга ис-

¹ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во МГУ, 1961. С. 7.

² Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 189.

³ Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1990. С. 320-321.

⁴ Наумов А.В. Указ. соч. С. 64.

⁵ Исаев И.А. История России: Правовые традиции. М.: ЮКИС, 1995. С. 82.

точников угрожающей опасности, связанных с отвоевыванием позиций у сопредельных с Россией государств. Типичные для того времени ситуации были связаны с военными потерями: сдача крепости, голод, утрата обмундирования, вооружения и т.п.

Тем не менее в Воинских артикулах нормы, освобождающие от ответственности в силу крайней необходимости, носят казуальный характер. Положения о крайней необходимости нашли отражение в артикулах 123, 154, 180 и 195. Так, в артикуле 180 указывалось: «так и с теми таким же образом поступать надлежит, когда у подданных дворы, бревна, заборы и прочее сломаны и сожжены или хлеб на поле отравлен, или потрачен будет, разве по необходимой нужде востребуется и на то позволятся»¹.

Данной нормой предусматривалась ответственность за истребление чужого имущества, однако, в качестве обстоятельства, исключаящего уголовную ответственность, называлась «необходимая нужда», т.е. существование в этом крайней необходимости.

Кража продуктов в случае, если она была малозначительной, признавалась в артикуле 195 действием, совершенным в условиях крайней необходимости (крайней голодной нужды). В «толковании» данного артикула указывалось, что «наказание воровства обыкновенно умалется или весьма оставляется ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестные или питейные, или иное, что не великой цены украдет»².

Из содержания этого артикула следует, что смягчение или освобождение от наказания в данном случае возможно при условии, что хищение продуктов совершено из крайней нужды и похищенное не составляет «великой цены». Как видим, обстоятельство крайней необходимости дополнялось условием соблюдения правил малозначительности.

В артикуле 123 указывалось, что «притчины, которых ради комендант, офицеры и солдаты извинены быть могут, когда крепость здастся, суть следующие: Крайней голод, когда ничего не будет, чем человек питаться может, имея наперед всевозможную в пище бережность; Когда аммуниции ничего не останется, которая також со всякою бережью трачена; Когда людей так убудет, что оборонитися весьма не в состоянии будут (а во всю осаду оборонялися храбро), сикурсу получить не могут, и что крепости уже по всем видам удержать будет невозможно. Однакож сии пункты суть тем, кои особливого указа не имеют. А которые имеют указ до последняго человека оборонятися, то никакой нужды ради не капитулировать с неприятелем, и крепости не отдавать»³.

По мнению В.Н. Винокурова, в Воинском артикуле институт крайней необходимости уже довольно четко регламентирован: «в артикулах имеются указания о ненаказуемости или смягчении наказания за соверше-

¹ Артикул воинский // Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 368.

² Там же. С. 363.

³ Артикул воинский. С. 353.

ние ряда действий под воздействием строго определенных факторов»¹. В качестве таких факторов указаны: крайний голод, отсутствие одежды, гибель большого количества обороняющихся. Определены условия, позволяющие смягчить или исключить наказание при сдаче крепости: невозможность питаться, утрата одежды при бережном расходе, отсутствие возможности держать оборону.

В артикуле определено, что данные пункты распространяются на лиц, «не имеющих особо указа». Именно в этом можно увидеть зарожде-ние положения о специальном субъекте, имеющем обязанность оборонять-ся, не ссылаясь на состояние крайней необходимости.

Действие указанного источника права охватывало большой период времени – практически до принятия в 1832 г. «Свода законов Российской им-перии» и «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» в 1845 г.

Нормы уголовного права, содержащиеся в 15-м томе Полного собра-ния законов Российской империи, не в полной мере обеспечивали регули-рование общественных отношений середины XIX в. Для разрешения этой проблемы было издано новое законодательство: «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.). Документ был достаточно объе-мен (2 224 статьи) и отличался сложностью изложения, а также сохранени-ем казуистичности в формулировках ряда статей².

Вместе с тем заслугой его разработчиков явилось указание на обсто-ятельства, которые исключали виновность лица. Глава 3 Уложения «О определении наказаний по преступлениям» указывала «причины, по коим содеянное не должно быть вменено в вину». К ним относились «совершен-ная невинность того деяния», «малолетство», «безумие», «ошибка слу-чайная или вследствие обмана», «принуждение от превосходящей непре-одолимой силы», «необходимость обороны».

Таким образом, в данном случае наблюдается смешивание обстоя-тельств, исключающих преступность деяния в современном понимании, и признаков, исключающих состав преступления (отсутствие вины – «со-вершенная невинность», отсутствие такого признака субъекта преступ-ления, как достижение возраста уголовной ответственности – «малолет-ство», а также признака вменяемости – «безумие»).

Далее, в гл. V «О обстоятельствах, уменьшающих вину и наказание» говорилось: «Обстоятельствами, в большей или меньшей мере уменьшаю-щими вину, а с тем вместе и строгость следующего за оную наказания, признаются... 7) Если он учинил сие преступление единственно по край-ности и совершенному неимению никаких средств к пропитанию и рабо-те»³.

¹ Винокуров В.Н. Правомерное причинение вреда в состоянии крайней необходимости: монография. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2001. С. 14.

² Российское законодательство X-XX вв. в 9 т. / отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юрид. лит., 1988. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. С. 19.

³ См.: Российское законодательство X-XX веков. Т.6. С. 284-285.

Данной нормой законодатель смягчил наказание за деяние, совершенное в силу отсутствия средств к пропитанию, иначе говоря, в состоянии голода. Как известно, такой физиологический процесс, как голод, в современном законодательстве признается одним из источников опасности, вызывающим состояние крайней необходимости. В то время в науке уголовного права не рассматривалась возможная совокупность источников опасности при «обстоятельствах, уменьшающих ответственность».

Интересна позиция законодателя, который называет деяние, совершенное в состоянии крайней необходимости, преступлением, совершенным при обстоятельствах, уменьшающих вину, и, соответственно, снижает строгость наказания.

Таким образом, совершенные при рассматриваемых обстоятельствах деяния не исключают ответственности, а только дают основание для ее смягчения. Отсутствует в науке уголовного права и понятие превышения пределов рассматриваемого обстоятельства, т.к. деяние, совершенное в целях предотвращения большего вреда, само по себе является уже превышением – преступлением. Таким образом, норме о крайней необходимости предстояли серьезные изменения в ее развитии.

Позднее, анализируя в своих трудах институт крайней необходимости, Н.С. Таганцев указывал, что положения о нем в действующих законодательных актах (Свод законов 1842 г. и Уложение 1845 г.) были крайне неопределенны и противоречивы. В Уложении 1845 г., согласно теории психического принуждения, говорилось, что «учинившему противозаконное деяние вследствие непреодолимого к тому от превосходящей силы принуждения и токмо для избежания непосредственно грозившей его жизни в то самое время неотвратимой другими средствами опасности, содеянное им также не вменяется в вину» (ст. 100 Уложения). В Уставе о наказаниях (п. 4 ст. 10) упоминалось только лишь о принуждении от непреодолимой силы, при этом определения данного понятия не давалось¹.

Процесс вычленения крайней необходимости как отдельного института длился вплоть до XX в. До этого момента она применялась в казуальном порядке применительно к конкретным случаям². XX век, по мнению А.А. Арямова и М.А. Якунькова, изменил подход законодателя к исследуемому институту. «Уголовное уложение 1903 г. (ст. 40) выкристаллизовало крайнюю необходимость в самостоятельный институт Общей части уголовного закона именно как обстоятельство, исключаящее преступность причинения вреда»³.

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Общая часть: лекции: в 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 1. С. 215.

² Арямов А.А., Якуньков М.А. Вопросы теории и практики применения институтов необходимой обороны, крайней необходимости и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление: монография. Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 2004. С. 85.

³ Арямов А.А., Якуньков М.А. Указ. соч. С. 86-87.

На наш взгляд, более прогрессивными являлись положения о крайней необходимости, нашедшие отражение в Уголовном уложении 1903 г. В ст. 46 Уложения сказано: «Не почитается преступным деяние, учиненное для спасения жизни своей или другого лица от происшедшей вследствие угрозы, незаконного принуждения или иной причины опасности, в то самое время другим средством неотвратимой. При тех же условиях не почитается преступным и деяние, учиненное для ограждения здоровья, свободы, целомудрия или иного личного или имущественного блага, если учинивший имел достаточное основание считать причиняемый им вред мало-важным сравнительно с охраняемым благом»¹. Таким образом, исходя из ценности правоохраняемого объекта, законодатель выделял два вида крайней необходимости.

Нельзя не согласиться с мнением В.Ф. Антонова, утверждавшего, что в одном случае лицо освобождалось от ответственности вследствие того, что деяние было совершено в обстановке устранения смертельной опасности, а в другом – что освобождение от ответственности было обусловлено стремлением лица предотвратить опасность, угрожающую конкретному правовому благу².

В рассматриваемой норме не только определены объекты защиты при крайней необходимости, но и описаны соответствующие условия устранения опасности.

Итак, в первом случае при устранении опасности для «жизни своей или другого лица», исходящей от «угрозы, незаконного принуждения или иной причины опасности», не будет являться преступным деяние, если опасность не могла быть предотвращена «другим средством». Во втором случае, когда объектами охраны являются «здоровье, свобода, целомудрие или иное личное или имущественное благо», для признания деяния преступным к вышеуказанным условиям добавляется также следующее: «если учинивший имел достаточное основание считать причиняемый им вред мало-важным сравнительно с охраняемым благом».

Таким образом, впервые на законодательном уровне закреплялось требование о том, что лицо должно осознавать, что устранение опасности в данных условиях, во-первых, единственное средство устранения опасности, во-вторых, причиняемый им вред должен быть менее опасен, чем вред предотвращаемый.

Как в ранее действующих, так и в последующих нормах о крайней необходимости не указывалось на источники возникновения опасности, исключая, правда, ст. 46 Уголовного уложения 1903 г. В этом документе законодатель впервые, систематизировав совокупность источников опас-

¹ Уголовное уложение с изложением рассуждений, на коих они основаны // Материалы Особого присутствия Государственного совета при обсуждении проекта Уголовного уложения. СПб., 1910. С. 155.

² См., напр.: Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 19-20.

ности, объединил их в следующем определении: «от произошедшей вследствие угрозы, незаконного принуждения или иной причины опасности».

Характерная для предыдущих норм казуистичность сменялась формированием общих положений о крайней необходимости. Всякий раз, когда происходила смена источника опасности, угрожающего правоохраняемым интересам, создавался новый судебный прецедент, который ложился в основу разрешения аналогичного спора. Примечательно, что к источникам опасности, наряду с угрозой и «иными причинами опасности», отнесено и «незаконное принуждение», которое в настоящее время Уголовным кодексом 1996 г. выделено в самостоятельную норму (ст. 42 УК РФ).

Достоянием рассматриваемой нормы является расширение списка объектов защиты в условиях крайней необходимости. Стало возможным предотвращение опасности, угрожающей свободе, чести или иному личному благу. Например, Н.С. Таганцев отмечал, что «Уложение 1845 года упоминало только о защите жизни, а действующее Уголовное Уложение рядом с защитой жизни ставит охрану здоровья, свободы, целомудрия, а равно всякого иного личного имущественного блага. Система Уложения и с теоретической и с практической точки зрения представляется более целесообразной»¹.

В Уложении 1903 г. за счет указания на предел причиняемого вреда применительно к норме о крайней необходимости расширялся круг благ и ценностей, а также круг лиц, угроза интересам которых создавала положение крайней необходимости, что признавалось правоведами «как большой шаг вперед»².

Следует согласиться с утверждением В.Н. Винокурова, что формулировка нормы о крайней необходимости в Уголовном уложении 1903 г. наиболее полно охватывала (законные) интересы человека, т.к. при решении вопроса о соразмерности вреда учитывалось мнение лица о важности оберегаемых и нарушаемых благ (субъективный критерий)³.

В дореволюционном законодательстве ненаказуемость действий при крайней необходимости, по мнению Э.Я. Немировского, основывалась на субъективных критериях, суть которых сводилась к следующему: а) бессилие карательной угрозы удержать лицо от совершения преступного деяния в указанных ситуациях; б) невозможность требования от «среднего» гражданина героизма, который бы позволил ему не перекладывать опасность на другого; в) неменяемость лица, оказавшегося в состоянии крайней необходимости; г) бесцельность наказания с точки зрения общего и специального предупреждения; д) отсутствие опасности субъекта, совершающего деяние в состоянии крайней необходимости; е) необходимость считаться с инстинктом самосохранения⁴. В данном ряду аргументов безоснователь-

¹ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 215.

² Цит. по: Винокуров В.Н. Указ. соч. С. 16.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же.

ным, с нашей точки зрения, является указание на неменяемость лица, находящегося в состоянии крайней необходимости. Это есть не что иное, как издержки субъективного подхода к оценке ситуации.

Несомненно, формирование понятия крайней необходимости в отечественном уголовном праве было связано с развитием института преступления. Немаловажен тот факт, что первое упоминание о крайней необходимости встречается в Соборном Уложении 1649 г., а законодательное закрепление понятия преступления произошло лишь в Артикулах Петра I в 1716 г. Соответственно, первоначально состояние крайней необходимости не рассматривалось как основание для исключения преступления. Под крайней необходимостью понималась «нужда», которая являлась одним из условий освобождения от уголовной ответственности или смягчения наказания за преступление.

Как уже было сказано, норме о крайней необходимости в период ее возникновения были свойственны казуистичность и связь с малозначительностью деяния.

В результате октябрьских событий 1917 г. были отвергнуты достижения криминалистов классической школы, и тем самым была нарушена преемственность взглядов в уголовно-правовой науке. Многие институты уголовного права, в том числе и крайняя необходимость, были исключены из советского законодательства как пережиток прошлого¹.

Изданные 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» из обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, закрепляли лишь необходимую оборону (ст. 15)². Итогом дореволюционного развития института крайней необходимости, по наблюдениям В.Н. Винокурова, явилось то, что «в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. указание на крайнюю необходимость отсутствовало. По мнению В.Н. Козака, это можно объяснить «механическим упущением законодателя»³.

Впервые в послереволюционный период норма о крайней необходимости была включена в УК РСФСР 1922 г. В ст. 20 данного документа было установлено, что не подлежит наказанию уголовно наказуемое деяние, совершенное для спасения жизни, здоровья или иного личного или имущественного блага своего или другого лица от опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с охраняемым благом.

Основная проблема правовой регламентации крайней необходимости в первом Уголовном кодексе России просматривается достаточно четко. Необходимо отметить неудачное начало статьи, где общественно полезная

¹ История советского уголовного права / А.А. Герцензон [и др.]. М.: Госюриздат, 1947. С. 67.

² Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1970. С. 62.

³ Винокуров В.Н. Указ. соч. С. 17.

деятельность по реализации крайней необходимости именуется «уголовно наказуемым деянием», за совершение которого не назначается наказание.

По существу норма о крайней необходимости не претерпела изменений в УК РСФСР 1926 г. В ч. 2 ст. 13 УК РСФСР говорилось, что «меры социальной защиты судебно-исправительного характера не применяются, когда те же действия были совершены для отвращения опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с предупрежденным вредом».

Как мы видим, крайняя необходимость включалась в ч. 2 ст. 13 УК РСФСР, тогда как ч. 1 этой статьи была посвящена необходимой обороне. Таким образом, в одной статье устанавливались два различных по юридической природе обстоятельства, исключающие преступность деяния, что по своей сути является необоснованным.

Подобная формулировка закона существенным образом снижала активность граждан в борьбе с общественно опасными посягательствами и при защите охраняемых законом общественных отношений от грозящей опасности. Как справедливо заметил Н.А. Беляев, «вряд ли кто захочет рисковать своей жизнью, своим здоровьем, своим имуществом, если вред..., причиненный при отражении посягательства или иной угрозе, рассматривается государством как опасный для общества»¹.

Иными словами, законодатель признавал действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, как, впрочем, и при необходимой обороне, общественно опасными и ненаказуемыми лишь в силу указания на это в законодательстве.

Указание на общественно опасный характер действий при крайней необходимости было исключено из редакции ст. 13 УК РСФСР 1926 г. постановлением ВЦИК и СНК от 6 июня 1927 г.² С этого момента, по мнению В.А. Елеонского, институт крайней необходимости стал приобретать поощрительные свойства³. В такой редакции указанная норма просуществовала до принятия УК РСФСР 1960 г.

В УК РСФСР 1960 г. норме о крайней необходимости была посвящена ст. 14, содержание которой гласило: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но совершенное в состоянии крайней необходимости, т.е. для устранения опасности, угрожающей интересам Советского государства, общественным интересам, личности и правам данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред».

¹ Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: ЛОЛГУ им. А.А. Жданова, 1986. С. 17.

² Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 22.

³ Елеонский В.А. Поощрительные нормы в уголовном праве. Хабаровск, 1984. С. 48-49.

Несмотря на высокий потенциал науки уголовного права того времени и высокую законодательную технику, конструкцию нормы о крайней необходимости, отмечавшую, что «не является преступлением действие, хотя и попадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса», нельзя было признать удачной. Она придавала извинительный характер отношениям между государством и лицом, сохранившим большее благо, вместо поощрительного. Данное обстоятельство не соответствовало социальной природе крайней необходимости.

Анализ уголовного закона и учебной литературы 1960-х гг. указывает на то, что необходимая оборона и крайняя необходимость, предусмотренные УК РСФСР 1960 г., признавались «обстоятельствами, исключающими общественную опасность и противоправность деяния»¹.

Нормативное определение обстоятельств вытекает из определения преступления, что, на наш взгляд, является юридически обоснованным и логически последовательным. Однако следует помнить, что законодательному формированию нормы о крайней необходимости предшествовала длительная дискуссия, наблюдавшаяся среди теоретиков уголовного права.

Так, А.А. Пионтковский считал, что акт, совершенный в состоянии крайней необходимости, является правомерным действием с точки зрения уголовного права. «Большинство советских криминалистов, – пишет он, – признают, что состояние крайней необходимости исключает общественную опасность деяния, а тем самым и его противоправность. Как действие правомерное оно не заключает в себе состава преступления»².

Иной взгляд на природу крайней необходимости развивал А.Н. Трайнин. Он полагал, что состояние крайней необходимости не исключает общественной опасности деяния, однако оно исключает противоправность совершенного. А.Н. Трайнин считал, что состояние крайней необходимости имеет место при столкновении двух правомерных интересов, поэтому правовая природа крайней необходимости не может быть признана такой же, как правовая природа необходимой обороны³.

Вряд ли можно согласиться с критикой позиции А.Н. Трайнина И.И. Слуцким, который считал, что правовая природа поведения человека, обусловленного необходимой обороной или крайней необходимостью, одинакова. Он писал, что и в том, и в другом случае оно является общественно полезным, а потому и не противоправным⁴.

Не вполне обоснованна позиция С.А. Домахина, который отмечал, что в основе рассуждений А.Н. Трайнина о природе крайней необходимости лежал отрыв противоправности от общественной опасности деяния. Несмотря на имеющееся различие между этими двумя институтами, необходимая оборона и крайняя необходимость являются обстоятельствами, ис-

¹ См.: Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. С. 381-382.

² Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. С. 381.

³ Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1951. С. 341-344.

⁴ Слуцкий И.И. Указ. соч. С. 92.

ключающими общественную опасность и противоправность совершенного деяния¹.

Не нарушая сущности, но по-разному, иногда смещая акценты с одного признака на другой, передается авторами учебников советского периода законодательное содержание нормы о крайней необходимости².

С нашей точки зрения, нельзя признать общественно полезным деяние, в результате которого причиняется вред правомерным интересам или правам субъекта. Мы считаем, что деяния, совершенные в условиях крайней необходимости, следует характеризовать как социально допустимые.

Если взглянуть на историю развития крайней необходимости с позиции приоритетности охраняемых благ, то мы увидим, что УК РСФСР 1922 г., Основы уголовного законодательства 1924 г. и УК РСФСР 1926 г. закрепляли приоритет интересов личности, исключением же явились Основы уголовного законодательства 1958 г. и УК РСФСР 1960 г., указавшие на охрану прежде всего интересов Советского государства. Наконец, УК РФ 1996 г. остался верен идее, нашедшей выражение в УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (ст. 20) признавал ненаказуемым деяние, «совершенное для спасения жизни, здоровья или иного личного или имущественного блага своего или другого лица от опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с охраняемым благом». Данной нормой крайней необходимостью признавались случаи спасения личных и имущественных интересов отдельного гражданина.

Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. (ст. 9) и Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (ст. 13), полностью воспроизводящий положения общесоюзного закона, более широко очерчивали пределы применения нормы о крайней необходимости, не ограничивая их лишь случаями спасения личных или имущественных интересов отдельного гражданина.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. при определении понятия крайней необходимости отдавали предпочтение защите коллективных интересов, а среди них защите интересов Советского государства (ст. 14 Основ и УК РСФСР)³. Авторами «Курса советского уголовного права» отмечалось, что УК РСФСР 1960 г. уточняет и расширяет перечень интересов, которым угрожает опасность при крайней необходимости, ставя на первый план интересы Советского государства, общественные интересы. Тем са-

¹ Домахин С.А. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1956. С. 168.

² См.: Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. С. 380.

³ Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. М.: Юрид. лит., 1987. С. 7.

мым подчеркивается социальная сущность данного института советского уголовного права¹.

Следующий этап развития нормы о крайней необходимости определяется в концепции уголовного законодательства авторами модельного кодекса, обобщившего и вобравшего в себя теоретические разработки 70-80-х гг.: «При оценке правомерности действий, совершенных в состоянии крайней необходимости, учитываются характер и степень предотвращаемой опасности, реальность и близость ее наступления, фактические возможности лица по ее предотвращению, его душевное состояние в сложившейся ситуации, а также иные обстоятельства дела»².

Однако Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в ст. 26 «Крайняя необходимость» эти положения не воспроизвели³.

Результат развития нормы о крайней необходимости за данный период В.Н. Винокурову видится следующим:

– первоначально институт крайней необходимости «существовал» лишь при описании отдельных преступлений. По мере развития теории уголовного права законодатель шел по пути закрепления положений института крайней необходимости в нормах Общей части, где стремился регламентировать основания, условия и пределы причинения вреда в состоянии крайней необходимости;

– по мере развития уголовного права расширялся круг лиц, объем благ и интересов, угроза которым создавала состояние крайней необходимости;

– в зависимости от положения личности в государстве ненаказуемость деяний, причиняющих вред в состоянии крайней необходимости, оценивалась по объективному (сравнение вреда причиненного и вреда предотвращенного) либо субъективному (учет субъективного мнения лица о важности благ спасаемого и повреждаемого и психологического состояния лица в момент причинения вреда) критерию⁴.

Изученный материал в целом позволяет согласиться с мнением В.Н. Винокурова. Однако достаточных оснований говорить о закономерной зависимости ненаказуемости деяний, совершенных в состоянии крайней необходимости, от положения личности в государстве в рассматриваемый период у нас нет. Вывод о влиянии субъективного критерия на оценку ситуации, на наш взгляд, несколько преждевременен.

В заключение отметим, что законодательство советского периода выделяло два обстоятельства, исключающих преступность деяния: необходимую оборону и крайнюю необходимость. Однако современные усло-

¹ Курс советского уголовного права. Т. 1: Общая часть. С. 507-508.

² Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / под ред. Р.Н. Кудрявцева, С.Г. Келиной. М.: Наука, 1987. С. 130.

³ Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (проект) // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 8.

⁴ Винокуров В.Н. Указ. соч. С. 20-21.

вия общественной жизни продиктовали необходимость законодательного закрепления новых обстоятельств. Кардинальный поворот в развитии обстоятельств, исключающих преступность деяния, произошел вместе с принятием УК РФ 1996 г.

Из обстоятельства крайней необходимости выделились такие исторически сложившиеся виды необходимости, как физическое и психическое принуждение, исполнение приказа или распоряжения, обоснованный риск. Ситуации, ранее решаемые в рамках нормы о крайней необходимости, потребовали самостоятельного подхода. В зависимости от характера возникающих опасностей появилась необходимость выделения дополнительных условий правомерности при причинении вреда охраняемым общественным интересам. По мнению правоведов, необходимо было расширить круг обстоятельств, исключающих преступность деяния. Инициатива ученых основывалась на жизненных реалиях, свидетельствующих о том, что в рамках имеющихся обстоятельств – крайней необходимости и необходимой обороны – стало невозможным разрешать возникающие ситуации. Это обусловило увеличение круга обстоятельств с 2 до 8 и появление нового названия для объединяющей их главы: «Обстоятельства, исключающие преступность деяния, поскольку предыдущее название – «Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния» – больше не могло дать общей характеристики для всех обстоятельств¹.

Доктринальная разработка крайней необходимости унаследовала достижения предшествующего законодательства. Источники отечественного уголовного права, несмотря на известное несовершенство и исторически преходящий характер, оказали серьезное влияние на формирование современной нормы о крайней необходимости.

Исторически обусловленными предпосылками закрепления в уголовном законодательстве нормы о крайней необходимости явились:

1) объективно существующая необходимость отражения опасности от общества, государства, социальной группы, конкретной личности путем причинения вреда чужим правоохраняемым интересам;

2) расширение круга источников угрожающей опасности, связанное с научно-техническим прогрессом, экологическим кризисом, иными сопровождающими развитие общества факторами;

3) достижения науки уголовного права, позволяющие доктринально обосновать правомерность причинения вреда.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в отечественном уголовном праве, в первую очередь, происходило закрепление института обстоятельств, исключающих преступность деяния, затем процесс их дифференциации и, наконец, законодательное закрепление условий правомерности, влияющих на уголовную ответственность и назначение наказания.

¹ Кудратов М. Правовая природа обстоятельств, исключающих преступность деяния // Правоведение. 2013. № 3. С. 67.

1.3. Крайняя необходимость по уголовному законодательству зарубежных стран

Социальная и юридическая необходимость крайней необходимости признана в уголовном праве развитых стран. Об этом свидетельствует его закрепление в том или ином виде в изученных нами уголовных законодательствах следующих государств: Франции, Испании, Германии, Польши, Голландии, Австрии, Швеции, Швейцарии, Грузии, Молдовы, Беларуси, Украины, Таджикистана, Турции, Китая, Кореи и Японии.

Вместе с тем в уголовных кодексах этих стран имеются весьма существенные различия в законодательной регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния¹. Они касаются многих моментов: самого названия данных обстоятельств, их перечня, месторасположения в кодексе, условий правомерности и т.д. (см. Приложение 2).

В сравнительно-правовой литературе не раз высказывалось мнение об отсутствии единой и четкой системы обстоятельств, исключающих преступность деяния в уголовном праве зарубежных государств². Изучение нормативных материалов зарубежного законодательства позволило согласиться с данным утверждением. Действительно, отдельные факты свидетельствуют об отсутствии известной отечественному праву системы. По наименованиям глав и разделов, включающих норму о крайней необходимости, можно сказать, что обстоятельство необходимости понимается именно как основание для последующего исключения или смягчения наказания.

Так, по уголовному законодательству Турции, Польши, Австрии, Молдовы и Грузии норма о крайней необходимости входит в группу обстоятельств, исключающих наказание. В англосаксонском праве она является основанием освобождения от юридической ответственности³. В уголовных кодексах Швеции, Испании, Японии крайняя необходимость служит основанием освобождения от уголовной ответственности. Во Франции – это основание ненаступления уголовной ответственности. В УК Голландии «совершение правонарушения под воздействием силы» входит в главу, предусматривающую наряду с основаниями освобождения от уголовной ответственности и основание усиления уголовной ответственности (ст. 44 УК Голландии – «использование должностных обязанностей»). В УК Германии два известных нашему законодательству обстоятельства выделены в отдельную главу «Необходимая оборона и крайняя необходимость». В УК Австрии крайняя необходимость входит в «Общие постановления» наряду с положениями о формах вины, юридической ошибке, соучастии и т.д. Имеется в этом ряду и по-

¹ Пейзак Р.И. Основания освобождения от юридической ответственности в англосаксонской и континентальной правовой традиции: сравнит.-прав. анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 12.

² См.: Курс уголовного права. Общая часть: учебник: в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 1999. Т. 1: Учение о преступлении. С. 461.

³ Пейзак Р.И. Указ. соч. С. 8.

ложение об отсутствии противоправности деяния: в § 1 УК Австрии закреплено: «Нет наказания без закона»¹. В уголовном законодательстве КНР и Кореи также отсутствует четкая система обстоятельств, исключающих уголовную ответственность. В УК Республики Корея крайняя необходимость входит в главу «Преступление», в УК КНР – в главу 2 «О преступлении».

Напротив, в УК Швейцарии крайняя необходимость помещена в раздел «Правомерные действия», что придает анализируемому обстоятельству принципиально иную правовую сущность. Здесь крайняя необходимость изначально рассматривается как правомерное деяние, а не как обстоятельство или основание, позволяющее освободить лицо от уголовной ответственности. На наш взгляд, данный подход к определению сущности крайней необходимости свидетельствует о преимущественном признании социально допустимого характера подобных деяний.

О едином понимании правовой природы обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, свидетельствует тот факт, что известные уголовному закону той или иной страны обстоятельства в основном расположены в одной главе с крайней необходимостью. Исключением является уголовный закон Грузии. Обстоятельства, которые традиционно в уголовном законе многих государств отражаются в одном институте, в УК Грузии закреплены в разных главах. Поместив такие обстоятельства, как необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление, крайнюю необходимость и правомерный риск, в гл. VIII «Обстоятельства, исключающие противоправность деяния», законодатель отнес ошибку и исполнение приказа наряду с малолетством и психическим заболеванием к числу «обстоятельств, исключающих и смягчающих вину» (гл. IX УК Грузии)².

Польский, австрийский и белорусский законодатели сочли необходимым в одной главе с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, закрепить норму об ошибке в таких обстоятельствах. Важность вопроса о значении ошибки при квалификации деяния бесспорна. Речь об этом идет, например, в работе А.А. Малиновского³.

В Уголовном кодексе Польши наряду с юридической (ст. 30 УК Польши) и фактической ошибкой (ст. 28 УК Польши) отдельной нормой предусмотрена ошибка в обстоятельствах, исключающих неправомерное поведение (ст. 29 УК Польши). Согласно ст. 29 УК Польши не совершает преступления тот, кто совершает запрещенное деяние, заблуждаясь относительно обстоятельства, исключающего неправомерное поведение либо вину. Если же ошибка виновного не будет оправдана, суд может применить чрезвычайное смягчение наказания⁴. Ошибка, терминологически обозначаемая как «заблуждение», по УК Польши дает основание исключить преступный

¹ Уголовный кодекс Австрии. СПб., 2004. С. 44.

² Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2002. С. 104.

³ Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М.: Международные отношения, 2002. С. 137.

⁴ Уголовный кодекс Республики Польша. СПб., 2001. С. 21.

характер деяния, либо смягчить наказание. Недостатком данной нормы, на наш взгляд, является отсутствие указания на форму вины.

В отличие от польского законодательства, УК Австрии не только указывает на форму вины, но и подчеркивает, что ответственность возможна только в случае прямого указания на это в законе. Так, в § 8 УК Австрии говорится: «Всякий, кто ошибочно воспринимает обстоятельства дела, предполагая, что противоправность поступка исключается, не может понести наказание за совершение умышленного деяния. Он может быть наказан за совершение неосторожного деяния, если его заблуждение основывается на неосторожности и это неосторожное деяние запрещено под угрозой наказания»¹.

Из данной нормы следует, что лицо, действующее под влиянием ошибочного представления об обстоятельстве дела, действует по неосторожности. Излишним, на наш взгляд, является повторное указание на ошибочное восприятие обстоятельства в самой норме о крайней необходимости, в соответствии с которой «лицо наказывается за неосторожное преступление, если оно ошибочно восприняло обстоятельства, при которых его деяние было бы невиновным, если это деяние уголовно наказуемо как неосторожное» (ч. 2 § 10 УК Австрии).

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК РБ) выделяет уже два вида ошибок в обстоятельствах, исключающих преступность деяния:

1) если лицо вследствие заблуждения считало, что находится в состоянии необходимой обороны (ст. 34 УК РБ), крайней необходимости (ст. 36 УК РБ) либо осуществляет задержание лица, совершившего преступление (ст. 35 УК РБ), но по обстоятельствам дела не должно было и не могло сознавать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, его действия оцениваются по правилам соответствующих статей (ст.ст. 34, 35, 36 УК РБ), т.е. как действия, совершенные в состоянии указанных обстоятельств (ч. 1 ст. 37 УК РБ);

2) если лицо должно было и могло предвидеть отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, то оно несет за него ответственность как за преступное деяние, совершенное по неосторожности (ч. 2 ст. 37 УК РБ)².

Иначе говоря, добросовестное заблуждение относительно рассмотренных обстоятельств белорусский законодатель расценивает как правомерное деяние, совершенное при обстоятельствах, исключающих преступность. При небрежном или недостаточно внимательном отношении, когда лицо должно было и могло осознавать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, ответственность наступает как за преступное деяние, совершенное по неосторожности.

Аналогично поступил и французский законодатель, расположив норму о юридической ошибке в одной главе с обстоятельствами, исключающими преступность деяния. Особенность УК Франции заключается в том, что

¹ Уголовный кодекс Австрии. С. 48.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001. С. 110-111.

основанием освобождения от ответственности является только юридическая ошибка. В ст. 122-3 закреплено: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, представившее доказательства того, что в силу ошибки относительно права, которой оно не могло избежать, оно полагало, что имеет законное основание совершить действие»¹. Другими словами, правовые последствия совершения фактической ошибки в УК Франции не регламентированы.

Норма об ошибке предусмотрена также Общей частью уголовных кодексов Испании, ФРГ, Швейцарии. Закрепление норм, регламентирующих ошибку на уровне уголовного законодательства, по нашему мнению, является верным решением. Представленные выше данные о принятых в зарубежных странах подходах к решению вопроса подкрепляют нашу позицию о необходимости регулирования деяния, совершенного при ошибочном представлении крайней необходимости.

Своеобразным решением отличается законодатель Украины, который закрепляет ошибку только относительно необходимой обороны. Статья 37 «Мнимая оборона»² предусматривает ответственность лица в зависимости от осознания им ошибочности своего предположения относительно наличия посягательства.

В действующем УК России в нормах об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, отсутствует положение об ошибке. Более того, нет в нем и общей нормы, закрепляющей юридическую и фактическую ошибки, хотя в теории уголовного права институт ошибки достаточно разработан³. Поиску решения данного вопроса в отечественном праве посвящена часть 2.3 данной работы.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, предусмотренные УК Таджикистана, по названию и месторасположению в главе совпадают с УК РФ. Однако по своему содержанию правовые конструкции отличаются от одноименных норм в УК РФ. В частности, в ст. 42 УК Таджикистана кроме определения крайней необходимости и превышения ее пределов указываются обстоятельства, подвергающиеся учету при оценке правомерности деяния, совершенного в условиях крайней необходимости. Дополнительному учету подлежат «характер и степень предотвращаемой опасности, реальность и близость ее наступления, фактическая возможность лица по ее предотвращению, его душевное состояние в сложившейся ситуации и другие обстоятельства дела»⁴.

Закрепление такого уточнения в уголовно-правовой норме, на наш взгляд, является вполне обоснованной. Особенно актуален этот вопрос для отечественного правоприменителя, если учитывать, что иного толкования нормы о крайней необходимости нет.

Рассмотрим подробнее понятие крайней необходимости, закрепленное уголовным законодательством некоторых зарубежных стран.

¹ Уголовный кодекс Франции. СПб., 2001. С. 80.

² Уголовный кодекс Украины. СПб., 2001. С. 38-39.

³ См.: Малиновский А.А. Указ. соч. С. 140.

⁴ Уголовный кодекс Таджикистана. СПб., 2003. С. 21.

В УК Турции крайняя необходимость определена как одно из трех обстоятельств, исключающих или смягчающих наказание, дающих право не подвергать наказанию деяние, совершенное «вынужденно в ситуации, вызванной необходимостью предотвращения серьезной и реальной опасности, угрожающей самому лицу или другому лицу, которую иначе невозможно было предотвратить» (ст. 49 УК Турции)¹.

Норма о крайней необходимости в УК Швейцарии имеет свои особенности. Она подразделяется на два вида по признаку цели: предотвращение опасности для собственного блага или для чужого блага². В первом случае крайняя необходимость трактуется как совершение лицом деяния для предотвращения непосредственной и неустранимой иными средствами опасности, грозящей принадлежащему лицу благу (жизни, здоровью, чести, свободе, имуществу), если «данная опасность не была им виновно создана и если по обстоятельствам дела нельзя было требовать от него принесения в жертву подвергаемого опасности блага» (ч. 1 ст. 34 УК Швейцарии). При соблюдении всех этих условий деяние не является наказуемым. При этом, «если опасность была им виновно создана или если по обстоятельствам дела можно было требовать от него принесения в жертву подвергаемого опасности блага, то судья смягчает наказание по своему усмотрению» (ч. 1 ст. 34 УК Швейцарии).

Несколько иные условия предусмотрены при крайней необходимости совершения деяния для предотвращения опасности для чужого блага (жизни, телесной неприкосновенности, свободы, чести, имущества). Деяние также не влечет за собой наказания, если опасность была непосредственной и неустранимой иными средствами. Однако если лицо могло осознавать, что от того, кому принадлежало благо, можно было «потребовать умаления подвергаемого опасности блага», то судья применяет наказание, но может его смягчить.

По нашему мнению, несмотря на определенную критичность такого подхода, вполне очевидно, что законодатель Швейцарии подобным образом предоставляет суду большие возможности по применению нормы о крайней необходимости и стимулирует деятельность человека, направленную на защиту охраняемых законом интересов.

По описанию «необходимости» в УК Швеции можно полагать, что норма о крайней необходимости является нормой-дополнением по отношению к остальным основаниям освобождения от уголовной ответственности. В ст. 4 УК Швеции сказано: «Деяние, совершенное лицом в случаях, отличных от описанных ранее в настоящей Главе, если оно было совершено не по необходимости, образует преступление, только если оно не являлось оправданным ввиду природы опасности, вреда, причиненного другому лицу, и обстоятельств в целом»³.

¹ Уголовный кодекс Турции. СПб., 2003. С. 60.

² Уголовный кодекс Швейцарии. М., 2000. С. 13.

³ Уголовный кодекс Швеции. СПб., 2001. С. 199.

В уголовном праве Китая крайняя необходимость понимается как «экстренные действия по предотвращению опасности». В соответствии со ст. 21 УК КНР экстренные действия, вынужденно предпринятые для предотвращения опасности, грозившей государственным, общественным интересам, самой личности и прочим лицам, их собственности и другим правам, если они нанесли ущерб, не подлежат уголовной ответственности¹. Из нормы китайского законодательства неясно, кому причиняется вред в результате предотвращения опасности.

Положительно отличается норма о крайней необходимости УК Испании. Основные признаки в ней сформулированы достаточно четко и определены. В соответствии с п. 5 ст. 21 УК Испании не подлежит уголовной ответственности тот, кто в состоянии необходимости для предотвращения вреда себе или другому лицу наносит вред или ущерб правам другого лица или нарушает обязательства, но только в случае, если это будет соответствовать установленным нормой условиям², четко определенным законодателем: а) если причиненный вред не больше вреда, который был предотвращен; б) если состояние необходимости не было спровоцировано лицом, причинившим вред; в) если профессиональной обязанностью лица, находящегося в состоянии необходимости, не является самопожертвование в защиту чьих-либо прав.

Наиболее полное понятие о крайней необходимости содержится в уголовно-правовой норме польского законодательства. Статья 26 УК Польши, кроме понятия крайней необходимости (§ 1), включает положения о соотношении благ (§ 2), превышении пределов крайней необходимости (§ 3) и специальном субъекте (§ 4), а также регламентирует случаи столкновения обязанностей (§ 5). Согласно ст. 26 УК Польши не совершает преступления тот, кто действует с целью предотвращения непосредственной опасности, угрожающей какому-либо благу, охраняемому правом, если опасности невозможно было избежать иным способом, а благо, принесенное в жертву, имеет ценность меньшую, чем спасенное³.

Указанные в определении признаки достаточно четко характеризуют обстоятельство крайней необходимости. Во-первых, отмечается, что опасности нельзя было избежать иначе, как посредством причинения вреда. Во-вторых, причиненный вред должен быть меньше вреда предотвращенного.

Несколько своеобразна законодательная регламентация крайней необходимости в УК ФРГ. Законом предусматриваются два вида необходимости: правомерная крайняя необходимость (§ 34 УК ФРГ) и крайняя необходимость, исключаящая или смягчающая вину (§ 35 УК ФРГ). Не обсуждая вопроса о целесообразности такого подхода, обратимся к содержанию указанных норм.

¹ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. СПб., 2001. С. 23-24.

² Уголовный кодекс Испании. М., 1998. С. 17-18.

³ Уголовный кодекс Республики Польша. С. 56.

Согласно § 34 УК ФРГ субъект, совершающий деяние в условиях наличной (иначе – непредотвратимой) опасности для жизни, здоровья, свободы, чести, собственности или другого правового блага, чтобы отвлечь опасность от себя или других, действует не противоправно, если при оценке противостоящих интересов, в частности соответствующих правовых благ и степени угрожающей им опасности, защищаемый интерес значительно превосходит нарушенный. Причем данное положение применимо постольку, поскольку деяние является соразмерным средством для предотвращения опасности¹.

В § 35 УК ФРГ предусматривается крайняя необходимость, исключаящая или смягчающая вину при совершении противоправного деяния в условиях наличной (иначе – непредотвратимой) опасности для жизни, здоровья или свободы, с целью отвлечь опасность от себя, родственников или близких².

Данное положение критикуется отечественными и зарубежными учеными и практиками. А.А. Малиновский пишет: «Не совсем понятна целесообразность и научная обоснованность такого подхода. Если учесть, что лицо, совершающее деяние в условиях правомерной крайней необходимости, действует невиновно, то предписание § 35 следует рассматривать как излишнее, поскольку оно, по сути, повторяет положения § 34 Кодекса»³.

Как считает А.В. Серебренникова, такое деление крайней необходимости на два вида было вызвано тем, что ее первый вид является обстоятельством, исключающим ответственность, а второй (как и следует из определения) – обстоятельством, исключающим или смягчающим вину. Такое деление было обусловлено тем, что по германской уголовно-правовой доктрине осознание противоправности, наряду с виной, является самостоятельным элементом состава⁴.

Согласно работе А.Э. Жалинского разделение уголовно-правовой крайней необходимости на два вида в немецкой литературе следует понимать как «дифференцированное обращение с крайней необходимостью». Он отмечает, что оценка крайней необходимости «основывается на взвешивании противостоящих интересов, при этом важно помнить о том, что в случае крайней необходимости, устраняющей противоправность деяния, действует требование превышения противостоящих интересов, по отношению же к крайней необходимости, устраняющей вину, признается равенство интересов»⁵.

¹ Уголовный кодекс ФРГ. М., 2000. С. 20.

² Там же.

³ Малиновский А.А. Указ. соч. С. 127.

⁴ Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Омега-Л, 2003. С. 391-392.

⁵ Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М.: ТК Велби; Проспект, 2004. С. 196-197.

Заметим, что подход германского законодателя критикуется не всеми – он находит поддержку в работах некоторых отечественных ученых¹. Например, В.Ф. Антонов предлагает, руководствуясь опытом ФРГ, произвести законодательное разделение крайней необходимости на исключаящую вину и правомерную².

При внимательном изучении двух норм о крайней необходимости, закрепленных в УК ФРГ, – правомерной (§ 34) и исключаящей или смягчающей вину (§ 35) – можно заметить, что данные нормы отнюдь не повторяют друг друга. Их отличия можно представить следующим образом.

Таблица 1

§ 34. Правомерная крайняя необходимость	§ 35. Крайняя необходимость, исключаящая или смягчающая вину:
1. Это деяние	1. Это объективно-противоправное деяние
2. Отвращение опасности от себя или других	2. Отвращение опасности от себя, родственников или близких
3. Лицо действует непротивоправно	3. Лицо действует невиновно
В данной норме определены условия правомерности: а) защищаемый интерес значительно превосходит нарушенный; б) деяние – соразмерное средство для предотвращения опасности.	Предъявляются требования к субъекту крайней необходимости. Данное положение неприменимо к лицу, от которого можно было потребовать не допускать этой опасности. Норму дополняет дефиниция об ошибке относительно обстоятельств, которые могли бы исключить вину ((2) § 35).

Первые три позиции показывают, что второй вид крайней необходимости (§ 35 УК ФРГ) является противоправным деянием, но позволяет исключить вину лица, если им отвращается опасность от себя, родственников и близких. Тем самым законодатель «объясняет» поведение человека, который в силу естественного права на самосохранение спасает собственную жизнь или жизнь близких ему людей за счет другого человека. Поскольку нельзя отменить природный инстинкт самосохранения, наличие нормы о крайней необходимости, исключаящей вину, позволит разрешить вопрос о моральной стороне проблемы, возникающей при «коллизии жизней».

Учитывая вышесказанное, мы считаем, что подход германского законодателя вполне обоснован. Более того, если учесть, что в УК ФРГ отсутствует законодательное определение превышения пределов крайней необходимости, по правилам которой обозначенная проблема решается в отечественном праве, то закрепление в уголовном законе извинительной крайней необходимости является необходимым.

¹ См., напр.: Арямов А.А., Якуньков М.А. Указ. соч. С. 107-108; Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 105-106.

² См.: Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 105-106.

Кроме того, представляет интерес второй вид крайней необходимости, при которой ответственность не исключается, но может быть смягчена, если лицо само создало опасность или находилось в особых правоотношениях, в силу которых от него можно было потребовать не допускать этой опасности (§ 35 УК ФРГ).

В изученных нами уголовных кодексах фактическим основанием возникновения крайней необходимости является опасность, которая различным образом характеризуется зарубежными законодателями.

Так, законодатели Франции сочли необходимым указать на временной признак опасности – «наступившая или неминуемая в будущем» (ст. 122-7 УК Франции). Не расширяют рамки будущей опасностью в УК Китая, где предотвращается «грозившая опасность» (ст. 21 УК Китая) и в УК Грузии – «угрожавшая» (ст. 30 УК Грузии). Напротив, «неизбежная» и «неминуемая» в будущем опасность служит основанием для ее предотвращения по УК Молдовы (ст. 38 УК Молдовы) и УК Кореи (ст. 22 УК Кореи). Предотвращение «наличной» опасности является правомерным деянием в ФРГ (§ 34 УК ФРГ) и Японии (ст. 37 УК Японии).

В УК Голландии опасность определяется как сила, которой лицо не может противостоять¹. Такое описание опасности показывает, что законодателем учитываются особенности субъекта, оказавшегося в экстремальной ситуации. Здесь опасность не просто рассматривается как данность, угрожающая правоохраняемому объекту, но и соотносится с возможностью лица противостоять этой силе.

Неудачно, на наш взгляд, определяется опасность в УК Испании: «...для предотвращения причинения вреда себе или другому лицу наносит вред или ущерб правам другого лица...»² (*курсив наш.* – Г. Х.). С позиции отечественного права мы считаем, что будет неверным определять опасность как «вред», поскольку вред есть следствие деяния по предотвращению опасности. Из самой нормы следует, что основание деяния и следствие этого деяния одинаково определяются как «вред». Более того, определение возникновения опасности как «причинение вреда», на наш взгляд, сужает возможный перечень источников опасности, поскольку причинить вред может только человек своим действием либо бездействием.

Последнее положение учтено австрийским законодателем, который определил опасность как «непосредственно угрожающий вред»³.

«Непосредственно угрожающая» опасность, как и в УК России, служит основанием возникновения ситуации крайней необходимости по УК Швейцарии, Польши, Беларуси, Таджикистана и Украины.

Опасность при правомерной крайней необходимости не может быть создана самим лицом: такое требование к источнику опасности предъявляется уголовным законом Швейцарии и ФРГ. Другими словами, опасность

¹ Уголовный кодекс Голландии. СПб., 2000. С. 73.

² Уголовный кодекс Испании. С. 17.

³ Уголовный кодекс Австрии. С. 49.

не должна исходить от действий субъекта крайней необходимости. Мы вернемся к этому вопросу при изучении субъекта крайней необходимости.

Рассмотрим объективные и субъективные признаки крайней необходимости в уголовных законах иностранных государств.

Сравнительный анализ объекта, охраняемого в условиях крайней необходимости по зарубежному законодательству, показал, что в ряде случаев перечень объектов конкретно определен. Например, в Швеции это жизнь, здоровье, собственность. Честью и свободой дополняется перечень объектов в УК Швейцарии и ФРГ. Указанием лишь на принадлежность правоохраняемого интереса ограничиваются уголовные кодексы Турции (угроза самому лицу или другому лицу), Испании (собственные интересы или другого лица), Австрии (себе самому или третьему лицу), Кореи (чьи-то законные интересы или интересы другого лица), Франции (самому, другому лицу или собственности). Безусловно, здесь нет упоминания об интересах общественных и государственных. И напротив, с общественных интересов начинается перечень объектов, охраняемых УК КНР.

Одновременное указание на вид охраняемого объекта и его принадлежность приводится в УК Японии: «жизнь, здоровье, свобода и имущество собственное или другого лица»¹. Законодатели Польши посчитали достаточным указать в качестве объекта «какое-либо благо, охраняемое правом»². Отсутствует указание на объект в УК Голландии. Согласно ст. 40 лицо, совершающее «правонарушение под влиянием силы, которой оно не может противостоять, не подлежит уголовной ответственности»³. Данная норма свидетельствует о слабом развитии нормы о крайней необходимости в праве Голландии.

Более близким к отечественному праву и, на наш взгляд, правильным и полным является перечень объектов, указанных в УК РБ, Таджикистана и Украины, а именно правоохраняемые объекты самого лица, другого лица, общества и государства.

Как и в УК РФ, деятельность в условиях крайней необходимости определена в УК Украины, Испании и Таджикистана как «причинение вреда». В УК Турции, Швеции, ФРГ (§ 34), Швейцарии, Кореи объективная сторона определяется как «деяние» с описанием обстановки или указанием цели такого деяния. Например, в УК Турции это «деяние, совершенное в вынужденной ситуации»⁴, в УК Кореи – «деяние, совершенное для того, чтобы избежать неминуемой опасности...»⁵.

Уголовно наказуемым деянием или противоправным действием признается крайняя необходимость в уголовном законодательстве ФРГ (§ 35), Грузии и Австрии.

¹ Уголовный кодекс Японии. СПб., 2002. С. 51.

² Уголовный кодекс Республики Польша. С. 56.

³ Уголовный кодекс Голландии. С. 73.

⁴ Уголовный кодекс Турции. С. 60.

⁵ Уголовный кодекс Республики Корея. СПб., 2004. С. 50.

«Не совершает преступления» в условиях анализируемой ситуации лицо, подпадающее под юрисдикцию Польши (ст. 26 УК Польши).

Наконец, формулировка законодателя КНР не рождает вопроса о правовом характере деятельности в состоянии крайней необходимости, которая определена как принятие «срочных мер для предотвращения опасности» (ст. 21 УК КНР).

Последствие крайней необходимости определяется как вред, причиненный правоохраняемым интересам в результате совершенного деяния. Однако такое определение последствия чаще всего возникает не из прямого указания в законе, а вытекает из смысла уголовно-правовых норм зарубежных кодексов.

В ряде случаев законодатель совместил последствие с условием правомерности крайней необходимости, указав, например, что «причиненный вред должен быть менее значительным, чем спасенный» (ст. 30 УК Грузии); «причиненный вред не является несоразмерно большим, чем вред, который предотвращен» (§ 10 УК Австрии) и т.д.

Уголовные законы некоторых стран определили, чьим интересам в результате деяния в условиях крайней необходимости причиняется вред. Например, в УК Швеции закреплено, что вред причиняется «правам других лиц», в УК Кореи – «чьим-то законным интересам», в УК Испании – «вред или ущерб правам другого лица, нарушение обязательств». Подобные положения содержатся в УК Грузии, Таджикистана и Украины.

Отсутствует указание на последствие в кодексах Голландии и Молдовы, но поскольку деяние определяется как «правонарушение» в УК Голландии и как «деяние, предусмотренное уголовным законом» в УК Молдовы, есть основание полагать, что последствие таких деяний – общественно опасный вред.

Наконец, вообще отсутствует указание на последствие в УК Турции и Франции.

Уникальна законодательная норма Японии, указавшая не только на деяние и наступившее последствие, но и на причинную связь между ними. В ст. 37 УК Японии закреплено, что деяние ненаказуемо «лишь если возникающий в результате этого действия ущерб не превышает степень отменяемого ущерба»¹.

Обстановка, вызвавшая состояние крайней необходимости, в различных уголовных кодексах описывается по-разному: как наличие опасности (УК Японии), как угроза правоохраняемому благу или столкновение обязанностей (УК Польши), как необходимость предотвращения серьезной и реальной опасности (УК Турции), как влияние силы (УК Голландии) и т.д.

При определении условия правомерности указывается на отсутствие иных средств и способов устранения опасности в сложившейся ситуации в УК Польши, Грузии, Турции, Швейцарии и Украины. Не ставят такого

¹ Уголовный кодекс Японии. С. 51.

условия законодатели Японии, Кореи Китая, Австрии, Испании, Швеции и Голландии.

Положительным следует признать законодательный опыт Кореи и Таджикистана. В УК этих государств указывается на объективные признаки, подлежащие обязательному учету при оценке правомерности деяния, совершенного в состоянии крайней необходимости. Согласно п. 3 ст. 21 УК Кореи, действия, совершенные под воздействием страха, в замешательстве в ночи или под влиянием иных чрезвычайных обстоятельств, не подвергаются наказанию¹. В соответствии с п. 3 ст. 42 УК Таджикистана учету подлежат «характер и степень предотвращаемой опасности, реальность и близость ее наступления, фактическая возможность лица по ее предотвращению, его душевное состояние в сложившейся ситуации и другие обстоятельства дела»².

На наш взгляд, данные положения в отечественном праве уместно было бы расположить в разъяснении Пленума Верховного Суда, посвященного обстоятельствам, исключающим преступность деяния, поскольку действующий Пленум Верховного суда РФ³ включает в себя только положения о необходимой обороне и задержанию преступника, что, на наш взгляд, и влияет на отсутствие практики применения ст. 39 УК РФ.

Любопытен опыт зарубежного законодателя в определении субъекта крайней необходимости. Как известно, в ст. 39 УК РФ упоминание о субъекте отсутствует, из чего мы делаем вывод о возможности совершения деяния любым лицом. Подобное положение наблюдается в уголовном законе большинства стран: Турции, Швеции, Франции, Австрии, Молдовы, Германии, Грузии, Беларуси, Таджикистана, Украины.

Исключения составляют государства, законодательством которых вводятся определенные требования к лицу, действующему в условиях крайней необходимости. Например, уголовным законом Польши не рассматриваются как состояние крайней необходимости случаи, когда лицо, будучи обязанным охранять то или иное благо, жертвует этим благом, даже подвергая себя опасности (§ 4 ст. 26 УК Польши). Однако наличие крайней необходимости признается в том случае, когда у лица, на которого возложены несколько обязанностей, имелась возможность выполнить хотя бы одну из них (§ 5 ст. 26 УК Польши).

Положения о крайней необходимости не распространяются на лиц, имеющих специальную обязанность, профессиональный или служебный долг по предотвращению опасности также в УК Испании, ФРГ (§ 35), КНР, Кореи и Японии.

¹ Уголовный кодекс Республики Корея. С. 49-50.

² Уголовный кодекс Таджикистана. С. 21.

³ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: пост. Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 сент. 2012 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. № 11. С. 6

Полагаем, данное положение целесообразно было бы закрепить в УК РФ. Лицо не вправе ссылаться на состояние крайней необходимости, если по своему служебному положению обязано претерпевать грозящий ему вред.

О необходимости закрепления подобных предписаний еще в советском уголовном законодательстве говорил Ю.В. Баулин¹. В частности, он обращался к опыту Японии, где в ч. 2 ст. 37 УК указывается, что положения о крайней необходимости не применяются к лицу, на котором лежит специальный долг в силу вида занятий. К таким лицам относятся полицейские, врачи, моряки и др.

В УК ФРГ крайняя необходимость, исключаяющая или смягчающая вину (§ 35 УК ФРГ), считается правомерной, если соблюдается еще одно требование: действия правомерны, если опасность не была создана самим лицом. Вопрос о провокации крайней необходимости бесспорно важен при решении вопроса об уголовной ответственности. Однако следует помнить, что опасность может быть создана и невиновными действиями самого лица. На это обращается внимание в уголовном законе Швейцарии, а именно в ст. 34 УК определено, что действия при крайней необходимости считаются правомерными, если «опасность не была виновно создана этим лицом»². В УК Испании норма о крайней необходимости действует, «если состояние необходимости не было спровоцировано лицом, причинившим вред»³.

При этом, если провокация («виновное создание опасности») по УК Швейцарии может рассматриваться как смягчающее обстоятельство, то по УК Испании спровоцированная крайняя необходимость не дает такого основания. В соответствии с § 35 УК ФРГ лицо, само создавшее опасность, не освобождается от уголовной ответственности.

Провокация опасности и собственные действия субъекта, послужившие источником опасности при крайней необходимости, имеют разное правовое значение. Данное положение точно отражено в УК Швейцарии и Испании и, полагаем, заслуживает быть учтенным и в отечественном праве.

Крайняя необходимость, являясь обстоятельством, исключаящим преступность деяния, носит правомерный характер и исключает вопрос о вине. Действия по предотвращению опасности в подобных ситуациях совершаются умышленно. Лицо, находясь в условиях необходимости, осуществляет осознанный выбор варианта своих действий, намеренно (умышленно) жертвует менее ценным благом. Воля лица направлена при этом на предотвращение опасности, угрожающей одному объекту ценой другого правоохраняемого объекта или интереса.

Мотив действий в законе также не определен, однако имеет большое значение для оценки правомерности поступка и подлежит обязательному установлению правоприменителем. Установление мотива поведения важно для определения цели поступка, которая является обязательным признаком

¹ Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 308.

² Уголовный кодекс Швейцарии. С. 13.

³ Уголовный кодекс Испании. С. 17.

крайней необходимости и поэтому законодательно закреплена в УК большинства стран.

Цель субъекта необходимости формулируется самым различным образом. Например, лицо действует «с целью защиты правоохраняемых благ» (§ 34 УК Германии), «чтобы предотвратить вред» (§ 10 УК Австрии), «чтобы предотвратить опасность» (ст. 34 УК Швейцарии), «с целью предотвращения непосредственной опасности» (ст. 26 УК Республики Польша), «чтобы избежать опасности» (ст. 22 УК Республики Корея), «для отвращения опасности» (ст. 37 УК Японии), «для предотвращения причинения вреда» (п. 5 ст. 21 УК Испании).

Представляет интерес позиция белорусского законодателя, который признает состоянием крайней необходимости также случаи, когда действия, совершенные с целью предотвращения опасности, не достигли своей цели и вред наступил несмотря на усилия лица, добросовестно рассчитывавшего его предотвратить (ч. 2 ст. 36 УК РБ). В отечественной литературе высказывалось мнение о целесообразности закрепления данного положения в ст. 39 УК РФ¹. Соглашаясь с таким решением, вместе с тем мы не видим необходимости в его законодательном оформлении, считая достаточным закрепить данное положение на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Мы не находим законодательного указания на цель поведения в УК Грузии, Турции, Швеции, Франции, Голландии, Молдовы, Украины. При этом содержание норм позволяет утверждать, что ближайшей целью субъекта является причинение вреда менее значительному объекту для предотвращения опасности, угрожающей объекту большей правовой ценности.

Исключение преступности деяния, совершенного в условиях крайней необходимости, подразумевает наличие четкого законодательного определения условий правомерности. Таким образом, в результате анализа крайней необходимости в зарубежных УК выяснилось, что законодатели закрепляют различные условия правомерности.

Подобно УК РФ «отсутствие иных средств устранения опасности» рассматривается в качестве условия правомерности крайней необходимости в УК Швейцарии, Молдовы, Грузии, Беларуси, Таджикистана, Украины, Турции, Польши.

Для признания крайней необходимости правомерной по уголовному закону ФРГ деяние должно быть соразмерным средством для предотвращения опасности (§ 34 УК ФРГ).

Крайняя необходимость, определяемая в законодательстве Франции как «защита от опасности», для признания правомерности требует соответствия средств защиты тяжести угрозы (ст. 122-7 УК Франции). В отличие от ст. 39 УК РФ французский закон не требует в качестве условий правомерности крайней необходимости того, чтобы причинение вреда было

¹ Пархоменко С.В. Указ. соч. С. 252-253.

единственным средством спасения правоохраняемого блага, а также чтобы этот вред был меньше, чем вред предотвращенный.

В уголовном праве англосаксонской правовой традиции состояние крайней необходимости учитывается при наличии следующих условий: 1) опасность правоохраняемым интересам должна быть реальной и существующей в настоящее время, а не возможной в будущем или имевшей место в прошлом; 2) отсутствие спровоцированности самим причинителем вреда (специальная оговорка об этом имеется в УК отдельных штатов США); 3) отсутствие возможности устранения опасности иными средствами, кроме как причинением вреда охраняемым уголовным законом интересам; 4) равнозначность, т.е. причинение вреда не может превышать пределов крайней необходимости¹.

Уголовные законы зарубежных стран при рассмотрении вопроса о соразмерности вреда (Испания, ФРГ, Австрия, Польша, Япония, Грузия, Беларусь) единодушно признают правомерной крайнюю необходимость, в результате которой причиняется вред меньший, чем предотвращенный.

Так, по УК Польши благо, принесенное в жертву, должно иметь ценность меньшую, чем спасенное (§ 1 ст. 26 УК Польши). Не совершает преступления тот, кто, спасая благо, охраняемое правом, жертвует благом, которое явно не представляет большей ценности, чем спасаемое благо (§ 2 ст. 26 УК Польши). Как видим, в первом параграфе выдвигается требование к соотношению благ, а во втором говорится о том, что соблюдение данного требования в условиях крайней необходимости не образует преступления.

В § 10 УК Австрии закреплено, что лицо действует непротивоправно, если «причиненный вред не является несоразмерно большим, чем вред, который предотвращен». Крайняя необходимость в УК ФРГ признается правомерной, если защищаемый интерес значительно превосходит нарушенный (§ 34 УК ФРГ). УК Грузии допускает причинение вреда благам менее значительным, чем спасенные (ст. 30 УК Грузии). По УК Японии действие ненаказуемо, если возникающий «ущерб не превышает степень отвращаемого ущерба» (ст. 37 УК Японии).

Причинение вреда, равного или более значительного, согласно отечественной норме, признается превышением пределов крайней необходимости (ч. 2 ст. 37 УК РФ).

Законодательство Украины допускает при крайней необходимости причинение вреда, равного вреду предотвращенному. Согласно ст. 39 УК Украины превышением пределов крайней необходимости признается умышленное причинение вреда более значительного, чем предотвращенный. Из этого следует, что равный вред входит в рамки правомерности и не является превышением пределов.

Положение о превышении пределов крайней необходимости, известное отечественному уголовному законодательству с 1996 г., не полу-

¹ Пейзак Р.И. Указ. соч. С.8-9.

чило закрепления в уголовном законе Турции, Польши, Швейцарии, Испании, Франции, Германии, Австрии, Голландии, Молдовы, Грузии, Беларуси.

Законодательное определение понятия превышения пределов крайней необходимости из числа анализируемых стран имеется лишь в УК Таджикистана и Украины. Уголовный кодекс Таджикистана содержит определение превышения пределов крайней необходимости, которое более близко к отечественной норме. В отличие от УК Украины, УК Таджикистана превышением признает причинение вреда не только более значительного, но и равного предотвращенному (ч. 2 ст. 42 УК Таджикистана).

В ряде стран законодатель при определении пределов крайней необходимости исходит не из размеров причиняемого вреда, а из соотношения ценности защищаемых благ (интересов) и тех, которым наносится вред (Польша, Португалия, Эстония)¹.

Превышение крайней необходимости в УК Швеции регулируется общей нормой для всех обстоятельств, исключающих ответственность (ст. 6 УК Швеции). На наш взгляд, наличие общей нормы не позволяет учитывать правовые особенности превышения пределов правомерности отдельно взятого обстоятельства. Подобный вариант можно допустить, если в самой норме, раскрывающей обстоятельство, исключающее преступность, имеется четкое определение условий правомерности такого деяния. Однако из содержания нормы о крайней необходимости УК Швеции следует только факт наличия оснований необразования преступления: необходимость и оправданность причинения вреда другому лицу природой опасности. Причем если «необходимость» существует, когда «опасность угрожает жизни, здоровью, собственности или другим важным интересам, охраняемым законом» (ст. 4 УК Швеции), то понятие «оправданности» законодатель не определил.

Данная норма не дает понятия превышения пределов и не раскрывает ее содержания, а лишь определяет правовые последствия такого деяния. Согласно имеющейся норме, «если лицо сделало больше, чем дозволено, оно тем не менее не должно нести ответственность, если обстоятельства были таковы, что ему трудно было обдумать свои действия» (ст. 6 УК Швеции). Здесь нет четкого определения субъективного критерия оценки восприятия обстоятельства. Выражение «трудно было обдумать свои действия» может служить основанием для расширительного толкования нормы.

В УК Японии, Китая и Кореи отсутствует понятие превышения пределов правомерности, но упоминается об их допустимости. Имеющиеся дефиниции определяют лишь правовые последствия такого превышения.

¹ Капинус О.С. Необходимая оборона и крайняя необходимость по уголовному законодательству зарубежных стран // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. № 3(5). 2008. С. 43.

В уголовном кодексе Кореи закреплено следующее положение: «В тех случаях, когда превентивное действие превышает разумные пределы, наказание может быть смягчено или не применяется с учетом смягчающих обстоятельств» (ч. 3 ст. 22 УК Кореи).

Законодательная конструкция о превышении пределов крайней необходимости в УК КНР носит оценочный характер. Согласно ч. 2 ст. 21 УК КНР экстренные действия, предпринятые для устранения опасности, превысившие необходимые пределы и причинившие существенный вред, влекут за собой уголовную ответственность¹. В данной ситуации суд должен учитывать конкретные обстоятельства дела и назначать наказание ниже низшего предела или освобождать лицо от наказания вообще.

В УК Японии уже название ст. 37 – «Крайне необходимые действия для избежания опасности и превышение их пределов» – включает понятие превышения. Но как такового определения превышения пределов нет: оно вытекает из установленных условий правомерности. Если предел будет превышен, то правоприменитель Японии в зависимости от обстоятельств может наказание смягчить или вообще освободить лицо от наказания.

При регулировании ситуации крайней необходимости польский законодатель, не определяя понятия превышения ее пределов, предоставил суду право применять чрезвычайное смягчение наказания либо вообще отказаться от его назначения. Согласно § 3 ст. 26 УК Польши «в случае превышения пределов крайней необходимости суд может применить чрезвычайное смягчение наказания и даже отказаться от его назначения»².

Предоставление законодательством указанных стран права суду решать вопрос об уголовной ответственности в случае превышения пределов крайней необходимости, на наш взгляд, не лишено разумной целесообразности. Подчеркнутая уголовным законом ответственность суда будет способствовать детальному изучению всех обстоятельств дела и принятию верных решений.

Как можно было заметить, законодательные нормы рассмотренных зарубежных кодексов не содержат указания на субъективный признак деяния, совершенного при превышении пределов правомерности. Отсюда следует, что допущенный эксцесс, совершенный с любой формой вины, в отличие от отечественной нормы, может служить основанием не только для смягчения наказания, но и для отказа от назначения наказания.

По общему правилу, отмечает О.С. Капинус, превышение пределов крайней необходимости признается смягчающим обстоятельством. По УК Польши (§ 3 ст. 26) в этих случаях суд может применить чрезвычайное смягчение наказания и даже отказаться от его назначения. УК КНР, Кубы, Македонии, Сербии и Японии также предусматривают возможность не только смягчения наказания, но и полного отказа от него³.

¹ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. С. 23-24.

² Уголовный кодекс Республики Польша. С. 56.

³ Капинус О.С. Указ. соч. С. 43.

Положительным опытом можно признать норму украинского законодателя, согласно которой лицо не подлежит уголовной ответственности за превышение пределов крайней необходимости, если вследствие сильного душевного волнения, вызванного угрозавшей опасностью, оно не могло оценить соответствие причиненного вреда этой опасности (ч. 3 ст. 39 УК Украины).

Отечественный законодатель распространил ограничение ответственности за превышение пределов причинения вреда в силу сильного душевного волнения только на необходимую оборону (ч. 2.1 ст. 37 УК РФ, введенная Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

По мнению А.А. Арямова и М.А. Якунькова, данное правило, по примеру украинского законодательства, необходимо распространить на все формы правомерного причинения вреда¹. Заметим, что сам законодатель Украины такое ограничение ответственности распространил лишь на необходимую оборону (ч. 4 ст. 36 УК Украины) и крайнюю необходимость (ч. 3 ст. 39 УК Украины).

Подобное обстоятельство служит основанием освобождения от уголовного наказания в УК Кореи. Согласно ч. 3 ст. 21 УК Кореи «Самооборона», распространяющейся и на положения о крайней необходимости, действия, совершенные под воздействием страха, в состоянии аффекта не подлежат наказанию².

Анализ законодательно закрепленных условий правомерности крайней необходимости по УК зарубежных стран в целом свидетельствует о единообразном понимании правовой сущности данного обстоятельства.

Завершая сравнительное исследование, отметим, что институт крайней необходимости в том или ином виде присутствует в законодательстве всех зарубежных стран и является неотъемлемой частью системы обстоятельств, исключающих преступность деяния, в праве рассмотренных государств. Несмотря на различия в терминологии и особенности регламентации таких обстоятельств, основу данной системы составляют необходимая оборона и крайняя необходимость.

Сравнительный анализ уголовно-правовых норм показал, что УК РФ отличается от зарубежного законодательства четкостью понятий, точностью и логичностью в построении формулировок. Особенно это относится к дефиниции превышения пределов крайней необходимости. Отсутствие критериев превышения пределов крайней необходимости существенно, на наш взгляд, затрудняет процесс правоприменения в зарубежных государствах.

С нашей точки зрения, основные положительные отличия норм о крайней необходимости в зарубежном уголовном законодательстве от аналогичных норм отечественного права заключаются в следующем:

¹ Арямов А.А., Якуньков М.А. Указ. соч. С. 107.

² Уголовный кодекс Республики Корея. С. 49-50.

1) наличие запрета, касающегося специальных субъектов (пожарных, спасателей и др.), на причинение вреда при спасении своей жизни в условиях крайней необходимости (УК Японии, Китая, Испании);

2) закрепление нормы об ошибке при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (УК Франции, Австрии, Польши);

3) наличие запрета провокации крайней необходимости (УК ФРГ, Швейцарии, Испании).

Дальнейшее исследование института крайней необходимости позволит определиться в вопросе о возможности или необходимости закрепления рассмотренных положений зарубежного законодательства в отечественном праве.

В целом, как показал анализ уголовного законодательства зарубежных стран, крайняя необходимость относится к социально допустимым деяниям. Об этом свидетельствуют стремление отграничить крайнюю необходимость от необходимой обороны, наличие гражданско-правовой ответственности за причинение вреда в условиях крайней необходимости, определение крайней необходимости как основания, исключающего или смягчающего наказание.

ГЛАВА II. УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТОЯНИИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

2.1. Условия правомерности, характеризующие грозящую опасность

В теории уголовного права выработаны две группы условий правомерности крайней необходимости¹. В первую группу входят условия, относящиеся к грозящей опасности; во вторую – условия, относящиеся к мерам устранения опасности. Суть этих условий состоит в том, что они определяют, с одной стороны, какой должна быть грозящая опасность, чтобы она позволяла применять меры крайней необходимости, а с другой стороны, как и в каких пределах должны осуществляться меры по предотвращению опасности.

В рамках данного параграфа будут рассмотрены условия первой группы, связанные с источником возникновения опасности, ее наличием и действительностью. При анализе грозящей опасности будет расширен круг условий правомерности за счет указания на неизбежность угрозы и возможность наступления вреда. Наибольшее внимание будет уделено характеристике источников опасности, связанных с поведением человека, поскольку исследователи данному вопросу уделяют недостаточное внимание, ограничиваясь лишь перечислением источников.

На том основании, что грозящая опасность создает состояние крайней необходимости, начнем рассмотрение данного вопроса именно с нее.

«Опасность, угрожающая личности, правам данного лица либо другим гражданам, общественным интересам или интересам государства», рассматривается Ю.В. Баулиным в качестве правового основания крайней необходимости. Он отмечает, что закон не конкретизирует понятие опасности, поэтому есть основание считать его общеупотребительным. Таким образом, под опасностью следует понимать способность или возможность вызывать, причинять какой-нибудь вред. Верным, на наш взгляд, является мнение Ю.В. Баулина, который считает, что опасность сама по себе не существует, а всегда имеет свой источник, в качестве которого могут выступать предметы, явления, процессы, деятельность и др.²

В отличие от необходимой обороны, где угрожать правоохраняемым интересам может только общественно опасное посягательство, крайняя необходимость может быть вызвана любыми другими источниками опасности.

¹ См., напр.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. М.: Юрист, 1999. С. 286; Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М.: Норма, 2004. С. 275; Уголовный кодекс Российской Федерации: науч.-практ. комментарий / под ред. Л.Л. Кругликова, Э.С. Генцова. Ярославль: Влад; ОрМакЛтд, 1994. С. 62.

² Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 304.

Определяемые источниками угрожающей опасности основания крайней необходимости достаточно разнообразны. Они могут быть вызваны действиями человека, стихийными силами природы, физиологическими процессами, одновременным стечением необходимости выполнения различных обязанностей и т.д. Все они в определенных случаях становятся источниками опасности и угрожают причинением вреда общественным отношениям.

Наиболее распространенным кругом источников, указанных в литературе, является стихийное бедствие, авария, транспортное происшествие, нападение животных и, наконец, преступные действия лиц. Н.С. Таганцев к «причинам, создающим опасность» относит: 1) стихийные силы природы; 2) нападение животных; 3) физиологические или биологические процессы; 4) действия лица, не находящегося в состоянии вменяемости; 5) злоумышленные чьи-либо действия¹.

Современное видение вопроса можно проследить, например, в работе В.В. Орехова. К источникам опасности он относит: преступное поведение человека, поведение животных, стихийные силы (наводнение, землетрясение, пожар и др.), неисправности машин и механизмов, любые виды непреодолимой силы, бездействие средств защиты, необходимость одновременного выполнения различных обязанностей (например, обязанность врача оказать помощь человеку, с которым только что произошел несчастный случай на улице, и его обязанность явиться по вызову скорой помощи на дом к больному), патологические или физиологические процессы, происходящие в организме человека (болезнь, голод, замерзание и др.)².

Более полный, на наш взгляд, перечень источников опасности приведен в монографическом исследовании А.А. Арямова и М.А. Якунькова³. Они определяют в качестве источников опасности самый широкий спектр источников – действия различных сил, явлений и субъектов. В частности, что касается поведения человека, в качестве источников они указывают неделиктное поведение людей (невиновное поставление в опасность), деликтное, но не преступное поведение людей, преступное поведение людей, общественно опасное нападение, коллизия двух обязанностей, физиологические процессы и, наконец, действия самого субъекта, когда лицо само поставило правоохраняемые интересы в опасность.

Примечательно, что предусмотренные уголовным законом обстоятельства, исключающие преступность деяния, преимущественно имеют источником опасности поведение человека. При необходимой обороне это общественно опасное посягательство лица (ст. 37 УК РФ); при задержании это сопротивление лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ), физическое или психическое принуждение (ст. 40 УК РФ), причинение вреда

¹ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 215.

² Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2003. С. 127-128.

³ Арямов А.А., Якуньков М.А. Указ. соч. С. 93-94.

лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ).

В отличие от перечисленных обстоятельств источником обоснованного риска и крайней необходимости могут быть не связанные с поведением человека факты: экологическое бедствие, массовое заболевание животных и т.п.

Определенные сложности, возникающие в связи с трактовкой общественно опасного поведения человека в качестве источника опасности, создающего ситуацию крайней необходимости, предопределили наше предложение рассмотреть эти источники. Это может быть правонарушение, общественно опасное поведение человека, психическое или физическое принуждение, собственное поведение субъекта (преступное или непроступное).

В специальной литературе нет единого взгляда на данный вопрос. Одни авторы допускают в качестве источника опасности любое поведение человека¹, другие придают поведению определенные правовые характеристики и рассматривают их как преступное поведение², как общественно опасные действия³ и, наконец, как противоправные действия⁴.

Например, по мнению некоторых авторов, общественно опасное поведение людей, являясь источником опасности при крайней необходимости, должно рассматриваться только в уголовно-правовом значении. Как считает Н.С. Мартынова, опасность, созданная административным проступком, не может оцениваться уголовно-правовой нормой о крайней необходимости, «т.к. в этом случае причиненный вред, ответственность за который предусмотрена уголовным законодательством, всегда будет больше предотвращенного»⁵. Другими словами, она считает, что если опасность исходит от административного проступка, то и последствие как максимум является административным проступком.

На наш взгляд, не следует устанавливать закономерность в том, что последствия всегда соответствуют характеру и степени исходящей опасности. Сам по себе источник может быть и не опасен, но обстоятельства, при которых источник получает развитие, могут привести к возникновению общественно опасных последствий. Ведь мы говорим об обстоятельстве, исключаящем преступность деяния, следовательно, речь идет не только об источнике крайней необходимости, но и о сложившейся обстановке, при которой возникшая опасность впоследствии нейтрализуется, устраняется.

Нельзя согласиться и с позицией В.В. Орехова, что источником опасности при крайней необходимости обязательно должно быть «пре-

¹ См.: Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость в советском уголовном праве. М.: Госюриздат, 1962. С. 150-152.

² См.: Слуцкий И.И. Указ. соч. С. 97.

³ См.: Домахин С.А. Указ. соч. С. 25.

⁴ См.: Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. С. 458.

⁵ Мартынова Н.С. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: лекция. Домодедово: РИО ВИПК МВД России, 2001. С. 26.

ступное или хотя бы противоправное поведение человека»¹. Н.Н. Паше-Озерским было высказано верное мнение, что источником опасности при крайней необходимости могут быть любые действия человека².

Мы считаем, что любое поведение человека, в том числе правомерное, способно в конкретной ситуации послужить основанием возникновения опасной ситуации. Например, действия любого пешехода могут создавать в конкретной ситуации опасную обстановку, порождать опасные последствия. Именно в силу вызываемых ими последствий эти действия и нужно характеризовать как общественно опасные, хотя сам по себе переход улицы не может быть, разумеется, признан общественно опасным деянием³.

Прослеживается некоторая непоследовательность в рассуждениях В.В. Орехова. Определив в качестве источника опасности преступное поведение человека, он подвергает критике высказывание С.Ф. Милюкова о том, что «угроза по своей сути должна быть общественно опасной»⁴. В.В. Орехов пишет: «Исходя из перечня возможных источников опасности при крайней необходимости, нельзя признать, что все они, как считает С.Ф. Милюков, должны быть общественно опасными. Закон (ст. 39 УК РФ) говорит об устранении опасности, а не общественной опасности, свидетельствуя тем самым, что источником опасности, для устранения которой путем причинения вреда, может быть любая опасность, угрожающая интересам личности, обществу или государству, охраняемым законом»⁵.

Аргументируя сказанное, В.В. Орехов верно замечает, что, например, физиологические или патологические процессы в организме человека или одновременная необходимость выполнения различных обязанностей не могут рассматриваться в качестве общественно опасных источников для состояния крайней необходимости⁶. Заметим, что названные источники не являются поведением человека: это состояния, которые обуславливают выбор поведения при крайней необходимости. Следовательно, можно полагать, что только поведение человека В.В. Орехов относит к общественно опасным источникам крайней необходимости, допуская при этом, что любые другие источники (явления, процессы, состояния) не обязательно могут носить антиобщественный характер.

С нашей точки зрения, верным будет замечание Ю.В. Баулина, что «...источником опасности при крайней необходимости может быть и какое-то иное, кроме преступления, правонарушение (например, нарушение водителем правил дорожного движения, создавшее аварийную ситуацию)»⁷.

¹ Орехов В.В. Указ. соч. С. 128.

² Курс Советского уголовного права. Часть Общая / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. С. 510.

³ Там же.

⁴ Милюков С.Ф. Указ. соч. С. 124.

⁵ Орехов В.В. Указ. соч. С. 128.

⁶ Там же.

⁷ Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 303.

Допустим, пешеход переходит дорогу в неустановленном месте и создает аварийную ситуацию, в результате которой водитель с целью устранения наезда на пешехода резко сворачивает вправо и наезжает на припаркованный к обочине автомобиль, причинив тем самым имущественный вред собственнику автомобиля. В данном случае действия по устранению опасности, вызванной административным проступком, следует расценивать по правилам крайней необходимости.

Для наглядности ситуации приведем следующие примеры.

18 февраля 2004 г. в 23 часа 30 минут в г. Тюмени у остановки «Элеватор» по ул. Домостроителей при проверке документов на автомобиль «Мицубиси-эмирад» водитель В. оказал сопротивление и пытался скрыться. Инспектор ДПС ГИБДД прапорщик Ш. для остановки автомобиля использовал табельное оружие ПМ и произвел один выстрел, повредив заднее колесо. Водитель задержан, автомобиль поставлен на платную стоянку. Применение оружия признано прокурором правомерным¹.

25 марта 2005 г. в 23 часа 10 минут в с. Бердюжье К., управляя автомобилем ВАЗ-2106 в нетрезвом состоянии, не остановился по законному требованию инспектора ДПС ГИБДД сержанта Т. и пытался скрыться. Т. использовал табельное оружие ПМ, при этом было израсходовано 6 патронов. В результате повреждена левая задняя дверь автомобиля, управляемого К. Прокурором Бердюжского района применение оружия признано правомерным. Составлен протокол по ст. 12.8 ч. 1 КоАП РФ².

29 марта 2014 г. при доставлении в дежурную часть отдела полиции № 1 Управления МВД России по г. Тюмени водитель попытался скрыться, оказав сопротивление сотрудникам полиции, в результате чего совершил наезд и протащил на капоте находящегося на службе полицейского. Водитель управлял транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Для задержания правонарушителя и самозащиты сотрудник УВО УМВД России по Тюменской области применил личный травматический пистолет и причинил ранение нижней челюсти³. Применение оружия было признано правомерным.

Данные случаи подтверждают мнение о том, что административный проступок может выступать источником опасности, дающим основание для применения мер уголовно-правовой крайней необходимости.

Источником опасности при крайней необходимости может служить и общественно опасное посягательство. С необходимой обороной граничит состояние крайней необходимости, созданное общественно опасными действиями людей. Например, гражданин Ф. подвергся разбойному нападению. Его прижали к витрине универсама и стали обыскивать. Зная, что на

¹ Справка о чрезвычайных происшествиях среди личного состава органов и подразделений внутренних дел Тюменской области за 2004 год.

² Справка о чрезвычайных происшествиях среди личного состава органов и подразделений внутренних дел Тюменской области за 2005 год.

³ Управление МВД России по Тюменской области [Электронный ресурс]: Официальный сайт // URL: 72.mvd.ru/News/item/2104222 (дата обращения: 5 апр. 2014 г.).

стеклах витрины установлены контакты сигнализации, Ф. ударил ногой по стеклу и разбил его, причинив значительный вред собственнику магазина. Нападающие поняли, что сработала сигнализация и скоро на место прибудет наряд вневедомственной охраны, и скрылись с места преступления. Действия Ф. содержат признаки преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ. Однако он находился в состоянии крайней необходимости, в связи с чем дело в отношении Ф было прекращено¹.

Таким образом, общественно опасное нападение также следует признавать источником опасности крайней необходимости в случае причинения вреда третьим лицам, а не нападающему.

К источникам опасности при крайней необходимости, кроме прочих, следует относить и деятельность человека, вызванную психическим или физическим принуждением.

По мнению ученых, классифицирующих источники опасности, порождающие состояние крайней необходимости, в их качестве «в одних случаях выступают силы, не связанные с сознательно-волевой деятельностью человека. Эти ситуации крайней необходимости предусмотрены ст. 39 УК. В других случаях, предусмотренных ст. 40, в качестве источника опасности выступает сознательно-волевая деятельность человека в виде принуждения. Статья 40, в свою очередь, различает два вида такого принуждения: преодолимое и непреодолимое»².

А.А. Пионтковский отмечает, что «опасность, порождающая состояние крайней необходимости, может быть создана угрозой причинения вреда определенному лицу»³. Типичным примером этому будет случай, когда кассир под непосредственной угрозой лишения жизни отдает нападающему находящееся у него вверенное имущество.

По мнению одних ученых⁴, наличие физического или психического принуждения свидетельствует об отсутствии противоправного деяния, что не требует дополнительного «объяснения» ситуации с точки зрения крайней необходимости. Другие исследователи⁵, признавая физическое или психическое принуждение не исключаящим, а лишь смягчающим обстоятельством, утверждают, что причинение вреда в подобном случае устраняет уголовную ответственность в силу крайней необходимости. Все вышесказанное подчеркивает правовую близость крайней необходимости с физическим или психическим принуждением.

Современное понимание вопроса поясняет норма, содержащаяся в ч. 2 ст. 40 УК РФ: «Вопрос об уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате психического принуждения, а также в результате физического принуждения, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими дей-

¹ Мартынова Н.С. Указ. соч. С. 26.

² Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 46.

³ Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. С. 386.

⁴ См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 343.

⁵ См.: Домахин С.А. Указ. соч. С. 35-36.

ствиями, решается с учетом положений ст. 39 настоящего Кодекса», т.е. с учетом положений о крайней необходимости.

Таким образом, если у лица, к которому применено физическое принуждение, не было иного выхода защитить себя, кроме как путем причинения вреда другим охраняемым законом интересам, и если причиненный вред будет меньше вреда предотвращенного, то такое лицо не подлежит уголовной ответственности, т.к. оно действовало в состоянии крайней необходимости.

Психическое принуждение является обстоятельством, исключающим преступность деяния, только в одном случае: когда такое принуждение создало ситуацию крайней необходимости и когда лицо, попавшее в такую ситуацию, причинило своими действиями вред правоохраняемым интересам и при этом выполнило все условия правомерности крайней необходимости¹. Это означает, что у лица не было иного выхода и вред, причиненный им под воздействием психического принуждения, оказался меньше того вреда, который мог бы наступить в противном случае.

К источникам опасности следует относить и собственное поведение субъекта необходимости. Примером может служить ситуация, когда лицо, заблудившись в тайге и спасаясь от голода, совершает действия, предусмотренные ст. 258 УК РФ («Незаконная охота»)². Вопрос о юридической оценке вреда, причиненного в результате ликвидации опасности, созданной собственными действиями лица в условиях крайней необходимости, продолжает оставаться дискуссионным. Рассмотрев имеющиеся в науке мнения, попытаемся изложить свое видение вопроса.

Итак, собственные действия лица, являясь источником опасности крайней необходимости, могут быть как преступными, так и не преступными. Преступное поведение как источник опасности, по нашему мнению, может выражаться в неосторожном причинении вреда, умышленном преступлении и, наконец, провокации крайней необходимости.

Если опасность для правоохраняемых интересов создается по неосторожности самим лицом, а затем им же предпринимаются активные меры по ее устранению путем причинения меньшего вреда третьим лицам, причинение меньшего вреда для предотвращения большего вреда, неотвратимого в данных условиях иным путем, является действием, совершенным в состоянии крайней необходимости. Ответственность при наличии соответствующих условий правомерности исключается.

Например, если охотники при переправе через реку вследствие неосторожных действий лишились продуктов питания, а затем взяли их для

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / под ред. С.И. Никулина. М.: Менеджер; Юрайт, 2001. С.184-185.

² Зуев В.Л. Необходимая оборона, крайняя необходимость и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. Вопросы квалификации и судебно-следственной практики // Юридический мир. 2001. № 7. С. 35.

своих нужд из какого-либо неохраняемого склада, то такое изъятие продуктов будет правомерным действием – актом крайней необходимости.

Действия лица, совершенные по неосторожности и вызвавшие опасность, могут быть и непроступными, как в приведенном случае утраты продуктов питания, и преступными. Но и в таких случаях лицо, причинившее меньший вред для того, чтобы предотвратить больший вред, неотвратимый в данных условиях иным путем, не несет ответственности за причинение меньшего вреда, т.к. действует в состоянии крайней необходимости. Так, если гражданин нанес по неосторожности другому человеку тяжкое телесное повреждение, а затем, стремясь поскорее доставить раненого в больницу, угнал автомобиль, принадлежащий другому гражданину, то такое лицо не должно нести уголовную ответственность за угон, т.к. оно действовало в состоянии крайней необходимости.

Определяя социально-правовые причины невыполнения некоторых требований закона, А.М. Плешаков и С.П. Щерба обращаются к ситуации крайней необходимости как к «уважительной причине» невыполнения предписаний законодателя. По мнению указанных авторов, состояние крайней необходимости применительно к рассматриваемому положению может возникнуть в результате конкуренции правовых обязанностей при невозможности их одновременного выполнения.

В подобных случаях лицо вправе (или вынуждено) отказаться от выполнения правовой обязанности, невыполнение которой причинит меньший вред тому или иному правовому интересу. Например, уважительной причиной может быть признана неявка к тяжелобольному в связи с необходимостью оказать срочную помощь другому лицу, заболевание которого более опасно¹.

Конкуренция обязанностей занимает особое место среди источников опасности крайней необходимости. Заметим, что речь идет об обязанности, а не о праве на крайнюю необходимость. Уголовный закон закрепил за каждым право на крайнюю необходимость, но теория уголовного права выделяет круг лиц, обязанных действовать в силу служебного, профессионального долга, иных обязательств (врачи, сотрудники полиции, МЧС и др.).

Конкуренция обязанностей не есть источник опасности в общепринятом смысле – это ситуация, вызванная стечением двух источников опасности одновременно, что, в свою очередь, является основанием крайней необходимости. Обязанность действовать возникает как в отношении первого источника опасности, так и в отношении второго. Коллизия прав создает конкуренцию обязанностей. В рамках крайней необходимости находятся два объекта. Одному объекту, пользующемуся меньшей правовой защитой, причиняется вынужденный вред. За счет этого другой объект, обладающий большей ценностью, сохраняется.

¹ Плешаков А.М., Щерба С.П. Правовая оценка причин невыполнения некоторых требований закона // Советская юстиция. 1986. № 13. С. 23.

В связи с этим вспомним приведенный в специальной литературе пример, где состояние крайней необходимости было вызвано конкуренцией двух обязанностей. Дежурный врач одной из поликлиник Л. отказался отправиться на вызов к тяжелобольной А. в поселок, расположенный в 3-4 км от больницы, т.к. к нему уже поступило три вызова к другим тяжелобольным (к ребенку с кровавой рвотой, к больной с приступом стенокардии и к ребенку с высокой температурой) и, кроме того, он не был обеспечен транспортом. Когда после посещения трех больных Л. вернулся в поликлинику, он тут же справился, не прислана ли машина для выезда к тяжелобольной А. Сестра сообщила, что больная умерла. Врач Л. был признан виновным и осужден за неоказание медицинской помощи. Вышестоящая судебная инстанция отменила приговор по делу и прекратила его производство, признав, что отказ Л. был продиктован крайней необходимостью из-за непредоставления транспорта при наличии одновременно вызовов к другим, не менее тяжелобольным, обслуживание которых входило в круг его обязанностей¹. На уровне доктринального толкования высказана точка зрения, согласно которой коллизия (конкуренция) двух обязанностей не должна признаваться источником возникновения опасности².

Предваряя предложения о совершенствовании ст. 39 УК РФ, С.В. Пархоменко пишет: «В теории уголовного права высказывается по существу единодушное мнение о том, что в целом безразличное отношение уголовного закона к тому, как лицо, оказавшееся в состоянии крайней необходимости, будет реагировать на угрожающую опасность, не может оставаться таким же безразличным, когда в качестве такого лица выступают субъекты, специально уполномоченные на предотвращение или устранение опасности причинения вреда правоохраняемым интересам»³.

Далее автором предлагается ввести в виде отдельного примечания к ст. 39 УК РФ уточнение, что положения данной нормы не распространяются на деяния, совершенные «лицом, обязанным в установленном законом порядке применять меры по предотвращению или устранению угрожающей опасности неизбежного причинения вреда правоохраняемым интересам, но виновно уклонившимся от выполнения такой обязанности»⁴. С формальной точки зрения, по мнению С.В. Пархоменко, не исключается ссылка на положения ст. 39 УК РФ, например, в отношении работника полиции, не выполнившего свой служебный долг из-за опасений угрозы собственной жизни, здоровью.

Сопровождение ст. 39 УК РФ данным примечанием не лишено целесообразности. В то же время нет уверенности в необходимости дополнения нормы комментирующим текстом. По нашему мнению, существует по-

¹ Лысак Н.В. Крайняя необходимость // Следователь. 1998. № 6. С. 19.

² Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции) / С.В. Борисов [и др]. М.: Юриспруденция, 2012. С. 108.

³ Пархоменко С.В. Указ. соч. С. 254.

⁴ Там же.

требность в подготовке постановления Пленума Верховного Суда РФ, связанного с обобщением судебной практики и рекомендаций по применению норм гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния».

На наш взгляд, источники опасности при крайней необходимости можно классифицировать следующим образом:

– источники, связанные с *природными* явлениями, в том числе поведением диких животных;

– источники, связанные с *техническими* средствами, механизмами, радиоактивными веществами и т.д.;

– источники, связанные с *человеком*: а) физиологические (голод, холод) или патологические (болезнь, ранение) процессы, происходящие в организме человека; б) поведение (как правомерное, так и неправомерное), способное создать угрозу или причинить вред правоохраняемым интересам.

Опасность как правовое основание для осуществления акта крайней необходимости может быть создана и другими источниками, природа и характер которых могут быть самыми разнообразными. При всей широте этого перечня, который нельзя признать исчерпывающим в силу многообразия жизненных ситуаций, речь может идти не о любой опасности, а об исключительных случаях, грозящих причинением существенного вреда правоохраняемым интересам.

Грозящая опасность, являясь основанием возникновения крайней необходимости, обладает определенными признаками. Не противореча взглядам классической школы, авторы большинства работ и комментариев¹ называют следующие два признака: наличность опасности и ее действительность. Их суждения отличаются лишь тем, что иногда понятие «действительность» заменяется близким по значению понятием «реальность».

Некоторые ученые смотрят на данный вопрос шире. Например, В.Ф. Антонов предложил развернутую систему признаков. Он указал, что опасность при крайней необходимости характеризуется следующими признаками: 1) источники опасности могут быть самыми разнообразными; 2) опасность должна быть наличной; 3) она должна быть действительной и реальной; 4) она должна быть неотвратимой (непреодолимой); 5) опасность не должна исходить из требований закона; 6) столкновение с опасностью не должно быть следствием выполнения профессиональных либо служебных обязанностей².

Однако на наш взгляд, эти условия характеризуют в целом обстоятельство крайней необходимости как правовой факт, нежели возникшую опасность.

¹ См., напр.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. А.И. Марцева. Омск: Изд-во Омского юрид. ин-та МВД России, 1998. С. 187; Комментарий к УК РФ (постатейный) / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 89-90; Орехов В.В. Указ. соч. С. 127.

² Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 46.

Критический анализ характеризующих опасность признаков дает в своей работе С.В. Пархоменко. Она обращает внимание на то, что основание возникновения состояния крайней необходимости определяется в законе как «опасность, непосредственно угрожающая личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства» (ч. 1 ст. 39 УК РФ). Между тем в комментариях к данному положению внимание акцентируется на признаках реальности и наличности такой опасности, прямое указание на которые вообще отсутствует в законе. Далее в своем суждении автор задается вопросом: «Допустима ли ситуация, при которой опасность, непосредственно угрожающая правоохраняемым интересам, может быть и не реальной, и не наличной? В общепринятом в уголовном праве толковании признака реальности – да. Что же касается признака наличности, то... ответить положительно на этот вопрос можно лишь в том случае, если полагать, что непосредственность не равнозначна наличности. А по этому вопросу единодушия в литературе и в судебной практике, как известно, не наблюдается. В рамках одной позиции считается, что акт крайней необходимости может иметь место только при наличии опасности в данный конкретный момент времени, а не ожидающийся в будущем, в рамках другой – и при опасности, не проявившейся в настоящее время, но которая неизбежно наступит или характеризуется значительной степенью вероятности»¹.

Последнюю позицию хорошо демонстрирует пример, когда путевой-обходчик, обнаружив на железнодорожном мосту автомобиль, сталкивает его в реку, зная о том, что через минуту-другую по мосту по расписанию должен пройти пассажирский поезд.

Сомнения в необходимости характеризующих опасность признаков наличности и реальности, на наш взгляд, носят надуманный характер. Признак наличности не только устанавливает факт наличия опасности в данный момент, но и определяет временные рамки, в течение которых субъект имеет право на предотвращение вреда. Начальный момент определяется возникновением опасности наступления вреда. Признак наличности утрачивается, когда опасность уже миновала. Об окончании состояния крайней необходимости свидетельствует факт устранения опасности или наступление вреда, который не удалось предотвратить. Деятельность по предотвращению вреда вне этих рамок свидетельствует о преждевременной или запоздалой крайней необходимости. Этим определяется необходимость и особая важность признака наличности.

Так, А.В. Савинов подчеркивает, что при крайней необходимости нет смысла выделять такие условия, как «наличность» и «действительность» опасности, обосновывая это следующим примером зарубежной практики. Согласно материалам уголовного дела «Кронк против США» суд отверг ссылку на состояние крайней необходимости в действиях обвиняемых, кравших повестки о призыве на военную службу, полагая, что

¹ Пархоменко С.В. Указ. соч. С. 244-245.

этим они ускорят окончание войны во Вьетнаме. В приговоре было указано, что состояние крайней необходимости имеет место только в случае «прямой и непосредственной опасности», которая в данном деле отсутствовала¹.

Проследим историю взглядов на характеризующие опасность признаки. Так, по мнению Ю.В. Баулина, «закон не характеризует грозящую опасность какими-либо признаками, за исключением того, что она должна угрожать определенным объектам...»². Действительно, ст. 14 УК РСФСР 1960 г. не содержала признаков опасности. В то же время в науке уголовного права шла оживленная дискуссия о том, какой должна быть опасность, вызывающая необходимость применения крайних мер.

Состояние крайней необходимости может быть признано при наличии нескольких условий в их совокупности. Первое условие предполагает наличие опасности, угрожающей определенным правоохраняемым интересам. Действия, которыми осуществляется акт крайней необходимости, должны быть направлены на предотвращение наличной опасности, т.е. такой, которая угрожает уже в настоящее время причинить вред каким-либо правоохраняемым интересам. Нельзя говорить о наличии опасности, когда возникновение ее возможно только в будущем³.

По мнению Ю.В. Баулина, начальный момент возникновения опасности связывается не только с тем, что угроза причинения вреда реально стала воплощаться (например, пожар уже вспыхнул, наводнение затапливает селение, самолет терпит аварию и т.д.), но и с тем, что возникла сама угроза причинения вреда (например, существует угроза затопления, пожара, аварии, смерти и т.п.). Следует признать, что такая угроза должна быть непосредственной. Непосредственность угрозы может характеризоваться в одних случаях как возможность причинения вреда тотчас, немедленно, а в других – как возможность причинения вреда лишь спустя какое-то время. Например, грозящий обвалом дом создает постоянную опасность для жизни находящихся в нем людей⁴.

С.А. Домахин полагает, что будущая опасность может создать состояние крайней необходимости, когда речь идет о неизбежной опасности или об опасности, характеризующейся значительной степенью вероятности⁵.

По мнению С.Ф. Милюкова, ученые склонны существенно ограничивать рамки наличности крайней необходимости. Например, А.В. Наумов указывает, что будущая опасность не порождает состояния крайней необходимости: «К сожалению, законодатель сам создает почву для такого рода суждений, поскольку характеризует опасность как *непосредственно*

¹ Савинов А.В. Опасность как условие правомерности причинения вреда при крайней необходимости // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 3 (42), С. 19.

² Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 305.

³ Советское уголовное право. Общая часть / под ред. В.Д. Меньшагина, Н.Д. Дурманова, П.С. Ромашкина. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1962. С. 178-181.

⁴ Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 304.

⁵ Домахин С.А. Указ. соч. С. 33.

угрожающую правоохраняемым интересам. Между тем на практике могут возникать ситуации, когда реализация возникшей угрозы несколько отсрочена по времени (отрезанные снегопадом альпинисты имеют трехдневный запас продуктов, окруженные бандитами сотрудники милиции получили несколько часов на выполнение ультимативных требований, и т.д.)»¹.

В специальной литературе представлены мнения, поддерживающие указанные взгляды: «...состояние крайней необходимости создает не только лишь наличная опасность, но и будущая, неизбежность наступления которой очевидна»².

А.М. Станкевич справедливо полагает, что излишне узкое определение временных пределов ограничивает объем правомочий лиц, использующих активные средства устранения большей опасности в сравнении с предотвращенной, и напротив, установление широких временных границ может привести к признанию правомерными деяний, не обоснованных необходимостью их совершения³.

По мнению В.Ф. Антонова, нет смысла делить опасность на угрожающую в настоящем и в будущем. В любом случае, если опасность невозможно отвести каким-либо способом кроме нарушения закона, можно говорить о состоянии крайней необходимости. Главное условие – опасность должна быть «налицо». Право на совершение защитных действий возникает в момент, когда создается непосредственная угроза нарушения охраняемых правом интересов. Отрезок времени, в течение которого может наступить неблагоприятный результат, значения не имеет⁴.

В связи с этим отметим, что устранение опасности и недопущение причинения вреда правоохраняемым интересам не есть одно и то же.

С.В. Пархоменко считает, что лишь та опасность причинения вреда правоохраняемым интересам может выступать в качестве основания возникновения состояния крайней необходимости, которая по времени неизбежна, без каких-либо посредствующих звеньев, вмешательств может превратиться в реальный вред указанным интересам⁵. Такой подход, на наш взгляд, является проявлением другой крайности. Если уже нельзя вмешаться, то и нет смысла устранять опасность по правилам крайней необходимости.

Далее С.В. Пархоменко предлагает ввести новую законодательную формулировку понятия крайней необходимости, где опасность характеризуется следующим образом: «угрожающая опасность неизбежного причинения вреда правоохраняемым интересам...»⁶.

Однако все предложения по определению опасности как угрожающей неизбежным причинением вреда, по нашему мнению, не просто

¹ Домахин С.А. Указ. соч.

² Лысак Н.В. Указ. соч. С. 19.

³ Станкевич А.М. Пределы правомерности крайней необходимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 15.

⁴ Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 47.

⁵ Пархоменко С.В. Указ. соч. С. 246.

⁶ Там же. С. 249.

сужают рамки применения нормы о крайней необходимости, но и делают ее применение невозможным.

Для внесения ясности и с целью обоснования нашего подхода обратимся к «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «Неизбежный – такой, который невозможно избежать, предотвратить»¹.

Следовательно, если наступление вреда невозможно предотвратить, то не имеет никакого смысла применять меры по его предотвращению. Поэтому угрожающую опасность при крайней необходимости можно связывать только с возможностью, высокой вероятностью причинения вреда правоохраняемым интересам, и для того, чтобы эта возможность не реализовалась, лицо и совершает деяние по устранению данной опасности. Следовательно, грозящая опасность характеризуется возможностью причинения вреда правоохраняемым интересам.

Исследование данного вопроса выявило необходимость в четком разграничении понятий «опасность» и «вред». Прежде всего обратимся к значению этих слов. Опасность: 1) опасный – способный вызвать, причинить какой-нибудь вред; 2) возможность, угроза чего-нибудь очень плохого, несчастья². Вред – ущерб, порча³.

Опасность, угрожающая наступлением вреда для одного объекта (большей ценности), является основанием причинения вынужденного вреда другому (менее ценному) объекту. Следовательно, основанием причинения вреда объекту меньшей ценности служит возможность наступления вреда объекту большей ценности. Соответственно, угрожающий вред был возможным, а наступивший вред явился неизбежным. Таким образом, опасность есть состояние, угрожающее наступлением вреда.

Следующим признаком, характеризующим опасность, является действительность. Действительный – существующий на самом деле, настоящий, подлинный⁴. Реальный – действительно существующий, не воображаемый⁵.

Действия по устранению опасности могут быть признаны правомерными, если опасность реальна, действительна. Опасность, существующая в воображении субъекта, иначе говоря, мнимая опасность, не может создавать состояния крайней необходимости. Прежде чем причинять вред одним правоохраняемым интересам, лицо должно убедиться в наличии действительной опасности другим, более ценным благам.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1993. С. 416.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1990. С. 451.

³ Там же. С. 106.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений. С. 159.

⁵ Там же. С. 693.

Исследователи в своих работах придают признаку действительности неодинаковую степень важности¹. Например, Ю.В. Баулин подробное описание признака наличности завершает небольшим замечанием о признаке действительности: «Иногда субъект может ошибочно считать, что опасность существует, а в действительности она отсутствует. В таких случаях его действия должны оцениваться по правилам мнимой крайней необходимости»². С.Ф. Милюков к условиям правомерности крайней необходимости, «относящимся к грозящей (или наступившей) опасности» относит два условия: «первое из условий заключается в том, что при всем разнообразии угрозы по своей сути она должна быть *общественно опасной...*», «вторым условием, характеризующим опасность, является ее *наличность*»³ (*курсив наш.* – Г. Х.). Таким образом, по мнению С.Ф. Милюкова, достаточным основанием для причинения вреда в условиях крайней необходимости является наличие опасности. Какого-либо комментария относительно признака действительности в указанной работе автор не дает. Можем предположить, что при этом подразумевается следующее: наличие опасности подразумевает и ее действительность. Нереальная опасность не может начаться (закончиться): она существует только в воображении лица. Это, как известно, есть мнимая крайняя необходимость.

Напротив, большое значение признаку действительности уделялось в работах Н.С. Таганцева, А.А. Пионтковского, М.Д. Шаргородского.

По мнению Н.С. Таганцева относительно грозящей опасности, достаточно указать на признак действительности⁴. А.А. Пионтковский писал о том, что опасность должна быть действительной, т.е. реально существующей, а не мнимой⁵.

Реальность опасности означает, что она должна существовать в действительности, а не в воображении лица. Ошибочные предположения лица о наличии опасности и ее реальности не могут создавать состояние крайней необходимости, но оказывают влияние на субъективную сторону деяния. Если субъект считал, что опасность существует, хотя по обстоятельствам дела мог и должен был осознавать ошибочность своего предположения, то он должен нести ответственность за неосторожное причинение вреда, предпринятое для устранения воображаемой опасности. Если же он имел все основания считать, что опасность реально существует, и не мог по обстоятельствам дела осознавать ошибочность своего предположения, то причинение вреда для устранения такой мнимой опасности будет случайным, не влекущим уголовной ответственности⁶.

¹ См., напр.: Советское уголовное право. С. 177-183; Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 304-305; и др.

² Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 304-305.

³ Милюков С.Ф. Указ. соч. С. 124-125.

⁴ См.: Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 217.

⁵ См.: Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. С. 385.

⁶ См.: Курс советского уголовного права. Т. 1: Общая часть. С. 512.

Сегодняшнюю позицию законодателя по данному вопросу отразил в своей работе В.Ф. Антонов: «В некоторых случаях заблуждение лица относительно фактических обстоятельств причинения вреда создает неосторожную форму вины нарушителя. В настоящее время уголовная ответственность за неосторожное причинение вреда в обстановке крайней необходимости исключается»¹.

В уголовно-правовой литературе «действительность» рассматривают в качестве важнейшего признака опасности, позволяющего отделить правомерную крайнюю необходимость от мнимой крайней необходимости и от провокации крайней необходимости. Более подробно правила квалификации при мнимой крайней необходимости и провокации крайней необходимости будут рассмотрены в части 2.3 настоящей работы.

Таким образом, субъективное восприятие действительности опасности влияет на уголовно-правовую оценку деяния по причинению вреда в условиях крайней необходимости. В цитируемых положениях рассматривались особенности привлечения к уголовной ответственности и освобождения в зависимости от формы вины. Если с объективной стороны опасность обязательно должна быть действительной (реальной), то с субъективной стороны достаточно того, что лицо воспринимало эту опасность как действительную, реально угрожающую правоохраняемым благам. Как отмечает И.М. Тяжкова, действительность – социально-психологическая категория, субъективное восприятие, и потому оно может оказаться ошибочным².

Также нельзя согласиться с мнением авторов³, считающих, что состояние крайней необходимости может возникнуть и непосредственно перед появлением опасности для охраняемых интересов. До появления опасности нет состояния крайней необходимости.

Итак, в заключение определим характеризующие опасность признаки: а) опасность должна быть неизбежной; б) если опасность можно избежать другим путем, значит, еще нет основания для крайних мер; в) неизбежная опасность дает право на предотвращение вреда, а возможная опасность дает право на применение мер по предотвращению опасности. Например, вокруг таежного поселка вторые сутки горел лес. Огонь подступал к населенному пункту. Ожидаемая помощь не поступала. Опасаясь, что огонь распространится на поселок, люди начинают разбирать находящиеся на окраине села деревянные постройки и жилые дома, причиняя тем самым вред их владельцам. Через некоторое время вертолеты МЧС предотвращают бедствие. В данном случае в условиях возникшей опасности предприняты меры по предотвращению высокой степени вероятного вреда.

¹ Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 48.

² Тяжкова И.М. В состоянии крайней необходимости // Человек и закон. 2005. № 11. С. 58.

³ См., напр.: Орехов В.В. Указ. соч. С. 129; Максимов С.В. Обстоятельства, исключющие преступность деяния // Уголовное право: Часть Общая и Особенная / под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. М., 1999. С. 185.

Вред, как уже отмечалось, обязательно должен быть возможным, поскольку неизбежный вред предотвратить уже невозможно. Именно такое положение, на наш взгляд, создает основание крайней необходимости.

Что касается непосредственно опасности, мы считаем, что кроме признанных теорией уголовного права признаков наличия и действительности она характеризуется неизбежностью и возможностью наступления вреда, поскольку верно положение о том, что источник опасности вызывает опасность, которая, в свою очередь, угрожает причинением вреда.

Таким образом, основанием возникновения состояния крайней необходимости выступает грозящая опасность, источники которой могут быть сведены к трем основным группам: природные явления, технические средства, поведение человека. К условиям, характеризующим грозящую опасность, следует отнести наличие, действительность (реальность), неизбежность и возможность наступления вреда.

2.2. Условия правомерности, характеризующие причинение вреда при устранении грозящей опасности

Рассмотрим вторую группу условий правомерности крайней необходимости. К ним относят возможность защиты только охраняемых уголовным законом благ (ценностей), неустранимость грозящей опасности другими средствами, менее значительный характер причиненного вреда по сравнению с предотвращенным и причинение вреда третьим лицам¹.

В условиях крайней необходимости требования предъявляются, во-первых, к охраняемому объекту, во-вторых, к деятельности лица по устранению опасности, и в-третьих, к последствиям, наступившим в результате такой деятельности. Иначе говоря, нам предстоит определить, что охраняется, какой при этом применяется способ, ради чего совершаются такие действия, чему причиняется вред и каковы должны быть последствия для признания крайней необходимости правомерной. Особое внимание будет уделено объектам уголовно-правовой охраны с позиции их ценности при сопоставлении благ в условиях крайней необходимости.

Характеристика охраняемого при крайней необходимости объекта недостаточно освещена в работах ученых, возможно, в связи с очевидностью вопроса в теории уголовного права. В специальной литературе отмечается, что объектом уголовно-правовой охраны в условиях крайней необходимости являются интересы конкретного лица, а также других граждан, подвергшихся опасности, нормальная деятельность предприятий, учреждений и организаций, общественная безопасность, интересы государства и др.²

¹ См., напр.: Уголовное право Российской Федерации: Общая часть: учебник / под ред. А.И. Марцева. С. 186-189.

² См.: Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 304.

Иными словами, действия лица в условиях крайней необходимости направлены на сохранение любого правоохраняемого объекта за счет причинения вреда другому, менее ценному правоохраняемому объекту.

Защищать в условиях крайней необходимости можно только правоохраняемый интерес¹. Незаконные блага нормой о крайней необходимости не охраняются². Если лицо причиняет вред правоохраняемым ценностям для защиты своего незаконного интереса, этот вред оценивается по общим правилам квалификации как умышленное преступление.

Посредством акта крайней необходимости можно защищать от опасности причинения вреда общественные отношения, которые охраняются уголовным законодательством: права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую среду, конституционный строй РФ, мир и безопасность человечества (ст. 2 УК РФ).

Нередко обстоятельства крайней необходимости складываются таким образом, что вред причиняется высшей ценности государства – человеческой жизни. Вопрос о причинении смерти человеку в условиях крайней необходимости как единственному способу избежать наибольшего вреда не оставляет равнодушными ученых на протяжении многих лет. И тем не менее в современной литературе мы не встречаем большого интереса к обозначенной проблеме.

Как верно заметил Ю.В. Баулин, из числа возможных объектов крайней необходимости исключают жизнь человека, в то время как закон не предусматривает на этот счет каких-либо ограничений³. Нет подобных ограничений и в действующей уголовно-правовой норме о крайней необходимости (ст. 39 УК РФ).

Обратимся к мнениям авторов, единодушно опровергающих правомерность спасения собственной жизни за счет гибели другого человека.

Комментируя указанный вопрос, Ю.М. Ткачевский отмечал, что не может быть признано актом крайней необходимости спасение своей жизни за счет жизни другого человека. Лишение жизни человека может быть признано по уголовному праву актом крайней необходимости лишь в исключительных случаях, когда только таким путем можно предотвратить смерть многих людей⁴.

Мы считаем, что вред, причиняемый для устранения опасности, может быть любым по степени тяжести, вплоть до причинения смерти. Однако недопустимо спасение от опасности собственной жизни за счет гибели другого лица.

Например, если в результате кораблекрушения двое граждан оказались в открытом море, а под рукой имеется шлюпка, способная выдержать

¹ См., напр.: Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. С. 385.

² См., напр.: Лысак Н.В. Указ. соч. С. 20.

³ См.: Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 311.

⁴ Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского, Г.Н. Борзенкова. С. 238.

только одного, то столкновение с нее другого человека во имя спасения своей жизни будет преступным. В то же время нельзя согласиться с утверждением, что преступно «перерезание веревки альпинистом, находящимся в связке с другим альпинистом, сорвавшимся со скалы». По мнению таких «гуманистов», веревку не следовало перерезать, а надо было подождать, пока оба альпиниста сорвутся в пропасть или замерзнут. С их точки зрения, наступление двух смертей вместо одной – более гуманно¹.

Отличие приведенных ситуаций, с нашей точки зрения, заключается в том, что в первом случае противопоставляются равные блага, во втором случае меньшему благу – жизни человека – противопоставляется большее благо – жизнь двух человек. И все же ставший классическим пример об альпинисте вызывает неоднозначную оценку со стороны ученых-криминалистов.

По вопросу о спасении одной жизни за счет жизни другого человека, мнения ученых расходятся. Одни считают, что такие действия преступны², другие полагают, что перенесение опасности с себя на других противоречит морали³. На современном этапе развития уголовного права некоторые авторы также либо вообще не допускают такие действия⁴, либо расценивают это как грубейшее нарушение норм морали⁵.

К числу сторонников последней позиции относится В.Ф. Антонов, указавший в своем исследовании, что доводы, обосновывающие ненаказуемость действий альпиниста, нельзя признать правильными. Оправдание человека тем, что смерть одного человека предотвращает угрозу смерти двух людей, несет в себе опасность нравственного оправдания подобных поступков⁶.

Общий недостаток в приводимых учеными доводах, по мнению А.М. Плешакова и Г.С. Шкабина, состоит в том, что их авторы дали свою оценку подобным действиям на эмоциональном уровне, не используя предоставленные уголовным правом инструменты определения общественной опасности и полезности деяний⁷. Мнение самих авторов, основывающееся, как они считают, на «правилах логики», заключается в следующем: любая жизнь равна любой другой, одна жизнь спасена за счет другой.

¹ Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского, Г.Н. Борзенкова. С. 238.

² Слуцкий И.И. Указ. соч. С. 105.

³ См., напр.: Домахин С.А. Указ. соч. С. 52; Шаргородский М.Д. Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 397-398.

⁴ См., напр.: Уголовное право России. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 1998. С. 194; Станкевич А.М. Особенности определения пределов допустимого вреда, причиняемого при крайней необходимости, по современному уголовному законодательству // Известия ТулГУ. Экономическая и юридические науки. Вып. 2 Ч. 2: Юридические науки. Тула, 2013. С. 194.

⁵ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. С. 474.

⁶ Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 101.

⁷ Плешаков А.М. Шкабин Г.С. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключаящее преступность деяния. С. 63-64.

Соответственно, вред причинен равный. Причинение равного вреда является превышением пределов крайней необходимости¹.

Действительно, нельзя сказать, что такие действия согласуются с нормами морали. Но позиция ученых, признающих правомерность действий, совершенных альпинистом, на наш взгляд, не противоречит требованиям законодательства. В данной ситуации присутствуют все признаки правомерной крайней необходимости. Угроза наступления смерти двух людей реальна, она не могла быть устранена другим способом и, наконец, причиненный вред меньше предотвращенного – вместо двух смертей наступила одна. Перерезать веревку – значит допустить гибель друга, не сделать этого – погибнуть двоим. Это и есть ситуация крайней необходимости, когда выбор сделан в пользу меньшего вреда. Такой выбор не противоречит уголовному закону. Однако закон запрещает причинять вред правоохраняемым интересам ради спасения равноценных благ. Как уже говорилось, преступным будет спасение собственной жизни за счет жизни другого человека.

Для признания крайней необходимости правомерной предъявляются требования не только к охраняемому объекту, но и к самим действиям лица, обусловленным конкретной экстремальной ситуацией.

В соответствии со ст. 14 УК РСФСР 1960 г. не являлось преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего кодекса, но совершенное в состоянии крайней необходимости. Позже законодатель отказался от термина «действие» и указал, что «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом правоохраняемым интересам в состоянии крайней необходимости...».

Вместе с тем, сохраняя традиционный подход, многие авторы в работах, написанных на основе УК РФ, продолжают сводить деятельность только к действию, не оценивая деятельность субъекта по отношению к менее значимому благу². Так, в частности Ю.В. Баулин отмечает, что «объективная сторона крайней необходимости состоит из действия, т.е. активного поведения субъекта, которое может выражаться, например, в причинении вреда жизни или здоровью человека, лишении его свободы, различных самоуправных действиях, связанных с изъятием имущества, его повреждением или уничтожением...»³.

Следует согласиться с Б.В. Сидоровым в том, что термин «причинение вреда» не исключает возможности бездействия. Он пишет: «В силу многообразия источников опасности реакция на них может быть разной. И хотя, безусловно, преобладает действие по причинению менее значительного вреда, чтобы избежать большего вреда, возможность бездействия реальна при столкновении обязанностей. В этом случае лицо, причиняя вред,

¹ Там же. С. 65.

² См., напр.: Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М.: Норма, 1997. С. 276.

³ Баулин Ю.В. Указ. соч. С.312.

не выполняет одну из двух или нескольких обязанностей для спасения более ценного блага»¹. Иными словами, такая ситуация наступает при коллизии двух обязанностей, когда приходится пренебречь одной из них для спасения большего блага. Так, хирург, который столкнулся с необходимостью одновременного проведения двух срочных операций, осуществляя первую операцию, вынужденно бездействует в отношении второго пациента, здоровью которого в результате такой задержки помощи может быть причинен существенный вред². Р.Л. Хачатуров также допускает бездействие, когда лицо не выполняет свою обязанность по спасению менее ценного блага, а спасает более ценное. Например, когда врач, спасая больного, не является в суд для дачи свидетельских показаний³.

Представленный обзор мнений свидетельствует об отсутствии единого понимания уголовно-правового характера деяния, направленного на устранение опасности в условиях крайней необходимости. Законодательное определение такой деятельности, как «причинение вреда... для устранения опасности», позволяет предположить, что деяние возможно как в активной, так и в пассивной форме. Однако четкого указания на это в законе нет. Таким образом, вопрос о возможности предотвращения грозящей опасности путем бездействия по-прежнему дискуссионен.

Обратимся к уголовно-правовому толкованию бездействия. Преступное бездействие представляет собой общественно опасный акт поведения, состоящий в несовершении лицом того действия, которое оно должно было и могло совершить.

Бездействие – пассивное в правовом смысле поведение, проявляющееся в несовершении определенных действий, которые человек в конкретной ситуации обязан был и мог совершить. Причем обязанность действовать носит правовой характер. Это вытекает из закрепления такой обязанности в нормативных правовых актах или сложившейся конкретной ситуации⁴. При этом деяние, равно как действие и бездействие, – это юридическая, а не физическая категория⁵. Как отмечает А.С. Морозов «теоретически деятельность и поведение в форме бездействия совершаться могут, но лишь временно, непостоянно»⁶.

На наш взгляд, понятия «бездействие» и пренебрежение одним из обязанностей во имя спасения большего блага имеют разные значения.

¹ Сидоров Б.В. Уголовно-правовые гарантии правомерного, социально полезного поведения. Казань, 1992. С. 15.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2004. С. 71.

³ Хачатуров Р.Л. Крайняя необходимость в праве // Вектор науки ТГУ. №1 (11). 2010. С. 153.

⁴ Уголовное право России. Общая часть: учебник / В.В. Бабурин [и др.]; под ред. Р.Д. Шарапова. С. 81.

⁵ Никонов В.А. Учение о преступлении: учеб.-метод. пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского юрид. ин-та МВД России, 1998. Вып. 2. С. 15.

⁶ Морозов А.С. Некоторые проблемы квалификации объективной стороны правомерного поведения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 1 (15). С. 100.

Лицо не бездействует вообще, а расставляет приоритеты интересов (благ) таким образом, что по отношению к одному из них лицо бездействует, но действует в интересах наибольшего блага. Если согласиться с мнением сторонников того, что крайняя необходимость возможна и в пассивной форме, то следует признать бездействием по отношению к меньшему благу любое спасение большего блага.

Позволим себе утверждать, что деятельность в условиях крайней необходимости – это всегда активные действия. Невозможно предотвратить больший вред в бездействии. Крайняя необходимость – это обстоятельство, требующее выбора действия в пользу более ценного блага, однако это не значит, что лицо избрало пассивную форму поведения в уголовно-правовом смысле. Сама сущность данного обстоятельства, исключая преступность деяния, не позволяет говорить о бездействии. В любом случае крайняя необходимость – это выбор, а выбрать – не значит бездействовать.

На наш взгляд, нет оснований оспаривать целесообразность прежней редакции нормы о крайней необходимости (ст. 14 УК РСФСР 1960 г.), где устранение опасности было определено как действие.

Кроме того, как известно, уголовно-правовое бездействие – это общественно опасный акт поведения, влекущий для лица уголовную ответственность. Возникает вопрос, если устранение опасности возможно в бездействии, то какое обстоятельство позволит исключить преступность деяния? Так, если врач не оказал медицинскую помощь, сославшись на усталость после напряженного рабочего дня, то налицо все признаки деяния, предусмотренного ст. 124 УК РФ, а именно неоказание помощи больному лицом, обязанным ее оказывать. Если же доктор не оказал помощь одному больному ради спасения жизни другого, то здесь имеет место правомерная крайняя необходимость, но, естественно, при условии, что соблюдены все остальные требования закона.

До сих пор авторы, исследуя данный вопрос, рассматривали поведение человека в условиях крайней необходимости как единое целое, включая и деятельность по устранению грозящей опасности, и механизм причинения вреда правоохраняемым интересам для устранения этой опасности. На наш взгляд, деятельность в условиях крайней необходимости следует рассматривать как совокупность двух самостоятельных актов поведения, т.е. как смешанную форму деяния. Лицо, делая выбор относительно одного блага (большого), действует, а относительно другого блага (меньшего) – бездействует. Это и есть правовая особенность крайней необходимости.

В теории уголовного права бытует точка зрения, согласно которой действия по устранению опасности должны быть своевременными и единственно возможными в данной ситуации, т.е. крайне необходимыми¹. Иными словами, правомерная крайняя необходимость признается при отсутствии возможности устранения непосредственной опасности иными средствами.

¹ См., напр.: Зуев В.Л. Необходимая оборона, крайняя необходимость и иные обстоятельства... С. 35; Орехов В.В. Указ. соч. С. 131; и др.

Однако если «своевременность» почти не вызывает дискуссий, за исключением вопроса о том, какой момент признать началом наступления опасности, то суждения о выборе «единственно возможного» способа предотвращения большей опасности, напротив, вызывают споры, приводящие к неоднозначным выводам.

В.Л. Зуев, рассматривая вопросы квалификации обстоятельств, включающих преступность деяния, отмечает, что действие, направленное на устранение опасности путем причинения вреда, должно быть единственно возможным, крайним средством избежать угрозы. Возможность устранить опасность без причинения вреда другому правоохраняемому интересу исключает правомерность действий¹.

Иногда действие лица является единственным вариантом устранения опасности. Но возможна и многовариантность. Ранее в литературе встречалось достаточно жесткое требование избрать тот вариант, который ведет к причинению наименьшего вреда. Так, например, в работе Ю.В. Баулина отмечается: «Если субъект мог устранить опасность посредством причинения менее значительного вреда, то он обязан использовать такую возможность»². Аналогичного мнения придерживался и В.Ф. Кириченко³.

Данная точка зрения не встретила поддержки у других советских криминалистов. Например, С.А. Домахин отмечал, что из неизбежности причинения вреда как средства отвращения опасности вовсе не вытекает, что этот вред должен быть наименьшим⁴.

На наш взгляд, верный подход к данному вопросу наблюдается в следующем мнении: если имеется несколько способов осуществления акта крайней необходимости, действия лица будут правомерными и тогда, когда оно применяет способ, причиняющий не минимально возможный в данных условиях вред. Здесь важно лишь, чтобы причиненный вред был меньшим, чем вред предотвращенный⁵.

Человеку, находящемуся в чрезвычайных условиях и вынужденному принимать быстрые решения, бывает трудно сопоставить все возможные плюсы и минусы и выбрать наиболее рациональный способ реагирования на опасность, поэтому требование выбора наилучшего варианта поведения и причинения наименьшего вреда представляется чрезмерным.

Таким образом, если в распоряжении лица имеются средства для устранения опасности, из которых можно выбирать, и это выбранное средство, по его мнению, будет являться наиболее эффективным, влекущим минимальное причинение вреда менее ценному благу для защиты более

¹ Зуев В.Л. Необходимая оборона, крайняя необходимость и иные обстоятельства... С. 35.

² Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 319.

³ Кириченко В.Ф. Основные вопросы о необходимой обороне в советском уголовном праве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 87.

⁴ Домахин С.А. Указ. соч. С. 48.

⁵ Советское уголовное право. Общая часть / под ред. В.Д. Меньшагина, Н.Д. Дурманова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1962. С. 181-182.

ценного, то все содеянное при благополучном исходе следует признать правомерным, совершенным в состоянии крайней необходимости.

В то же время вряд ли можно согласиться со следующим решением суда, который обосновал отсутствие состояния крайней необходимости тем, что обязательное условие, оправдывающее причинение вреда при крайней необходимости, состоит в том, что грозящая опасность не могла быть устранена иными средствами.

Так, в приговоре отмечено: «Суд считает, что у Смирновой О.А. имелись иные способы для предотвращения возникшей ссоры со Смирновым В.А., кроме причинения ему вреда посредством удара табуреткой по голове, т.к. из ее показаний следует, что телесных повреждений ей причинено не было. Факт совершения насилия в отношении Смирновой О.А. со стороны Смирнова В.А. в судебном заседании подтверждений не нашёл»¹.

Обстоятельства дела выглядели следующим образом.

Смирнова О.А. 23 июля 2013 г. около 22 часов 00 минут, в ходе ссоры, возникшей на почве неприязненных отношений, умышленно нанесла удар табуретом по голове Смирнову В.А., причинив физическую боль. Подсудимая Смирнова О.А. свою вину в инкриминируемом ей преступлении не признала и показала, что между ней и ее бывшим мужем сложились неприязненные отношения, т.к. у них возник спор о квартире. Она неоднократно писала на него жалобы в полицию, поскольку он в ходе ссор наносил ей телесные повреждения, угрожал убийством. Защитник подсудимой просил дело прекратить, поскольку Смирнова О.А. ударила своего супруга, находясь в состоянии крайней необходимости. Потерпевший сам спровоцировал ссору и пытался ударить подсудимую.

В данном случае Смирнова О.А. неоднократно предпринимала попытки по предотвращению опасности, исходящей со стороны ее супруга, обращаясь в полицию. Не найдя другого выхода в сложившейся обстановке, Смирнова О.А., не дожидаясь очередных побоев со стороны супруга, защитила себя путем причинения вреда здоровью Смирнова В.А. В данном случае суд не учел, что Смирнова О.А. длительное время находилась в психотравмирующей ситуации, вызванной нападениями и реальной угрозой жизни со стороны ее супруга.

Действия Смирновой О.А. следует расценивать либо как совершенные в состоянии необходимой обороны в случае, если посягательство со стороны Смирнова В.А. уже началось, либо как совершенные под психическим принуждением, которое согласно ч. 2 ст. 40 УК РФ решается с учетом положений ст. 39 УК РФ «Крайняя необходимость».

Следующие условия, выработанные в теории уголовного права, относятся к последствиям, наступившим в результате деятельности лица по

¹ Приговор Мирowego судьи Вологодской области по судебному участку № 36. Уголовное дело № 1-7 2014 год [Электронный ресурс] // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-cudebnyj-uchastok-36-s/act-214038977/> (дата обращения 14 апр. 2014 г.).

устранению опасности: вред причиняемый, как правило, третьим лицам должен быть меньше вреда предотвращенного.

Вначале предлагаем обратиться к вопросу о том, чьи интересы и какие правоохраняемые ценности подвергаются причинению вреда в результате действий по устранению опасности в условиях крайней необходимости.

Из законодательного определения крайней необходимости следует, что вред может быть причинен любому правоохраняемому интересу. Если при необходимой обороне вред причиняется только посягающему лицу, то при крайней необходимости в жертву приносятся правоохраняемые интересы так называемых «третьих лиц». При этом в специальной литературе обращается внимание на то, что понятие «третьих лиц» должно рассматриваться условно¹.

Нами замечено, что вопросом содержания понятия «третьи лица» в уголовном праве задавались немногие исследователи. Например, Н.В. Лысак под третьими лицами предлагает понимать «физические и юридические лица, деятельность которых не связана с возникновением опасности, создавшей условия крайней необходимости, но которые пострадали в результате причинения им вреда при устранении угрозы более важным правоохраняемым интересам»².

Н.С. Таганцев писал: «...защищая один правоохраненный интерес, мы переносим вред на другой, пользующийся такой же юридической охраной... речь идет о вторжении в сферу прав третьих лиц, о нападении на неповинных...»³.

Ю.В. Баулин указывал на распространенность в науке мнения о том, что вред при крайней необходимости может быть причинен лишь интересам «третьих лиц», т.е. организациям, учреждениям, отдельным гражданам, которые не вызывают опасность и обычно не связаны с созданием этой опасности. Он считает, что подобное понимание объекта действий при крайней необходимости отражает наиболее распространенные случаи, но все же не охватывает всех возможных ситуаций. «Нередко субъект вынужден причинять вред самому источнику опасности, чтобы ликвидировать его, локализовать, снизить интенсивность воздействия и т.п. Кроме того, в качестве объекта действий часто выступают интересы тех же учреждений, предприятий и организаций, а также отдельных лиц, которым угрожает опасность. Поэтому вряд ли точно именовать объект действий при крайней необходимости интересами “третьих” лиц»⁴.

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. С. 303.

² Лысак Н.В. Указ. соч. С. 21.

³ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 219.

⁴ Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 310.

На неоднозначность трактовки анализируемого условия и отнюдь не абсолютную его обязательность справедливо обращают внимание и другие специалисты¹ науки уголовного права.

Так, Т.Ю. Орешкина в своей работе пишет, что если вести речь о лице, которому грозила опасность, и лице, которому причинен вред, то условие о «третьем лице» выглядит весьма сомнительным и встречается далеко не всегда. Проанализируем такой случай. Корабль в непогоду потерял устойчивость, для его спасения моряки выбрасывают в море часть груза. Груз принадлежит собственнику корабля, поэтому ему же и был причинен имущественный вред для спасения корабля. Следовательно, опасность может грозить именно тому лицу, которому причиняется меньший вред для устранения этой опасности. Точнее данная мысль звучит в следующей интерпретации: «вред причиняется лицам, не связанным с созданием опасности»².

Подтверждением положения о том, что осуществление крайней необходимости возможно с причинением вреда субъекту, правовой интерес которого защищается в процессе крайней необходимости, может служить еще один пример. Во время свадебного торжества в доме В. начался пожар, вызванный неисправной электропроводкой. Один из гостей сорвал со стены ковер и потушил им пламя. Путем причинения незначительного имущественного вреда В. он спас несравнимо большее благо – все имущество³.

Однако и здесь возможны исключения. Так, в случае, когда человек забывает выключить утюг, что впоследствии вызывает пожар, при тушении которого сносят его дворовые постройки, чтобы огонь не перекинулся на соседние строения, вред причиняется самому лицу, виновному в возгорании.

Основываясь на этих суждениях, справедливо было бы согласиться с выводом Т.Ю. Орешкиной о том, что правильнее говорить о причинении вреда третьему лицу лишь в ситуации осуществления общественно опасного посягательства. В такой ситуации именно причинение вреда третьему лицу служит главным отличием от необходимой обороны, при которой вред причиняется посягающему⁴.

Конечно, такие исключения на практике встречаются нечасто, и в основном вред причиняется именно третьим лицам, что и объясняет значи-

¹ См., напр.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть /под ред. Б.В. Здравомыслова. С. 303; Лысак Н.В. Указ. соч. С. 20; Орешкина Т.Ю. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния. // Уголовное право. № 3. 1999. С. 16.

² Орешкина Т.Ю. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния. С. 16.

³ Курс уголовного права. Общая часть: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского, Г.Н. Борзенкова. С. 484.

⁴ Орешкина Т.Ю. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния. С. 16.

тельно более жесткие требования, предъявляемые законодателем к лицу, действующему в состоянии крайней необходимости.

Представленный обзор мнений показал, что при крайней необходимости меньший вред может причиниться интересам лица, которому угрожал больший вред: лицо не создавало условий для возникновения опасности, но могло пострадать принадлежащее ему большее благо. Вред может причиниться лицу, не причастному к созданию опасности, при этом охраняется большее (его же!) благо. Объединяющим для данных случаев является то, что лица, которым причиняется вред, не являются виновными в возникновении опасности.

Можно заключить, что причинение вреда только третьим лицам не является безусловным. Вред в состоянии крайней необходимости может быть причинен не только невиновным в создании опасной ситуации, но и тем лицам, которые имеют непосредственное отношение к созданию такой обстановки.

Как известно, вопрос о возможности причинения вреда человеку, совершившему общественно опасное посягательство, явившееся источником опасности, решается в рамках института необходимой обороны. Напомним, что обязательным признаком необходимой обороны является «причинение вреда интересам посягающего»¹.

Однако деяние человека способно причинить вред не только посягательством на потерпевшего, а, например, каким-либо умышленным или неосторожным деянием (не убедился в исправности механизма, переходил дорогу не в установленном месте и т.д.). Такие случаи причинения вреда, мы полагаем, следует рассматривать по правилам крайней необходимости.

По мнению С.А. Домахина, в некоторых случаях действие в состоянии крайней необходимости может быть направлено и против нападающего, когда им заведомо является лицо невменяемое, малолетнее или действующее в состоянии фактической ошибки².

Однако данное суждение не было поддержано такими авторами, как Ю.В. Баулин, А.А. Пионтковский, В.Ф. Кириченко³. В этих случаях имеет место необходимая оборона. При противоправном нападении защита путем причинения вреда нападающему есть необходимая оборона, а защита путем причинения вреда интересам третьих лиц есть акт крайней необходимости⁴.

Итак, в используемое в теории уголовного права понятие «третьего лица» научным сообществом единодушно вкладывается один и тот же смысл: это лицо, непричастное к возникновению опасности, чьи интересы пострадали от действий субъекта крайней необходимости.

¹ Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 310.

² Домахин С.А. Указ. соч. С. 42.

³ См.: Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 310-311; Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. С. 383; Кириченко В.Ф. Указ. соч. С. 28.

⁴ Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. С. 383.

Как верно заметил В.Ф. Антонов, в теории слишком широко распространено мнение о включении признака причинения вреда третьим лицам в число обязательных элементов крайней необходимости. Причинение вреда третьим лицам является существенным, но все же необязательным элементом крайней необходимости¹.

Проведенный анализ мнений позволяет убедиться в том, что меньший вред с целью устранения большего вреда при крайней необходимости, кроме «третьих лиц», может быть причинен:

а) лицу, непричастному к возникновению опасности, но интересам которого угрожал вред, предотвратить который стало возможным путем причинения меньшего вреда этому же лицу;

б) лицу, непосредственно создавшему своими действиями (бездействием) опасность, угрожающую причинением вреда, при отсутствии признаков общественно опасного посягательства.

При этом «лицами» в данном случае именуются любые обладатели законных прав, интересов и благ (физические, юридические лица), которым причиняется вред в условиях крайней необходимости. Вред в состоянии крайней необходимости может причиняться любому лицу, за исключением случаев, когда источником опасности является общественно опасное посягательство.

Поэтому, на наш взгляд, вместо понятия «третьи лица» более правильно применять понятие «лица, чьи нарушаемые права и интересы охраняются уголовным правом».

Перейдем к рассмотрению вопроса о допустимой соразмерности вреда причиненного вреду предотвращенному.

Одним из требований законодателя является причинение вреда обязательно меньшего, чем мог наступить. Нарушение данного условия выходит за рамки правомерной крайней необходимости, которая заключается в том, что сохраненное благо представляет большую ценность, чем пострадавшее благо.

Сохраненное благо в результате деятельности по предотвращению вреда в условиях крайней необходимости соотносится с благом, которому причиняется вынужденный вред. Вопрос о соразмерности благ всегда являлся одним из самых сложных в правовой оценке крайней необходимости.

На определенные трудности при сопоставлении благ обращал внимание еще Н.С. Таганцев². По его мнению, любая охрана блага должна иметь границы, превышение которых исключает правомерность деяния. «Особенное значение получает этот вопрос в случаях, когда, защищая один правоохраненный интерес, мы переносим вред на другой, пользующийся такой же юридической охраной. Пределы необходимой обороны определяются исключительно размером и силой нападения, при крайней необходимости этот масштаб не имеет никакого значения. Границы приходится искать в другом условии, а именно в значении для государства совершившейся заме-

¹ Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 30.

² Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 220-221.

ны нарушения одного охраняемого интереса посягательством на другой, и, прежде всего, в определении соотношения между благом охраняемым и нарушаемым»¹.

Определение приоритета ценности в каждом конкретном случае – задача весьма непростая. Обозначенная в свое время Н.С. Таганцевым проблема не нашла окончательного разрешения и в работах последователей. По мнению одних ученых², при сопоставлении вреда причиненного и вреда предотвращенного следует использовать объективный и субъективный критерии. Другие³ считают, что учет мнения субъекта внесет полную неопределенность в разъяснение вопроса о правомерности действия, совершенного в состоянии крайней необходимости, т.к. при коллизии равноценных благ лицо могло бы счесть свои интересы более ценными по сравнению с поврежденными интересами других лиц.

На наш взгляд, неверно исключать из числа критериев субъективную оценку лица, находящегося в состоянии крайней необходимости. Подобный подход показывает, что, признавая право каждого на крайнюю необходимость, мы заранее игнорируем субъективное восприятие ситуации самим лицом. Любая уголовно-правовая оценка должна основываться на совокупности объективных и субъективных данных. Субъект отражает в своем сознании объективные процессы, связанные с совершением деяния, предвидит результаты своего поведения и желает их наступления.

Описывая уголовно-правовое значение угрозы при необходимой обороне, Г.К. Костров писал: «Игнорирование субъективного фактора лишает угрозу важнейшего ее предназначения как правового деяния – воздействовать на психику другого лица»⁴. Восприятие опасности сознанием и волей человека и есть субъективный фактор. Субъективная оценка наряду с объективными данными позволяет составить представление о фактической обстановке события.

Еще одна группа ученых предлагает дополнительный критерий – юридический, использование которого предполагает выявление и сравнение степени правовой защиты коллидирующих интересов⁵. Здесь следует исходить из размера санкции статьи, устанавливающей ответственность за покушение на него. Именно размер санкции статьи формирует представление о значимости того или иного объекта уголовно-правовой защиты. Мотивируя свой подход, В.Ф. Антонов предлагает в практике рассмотрения дел, связанных с крайней необходимостью, обращаться также к категоризации преступлений⁶. В то же время он считает, что при рассмотрении

¹ Там же. С. 219-220.

² См.: Орехов В.В. Указ. соч. С. 133-134.

³ См.: Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. С. 387.

⁴ Цит. по: Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 142.

⁵ Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 52.

⁶ Там же.

сложных ситуаций крайней необходимости нельзя обойтись только юридическим критерием.

По нашему мнению, оценка благ должна осуществляться двумя субъектами. Первая оценка осуществляется лицом, находящимся в состоянии крайней необходимости, который в экстремальных условиях делает выбор между двумя объектами. Вторая оценка дается правоприменителем, который оценивает деяние первого субъекта на основании ст. 39 УК РФ.

По утверждению А.А. Арямова и М.А. Якунькова, сравнение можно осуществлять по уровню общественной опасности, отраженной в санкции конкретной нормы Особенной части уголовного закона¹. Данное мнение схоже с теорией В.Ф. Антонова о «юридическом критерии». Но преимуществом работы А.А. Арямова и М.А. Якунькова является указание на субъект юридической оценки: «Такая рекомендация приемлема только для работников юрисдикционных органов, постфактум оценивающих уже совершенное деяние. Конкретному субъекту необходимости, принимающему решение и действующему в экстремальных условиях, приходится ориентироваться на внутреннее наитие. Это структурный порок эксцесса любого обстоятельства, исключающего преступность деяния»².

Объективный и субъективный критерии основаны на оценке ситуации лицом, непосредственно находящимся в состоянии крайней необходимости. Юридическая оценка, представляющая собой всю совокупность технико-правовых способов и методов, способствующих принятию правомерного решения с учетом объективного и субъективного восприятия ситуации субъектом крайней необходимости, осуществляется правоприменителем.

Рассматривая вопрос о соотношении причиненного и предотвращенного вреда, Ю.В. Баулин³ предлагал рассматривать в комплексе две взаимодействующие категории: вред и ценность, выделяя при этом вред большой общественной значимости (тяжкий) и небольшой общественной значимости (нетяжкий). Ценности он делил на абсолютные и относительные, при этом большой признавалась опасность, угрожающая любым вредом абсолютным ценностям и тяжким вредом ценностям относительным. Небольшой считалась опасность, угрожающая нетяжким вредом относительным ценностям.

Данную теорию, безусловно, можно было бы принять при условии, что мы знаем, какие ценности признавать абсолютными, а какие – относительными.

В литературе отмечается, что до сих пор не найдено решение проблемы «четкой дифференциации всех общественных отношений (объектов вреда) и не осуществлено выделение из них значимых для уголовного права даже в работах, посвященных общественным отношениям»⁴. О различной социаль-

¹ См.: Арямов А.А., Якуньков М.А. Указ. соч. С. 100.

² Арямов А.А., Якуньков М.А. Указ. соч. С. 100.

³ Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 314-316.

⁴ Цит. по: Козлов А.П. Понятие преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 254.

ной значимости общественных отношений писал Ю.А. Демидов, выделяя абсолютные и относительные ценности. К первым он причислял государственный и общественный строй, государственную безопасность и т.д.¹

Обозначенная еще в работах В.К. Глистина² проблема отсутствия в теории уголовного права единой, отвечающей потребностям практики и научно обоснованной последовательной концепции объекта преступления продолжает оставаться актуальной.

По наблюдениям А.П. Козлова, теория превалирования личности как объекта посягательства, которая прослеживается в современном законодательстве (достаточно посмотреть в содержание УК РФ, Особенная часть которой начинается с преступлений против личности и заканчивается преступлениями против государственной власти, мира и безопасности человечества), справедливо подверглась критике со стороны ученых. Так, по мнению С.Ф. Милюкова, данная концепция «наносит существенный урон как раз интересам личности, благополучие которой в российских условиях в немалой степени зависит от мощи или, напротив, слабости государства»³.

Согласно Конституции РФ иерархию ценностей возглавляет личность с совокупностью принадлежащих ему прав и свобод. В ст. 2 Конституции РФ закреплено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»⁴. Как отмечают Ю.В. Анохин и С.А. Воробьева, по своей природе права человека – это такие социально значимые притязания на некую меру свободы, которые совместимы с принципом формального равенства, которые могут быть всеобщими требованиями свободы⁵. И даже после закрепления их в законе они не перестают быть естественными правами человека⁶.

Основанная на конституционных началах дифференциация общественных отношений в уголовном законе справедливо вызвала дискуссию в научной среде: «на первое место выдвинута личность, но при этом по тяжести санкций защита государства оказалась по-прежнему на первом месте, а личность – на четвертом»⁷.

Изучение данного вопроса показало, что многие авторы, указывая лишь на то, что защищать по правилам крайней необходимости можно лю-

¹ Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 59-60.

² Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. С. 17.

³ Цит. по: Козлов А.П. Указ. соч. С. 255.

⁴ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/popular/cons/> (дата обращения: 5 мая 2014 г.).

⁵ Анохин Ю.В., Воробьева С.А. О праве и правах человека в теории правопонимания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3(25). С. 7.

⁶ Нерсесянц В.С. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы // Государство и право. 2001. № 5. С. 90.

⁷ Козлов А.П. Указ. соч. С. 256.

бые правоохраняемые интересы, уходят от вопроса дифференциации благ по степени важности и способа их оценки в уголовном праве. Причина данного факта, на первый взгляд, видится в противоречии, возникшем в результате несоответствия формального и реального.

Л.Д. Гаухман подверг справедливой критике тех авторов, которые принимают за истину иерархию ценностей, якобы выражающуюся в последовательности их расположения в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Подобная иерархия ценностей является лишь декларацией, причем не только не соответствующей, но и прямо противоречащей действительности. Фактически иерархия ценностей обусловлена степенью строгости защиты перечисленных и других социальных ценностей, названных в наименованиях разделов и глав Особенной части УК РФ уголовным законом¹. Свою точку зрения Л.Д. Гаухман аргументировал анализом санкций УК РФ 1996 г. по такому основанию, как среднеарифметический срок лишения свободы. Из этого следует, что наиболее строго охраняются основы конституционного строя и безопасности государства, а наименее строго – конституционные права и свободы человека и гражданина².

В литературе встречается классификация абсолютных и относительных объектов, предложенная Ю.В. Баулиным³. Развивая данную классификацию, А.М. Станкевич предлагает к абсолютным относить жизнь и здоровье человека, далее государственный строй и общественную безопасность, а также честь и достоинство. К относительным, по его мнению, можно отнести все формы собственности⁴.

Затянувшаяся дискуссия о соразмерности благ лишь подчеркивает необходимость поиска нового метода оценки при соизмерении охраняемых уголовным законом благ. Если руководствоваться приоритетами уголовно-правовой охраны, которые указаны в ст. 2 УК РФ и обозначены в содержании уголовного закона, то мы столкнемся с ситуацией, когда в конкретных условиях нарушение общественной безопасности будет менее ценным, чем гибель одного человека.

Следует согласиться с А.В. Шеслером, который утверждает, что подобное стало возможным по причине того, что на место общества как самостоятельной целостной ценности, имеющей коллективный интерес, выдвигается совокупность индивидов, обладающих интересом, отличным от коллективного. Частный интерес выше общественного. Таким образом, выстраивается иерархия интересов в обратном порядке⁵: частные интересы, интересы общественных групп, интересы общества.

¹ Цит. по: Меркурьев В.В. Указ. соч. С. 63.

² Меркурьев В.В. Указ. соч. С. 63.

³ Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 44.

⁴ Станкевич А.М. Особенности определения пределов допустимого вреда, причиняемого при крайней необходимости, по современному уголовному законодательству. С. 196.

⁵ См.: Шеслер А.В. Идеологическая основа Уголовного кодекса России // Уголовное право на рубеже тысячелетий: материалы всерос. науч.-практ. конф., Тюмень, 16 нояб. 2006 г. / Изд-во Тюменского юрид. ин-та МВД России. Тюмень, 2006. С. 5-6.

Мы считаем, что приоритеты уголовно-правовой охраны должны быть изменены: на первое место следует поставить интересы социума, а затем – интересы отдельной личности. Предложенная нами иерархия ценностей была положительно воспринята научной общественностью¹.

Как показывает действительность, сегодня особую опасность представляют посягательства, направленные на массовое уничтожение людей. Естественно, преступления, угрожающие всему человечеству, – развязывание войны, геноцид, экоцид, иные преступления против мира и безопасности – более опасны, чем посягающие на жизнь одного человека или даже группы лиц. Сложная криминальная реальность, террористические акты, насилие,

¹ Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции). С. 138.

похищение людей, захваты заложников и прочие обстоятельства вынуждают нас взглянуть несколько иначе на установленные основным законом приоритеты ценностей. Поэтому критерий – массовое, групповое, единичное – на наш взгляд, по праву будет основой в предлагаемой системе ценностей.

На основании изложенного материала мы предлагаем следующее схематическое изображение сравнительной оценки объектов при сопоставлении правоохраняемых благ в условиях крайней необходимости.

Жизнь, здоровье, конституционные права и свободы человека и гражданина, основы общественной безопасности и безопасности государства, иные интересы личности и общества, интересы государства – именно такая последовательность, не противоречащая, на наш взгляд, конституци-

онным принципам, может служить основой для построения горизонтали в системе ценностей. Однако, предлагая ориентировочное ранжирование объектов по степени их ценности, мы осознаем, что в большинстве случаев вопрос о соотношении благ не может быть решен однозначно.

2.3. Уголовно-правовая оценка деяний, совершенных в состоянии крайней необходимости

Соблюдение субъектом крайней необходимости условий правомерности свидетельствует о наличии обстоятельства, исключающего преступность деяния. При нарушении этих условий имеет место превышение пределов крайней необходимости, влекущее меры уголовно-правовой ответственности в случае обнаружения умысла в деянии лица. Преступное последствие, наступившее в отсутствие обстоятельства крайней необходимости, может свидетельствовать о наличии фактической ошибки, провокации крайней необходимости, либо об ином уголовно-правовом деянии, не являющимся предметом данного исследования.

Действия субъекта в рамках правомерной крайней необходимости были рассмотрены нами в предыдущих параграфах настоящей работы, соответственно, в данной части исследования предстоит рассмотреть правила уголовно-правовой оценки деяний, совершенных с превышением пределов крайней необходимости в результате ошибочного восприятия субъектом ситуации как крайней необходимости, а также случаи умышленного создания опасной ситуации с целью причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны.

Согласно ч. 2 ст. 39 УК РФ превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, т.е. когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный.

В одном из проектов УК РФ содержался вариант, согласно которому допустимым было причинение правоохраняемым интересам вреда, равного предотвращенному. Очевидно, законодатель хотел поднять социальную активность людей по предотвращению вреда, сузив рамки наказуемого превышения пределов крайней необходимости. Однако принятие такой трактовки позволило бы признать правомерным, например, спасение своей жизни за счет лишения жизни другого человека. Как справедливо отмечает Т.Ю. Орешкина, если бы речь шла о любых интересах, помимо жизни и здоровья человека, то с такой позицией можно было бы согласиться¹.

По мнению Т.Г. Шавгулидзе, превышение пределов крайней необходимости возможно лишь при «повреждении интереса равного или больше-

¹ Орешкина Т.Ю. Крайняя необходимость как обстоятельство, как исключающее преступность деяния // Уголовное право. 1999. № 3. С. 15-16.

го, чем спасенный интерес»¹. В.Н. Козак дополнил условия, отмечая, что превышение пределов крайней необходимости имеет место не только при нарушении соотношения вреда причиненного и вреда предотвращенного, но и при возможности устранить грозящую опасность иными средствами².

Ю.В. Баулин считал, что если пределы крайней необходимости определяются не только соответствием вреда грозящей опасности, но и обстановке, в которой устранялась эта опасность, то следует признать эксцесс крайней необходимости при явном несоответствии причиненного вреда характеру грозящей опасности или обстановке, в которой устранялась эта опасность³. Законодатель, за некоторым исключением, правильно разрешил указанные споры, признав превышением пределов крайней необходимости причинение вреда равного или более значительного, чем предотвращенный (ч. 2 ст. 39 УК РФ).

По замечанию Г.В. Бушуева, в законодательном определении превышения пределов крайней необходимости содержится неразрешимое логическое противоречие. Если превышением пределов крайней необходимости является вред, явно не соответствующий угрожавшей опасности, то он не может быть равным: он должен быть больше, притом значительно больше вреда предотвращаемого. Если вред равный, то он тождественен предотвращаемому вреду и не может быть не соответствующим и тем более явно не соответствующим угрожавшей опасности. Автор предлагал исключить из ч. 2 ст. 39 УК РФ все, что относится к «явному несоответствию». Тогда ч. 2 ст. 39 УК РФ можно было бы изложить в следующей редакции: «Превышением пределов крайней необходимости является умышленное причинение вреда равного или более значительного, чем вред предотвращаемый»⁴. Подобной точки зрения придерживается и С.В. Пархоменко⁵.

А.М. Плешаковым и Г.С. Шкабиным дается иное доктринальное толкование нормы. По их мнению, слово «явно» означает, что несоответствие причиненного вреда характеру и степени угрожающей опасности и обстоятельствам, при которых причинялся вред, должно быть абсолютно очевидным, наглядным, иными словами, не вызывать никакого сомнения в том, что причиненный вред был менее значительный⁶.

Нами поддерживается позиция А.А. Арямова и М.А. Якунькова относительно решения данного вопроса. По мнению указанных авторов, ситуа-

¹ Шавгулидзе Т.Г. Необходимая оборона. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1966. С. 147.

² Козак В.Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1981. С. 111-113.

³ Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 323.

⁴ Бушуев Г.В. Правовые последствия фактической ошибки при необходимой обороне и крайней необходимости // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2000. № 4. С. 214.

⁵ См.: Пархоменко С.В. Указ. соч. С. 249-250.

⁶ Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключющее преступность деяния. С. 61-62.

ция кардинально изменится, если термин «явность» поместить в другое место определения: «Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности... когда указанным интересам был причинен вред, явно равный или более значительный, чем предотвращенный»¹. В такой интерпретации крайней необходимости, считают авторы, для субъекта в момент причинения вреда было явно (несомненно), что причиняемый им вред меньше вреда предотвращенного. Слово «явный» в русском языке толкуется как «не скрываемый, открытый, видимый; совершенно очевидный»².

Предложенное определение превышения пределов крайней необходимости, на наш взгляд, является оптимальным. В первой части определения содержится качественный и количественный показатели причиняемого вреда, во второй – последствие такого превышения.

Наличие уточнения («явное несоответствие») несколько расширяет рамки применения нормы о правомерной крайней необходимости, и, соответственно, в случаях, вызывающих сомнения, позволяет сократить возможность неправомерного применения норм о превышении пределов крайней необходимости.

Исходя из логико-системного анализа ч. 2 ст. 39 УК РФ следует, что правомерными будут считаться действия, совершенные в условиях крайней необходимости только в случае, если вред от грозящей опасности предотвращен. Если же вред, связанный с устранением опасности, причинен, однако не удалось избежать реализации такой опасности (вредные последствия наступили), то такое развитие событий ст. 39 УК РФ не регулирует³.

На наш взгляд, простая замена понятий «предотвращенный» на «предотвращаемый», как это предлагает Г.С. Шкабин в своей редакции нормы⁴, не разрешит обозначенной проблемы. Должна быть дана основанная на законе уголовно-правовая оценка ситуации, при которой причинение вреда во благо в состоянии крайней необходимости оказалось безуспешным, несмотря на усилия лица, добросовестно рассчитывающего достичь это благо.

Мы солидарны с автором следующих строк: «Можно, конечно, в этой связи апеллировать к содержанию ст.ст. 5, 24-28 УК РФ (т.е. к общим положениям о вине) и доказывать обратное. Однако на практике этим приходится заниматься самому причинителю вреда со всеми связанными с этим трудностями и вытекающими из этого соответствующими результатами»⁵. Если государство действительно одобряет поведение лица в состо-

¹ Арямов А.А., Якуньков М.А. Указ. соч. С. 101.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 912.

³ Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния. С. 111.

⁴ Шкабин Г.С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 11.

⁵ Пархоменко С.В. Указ. соч. С. 252.

янии крайней необходимости, то такого рода случаи должны получать однозначную их оценку в самом тексте уголовного закона.

По нашему мнению, необоснованно относить к превышению пределов крайней необходимости случаи неудавшейся крайней необходимости. В специальной литературе¹ уже поднимался вопрос об ответственности лица, которое стремилось предотвратить больший вред путем причинения меньшего, но в итоге и больший, и меньший вред был причинен. В теории уголовного права такие действия иногда называют «неудавшейся крайней необходимостью»².

Обозначивший в свое время эту проблему С.А. Домахин считал, что ответственность за причиненный вред в этом случае должна исключаться, если предотвратить вред не удалось, несмотря на все старания субъекта или же когда у него были достаточные основания полагать, что избранный им путь предотвращения является единственным и необходимым³. Данная точка зрения находит поддержку среди большинства ученых⁴.

Предполагается, что при разрешении такой ситуации большее внимание должно уделяться мотивации действий субъекта и направленности его умысла на предотвращение грозящей опасности. Так, с целью спасения утопающего человек берет чужую лодку, выбрасывает из нее груз, чтобы облегчить ее и быстрее достичь утопающего, однако потерпевший тонет до того, как спасатель успел к нему на помощь. Вред, который пытался предотвратить субъект, наступил независимо от его действий, вместе с тем он сделал все от него зависящее, чтобы предотвратить наступление этого вреда.

Таким образом, превышением пределов крайней необходимости признается не оправданное правилами правомерности, умышленное причинение объекту уголовно-правовой охраны вреда явно равного или более значительного, чем вред предотвращенный.

Особую актуальность вопрос об уголовно-правовой оценке деяний, совершенных в состоянии крайней необходимости, имеет для лиц, наделенных полномочиями действовать в условиях экстремальной обстановки.

Субъектом крайней необходимости может стать любое лицо, отвечающее общим признакам субъекта в уголовном праве, а именно вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. Лицо, изначально находящееся в состоянии крайней необходимости, в случае совершения им действий, оцениваемых как превышение допустимых пределов, из статуса субъекта крайней необходимости переходит в статус субъекта превышения пределов крайней необходимости. Поэтому можно утверждать, что субъект

¹ См., напр.: Сахаров А.Б. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 130; Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 310.

² См., напр.: Сидоров Б.В. Уголовно-правовые гарантии правомерного, социально-полезного поведения. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1992. С. 79; Лысак Н.В. Указ. соч. С. 22.

³ Домахин С. А. Указ. соч. С. 59.

⁴ См., напр.: Козак В.Н. Указ. соч. С. 118; Лысак Н.В. Указ. соч. С. 22.

том превышения пределов крайней необходимости, как и состояния крайней необходимости, может быть любое лицо.

Ю.В. Баулин считал, что «субъектом крайней необходимости является общий субъект, т.е. лицо, на которое не возложена специальная юридическая обязанность или служебный долг бороться с опасностью, угрожающей интересам личности, общества или государства»¹.

В ст. 24 Федерального закона «О милиции»² законодатель прямо указывал, что «на деятельность сотрудника милиции распространяются нормы уголовного законодательства Российской Федерации о необходимой обороне, причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости, физическом или психическом принуждении, об обоснованном риске, исполнении приказа или распоряжения», называя их обстоятельствами, исключающими преступность деяния сотрудника милиции. В то время как имеющееся в УК РФ 1996 г. понятие крайней необходимости не содержит специального указания на субъект, подобно норме о необходимой обороне (ч. 3 ст. 37 УК)³. Федеральный закон от 07.02.2011. № 3-ФЗ «О полиции» уже не содержит детализации положений обстоятельств, исключающих преступность деяния сотрудника полиции, ограничиваясь общей нормой, закрепленной в ч. 9. ст. 18, где указано, что «сотрудник полиции не несет ответственность за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами»⁴. Понятие крайней необходимости в указанном законе употребляется лишь в контексте уточнения права сотрудника полиции использовать любые подручные средства и применять иное, не состоящее на вооружении полиции оружие при отсутствии у него необходимых специальных средств или огнестрельного оружия (ч. 3 ст. 18). Тем самым, как справедливо отмечает А.В. Никуленко, «на законодательном уровне предпринята очередная попытка ограничить сферу действия кодифицированного (имеющего большую юридическую

¹ Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 308.

² О милиции [Электронный ресурс]: федер. закон от 18 апр. 1991 г. № 1026-1: // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/popular/militia/> (дата обращения: 12 мая 2014 г.).

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля.

⁴ О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ: в ред. от 22 июля 2014 г. // Рос. газ. 2011. 8 февр.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12 мая 2014 г.).

силу) нормативного акта – УК России и, тем самым, урезать в правах сотрудников полиции»¹.

В теории уголовного права под специальным субъектом понимается лицо, обладающее определенными качествами, конкретными особенностями, указанными в диспозиции статьи, а также наряду с общими признаками субъекта дополнительными признаками, обязательными для данного состава преступления².

В нашем случае специальным субъектом будет лицо, в чьи обязанности входит предотвращение любой опасности, угрожающей причинением вреда правоохраняемым объектам, а также устранение, ликвидация последствий наступившего вреда. Данная обязанность возникает из профессиональных, служебных, трудовых, иных правоотношений субъекта. Это врачи, военнослужащие, сотрудники органов внутренних дел, юстиции, ФСБ, МЧС, специальных подразделений и др. Регламентированная законом деятельность по решению задач в экстремальных ситуациях, обусловленных чрезвычайными факторами, не позволяет указанным лицам уклоняться от выполнения обязанностей.

Статус, объем полномочий, меры ответственности лица, наделенного специальной обязанностью в экстремальных условиях, определяются ведомственными федеральными законами, инструкциями, приказами³. Например, Федеральным законом «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» определено, что спасатели, виновные в неисполнении обязанностей, возложенных на них трудовым договором (контрактом), умышленном причинении при проведении работ по ликвидации чрезвычайных ситуаций вреда здоровью спасаемых граждан, нанесении ущерба природной среде, материальным и культурным ценностям, несут дисциплинарную, административную, гражданско-правовую или уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ⁴.

А.А. Арямов и М.А. Якунчиков отмечают, что отечественный законодатель не учел, что в ряде случаев закон вменяет в обязанность различным категориям граждан под страхом уголовной ответственности не уклоняться от опасности (например, военнослужащему во время боевых действий)⁵.

А.В. Никуленко считает, что «категории лиц, в служебные обязанности которых входит преодоление грозящих опасностей, не вправе отка-

¹ Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2011. С. 22.

² Козлов А.П. Указ. соч. С. 499-500.

³ См., напр.: О милиции: федер. закон; Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей [Электронный ресурс]: федер. закон от 22 авг. 1995 г. № 151-ФЗ: в ред. от 2 июля 2007 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148644/ (дата обращения: 10 мая 2014 г.); О пожарной безопасности: федер. закон от 21 дек. 1994 г. № 69-ФЗ: в ред. от 8 марта 2015 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 35. Ст. 3649; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10 мая 2014 г.).

⁴ См.: Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей: федер. закон. Ст. 3503.

⁵ Арямов А.А., Якунчиков М.А. Указ. соч. С. 107.

заться от выполнения своих обязанностей, ссылаясь на крайнюю необходимость. Так, военнослужащий не может оправдать побег с поля боя опасностью для жизни, пожарный не может под тем же предлогом отказаться от тушения пожара, а работник полиции – задерживать преступника»¹.

В то же время, по мнению А.М. Плешакова и Г.С. Шкабина, распространенное мнение о том, что сотрудники полиции, пожарной охраны, военнослужащие и т.д. не могут уклоняться от опасности при выполнении своих обязанностей, не имеет достаточного основания, поскольку в законе «нет главного – регулирования ситуаций крайней необходимости». Лица, обеспечивающие устранение какой-либо опасности или восстановление ущерба от такой опасности, сами нередко подвергаются угрозе получить телесные повреждения или лишиться жизни. Пренебрежение в такой обстановке служебными предписаниями будет, по их мнению, обоснованно оправданно².

Зарубежный опыт показал, что законодатель данные положения закрепил в самой норме о крайней необходимости³.

Мы считаем, что сослаться к правилам крайней необходимости в анализируемой ситуации можно, если:

1. Нет специального предписания о том, что лицо должно действовать, даже жертвуя собой.

2. Само лицо, действовавшее в условиях крайней необходимости, не находится в беспомощном состоянии.

Наличие такой нормы в уголовном законодательстве явится сдерживающим фактором от злоупотреблений при реализации права на вредоносные действия и повлечет необходимость качественного повышения профессиональной подготовки работников всех категорий⁴.

Об имеющихся в практической деятельности фактах злоупотреблений показало интервьюирование пожарных МЧС Тюменской области. На вопрос о том, приходилось ли наблюдать факты, свидетельствующие о чрезмерном, не оправданном причинении вреда интересам «третьих лиц» при тушении пожаров, один из пожарных ответил вопросом: «А кто измерит, какой объем воды мне необходим, чтобы залить огонь?». На анкетный вопрос «Приходилось ли Вам констатировать факт превышения пределов крайней необходимости?» 65 % опрошенных ответили отрицательно; 23 % – утвердительно; ответом оставшихся 12 % было: «Кто же Вам в этом признается?». Понимая такой ответ как положительный, делаем вывод, что 35 % респондентов известны факты причинения необоснованного, не вызванного си- ту-

¹ Никуленко А.В. Указ. соч. С. 23.

² Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключяющее преступность деяния. С. 24.

³ См., напр.: Уголовный кодекс Республики Польша. С. 14; Уголовный кодекс Испании. С. 18; Уголовный кодекс Японии. С. 51.

⁴ Михайлов В.И. Выполнение профессиональных функций как обстоятельство, исключяющее преступность деяния // Уголовное право. 2002. № 2. С. 53.

ацией вреда. Правда, половина из них (17 %) ответили, что превышение пределов допускается по неосторожности¹ (см. Приложение 1).

К сожалению, данные опроса не отрицают наличия злоупотреблений при выполнении некоторыми профессионалами возложенных на них обязанностей. Это дает основание усомниться в правомерности вредоносных действий специалистов и установить требование обязательной экспертизы подобных случаев. На это обстоятельство еще в начале 70-х гг. XX в. указывал М.С. Гринберг. Он предлагал в таких случаях привлекать пожарных к уголовной ответственности².

В зависимости от вида субъекта изменяется правовой характер действий и, соответственно, юридическая оценка содеянного. Для общего субъекта ситуация крайней необходимости есть право на предотвращение вреда, для специального субъекта – обязанность, неисполнение которой может повлечь за собой уголовно-правовую ответственность.

Итак, уголовно-правовая оценка деяний, совершенных специальным субъектом в состоянии крайней необходимости, должна быть сопряжена с оценкой этих действий на основании должностной инструкции, исполнение предписаний которой является профессиональной обязанностью субъекта, а не его доброй волей. Нарушение специальных предписаний предполагает привлечение лица к установленной ответственности, в том числе и к уголовно-правовой.

Как уже отмечалось, под превышением пределов крайней необходимости следует признавать не оправданное правилами правомерности, умышленное причинение объекту уголовно-правовой охраны вреда явно равного или более значительного, чем вред предотвращенный. Отсюда следует, что крайняя необходимость характеризуется только умышленной формой вины. В то же время необходимо отметить, что в поисках правильного решения вопросов, возникающих относительно субъективной стороны при превышении пределов крайней необходимости, в литературе высказывались различные, порой противоречивые предложения. Это объясняется определенными трудностями при оценке психической деятельности лица, превысившего установленные пределы.

Например, Н.В. Лысак высказал мнение, что «если в действиях причинителя вреда будет установлена неосторожная форма вины (небрежность или легкомыслие), то такие действия должны быть уголовно наказуемы»³. Однако какой-либо аргументации в подтверждение своего мнения автором не приводится, и в конечном счете указывается на умышленную вину при превышении пределов крайней необходимости.

Аргументы против данной точки зрения приводят В.И. Морозов и Р.Д. Шарапов. Они исходят из того, что «...деяние лица, которое сознава-

¹ К сведению: из 64 пожарных один имеет среднее юридическое образование, двое – высшее техническое; остальные – среднее специальное (не юридическое).

² Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1963. С. 91.

³ Лысак Н.В. Указ. соч. С. 22.

ло, что причиняемый им вред не является крайней мерой, необходимой для его предотвращения, вообще не может быть признано актом именно крайней необходимости, а тем более превышением ее пределов»¹. Авторы считают, что об умысле как о форме вины здесь говорить нельзя. По их мнению, превышение пределов крайней необходимости может иметь место лишь при неосторожной вине субъекта. «Превысившим пределы крайней необходимости признается лицо, заблуждавшееся в оценке обстановки устранения опасности либо не предвидевшее возможности причинения неоправданного вреда или легкомысленно рассчитывавшее на его ненаступление, хотя должно было и могло правильно оценить обстановку и не допустить причинения такого вреда»².

Заметим, вышеуказанная точка зрения не учитывает, что совершение умышленного преступления при превышении пределов крайней необходимости свидетельствует об относительно меньшей опасности преступления и личности преступника в силу следующих причин. Во-первых, не субъект создал своим поведением опасную ситуацию. Во-вторых, основанием для смягчения наказания в этих случаях прежде всего является его полезный, допустимый мотив – стремление защитить интересы общества и государства, интересы третьих лиц или даже свои интересы.

Мы не согласны с мнением о том, что «с точки зрения социально-политической не имеет значения, наступит ли вред в результате реализации угрожающей опасности или подобный вред явится результатом деяния субъекта, устраняющего эту опасность»³.

Экстремальность ситуации чаще всего затрудняет выбор действий. Субъект не всегда может осуществить расчет целесообразности тех или иных действий, выбрать из них оптимальный, соизмерить характер и опасность предотвращаемого вреда с характером и опасностью причиняемого вреда, на что указывают многие исследователи⁴.

При совершении преступления в результате превышения пределов крайней необходимости лицо, как правило, находится в состоянии сильного душевного волнения, вызванного грозящей опасностью, и не контролирует свои действия в такой степени, чтобы они полностью соответствовали интенсивности опасности. Поэтому оно чаще всего стремится причинить любой вред лишь бы спасти защищаемые им блага. Данное обстоятельство позволяет, на наш взгляд, рассматривать преступления, совершенные в результате превышения условий правомерности крайней необходимости, как менее опасные.

¹ Морозов В.И., Шарапов Р.Д. О понятии превышения пределов крайней необходимости // Человек: преступление и наказание: Вестник Рязанского института права и экономики МВД России. 1995. № 4. С. 28.

² Там же. С. 29.

³ Морозов В.И., Шарапов Р.Д. Указ. соч. С. 28; а также см., напр.: Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 309; Паше-Озерский Н.Н. Указ. соч. С. 130.

⁴ См., напр.: Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 324; Орешкина Т.Ю. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния. С. 15.

По справедливому замечанию Ю.В. Баулина, эксцесс крайней необходимости во всех случаях должен рассматриваться как привилегированное преступление¹.

К тому же возможность привлечения к уголовной ответственности за превышение пределов крайней необходимости при неосторожной форме вины значительно снизит эффективность и социально-правовое значение крайней необходимости, поскольку принятие экстренных мер будет затруднено и замедлено необходимостью тщательной оценки своих действий, затратой времени на расчеты и т.п. Наконец, это снизит и без того низкую активность граждан – тех, кто мог бы принять меры для предотвращения грозящей опасности, что в условиях роста техногенных катастроф и иных источников опасности совсем не безобидное опасение.

Любопытное суждение относительно формы вины при превышении пределов крайней необходимости встречаем в работе Ю.В. Баулина. Он указывал, что содержание вины при эксцессе крайней необходимости проявляется в сознании лицом того, что им вынужденно причиняется вред, равнозначный или более значительный по сравнению с вредом предотвращенным. Такой вред выступает для данного субъекта как необходимое средство устранения грозящей опасности. С точки зрения же действующего права это средство признается чрезмерным, недопустимым, запрещенным, т.е. общественно опасным. Таким образом, предвидение и желание наступления чрезмерного вреда как раз и свидетельствуют об осознании лицом общественно опасного характера совершаемого действия. Следовательно, речь может идти только о вине в виде прямого умысла. Косвенный же умысел при эксцессе крайней необходимости исключается, ибо субъект не может не желать причиняемого им вреда, поскольку он является ближайшей целью его действий².

Возражая данному мнению, заметим, что в этом случае следует вести речь не о нежелании причинить вред, а о нежелании причинить именно больший вред. Лицо сначала решает предотвратить опасность любой ценой, пусть даже с причинением более значительного вреда, лишь бы спасти защищаемые им блага. Больший вред лицо как раз не желает причинять, что объясняется самой природой крайней необходимости.

Превышение пределов крайней необходимости может быть совершено как умышленно, так и неосторожно. Законодатель счел необходимым установить уголовную ответственность только за умышленную форму вины, указав на нее как на необходимый признак превышения пределов крайней необходимости. Мы полагаем, необходимо установить дифференцированный подход к вопросу об ответственности в случаях прямого и косвенного умысла.

На наш взгляд, превышение пределов правомерности возможно только с косвенным умыслом, поскольку лицо, не желая причинения

¹ Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 327.

² Там же. С. 325-326.

большого или равного вреда, все-таки сознательно допускает предвиденное им последствие или относится безразлично к его наступлению.

В УК РФ не предусмотрены привилегированные составы преступлений в случае причинения смерти или вреда здоровью граждан при превышении пределов крайней необходимости, как это сделано в случаях превышения пределов необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление (ст.ст. 108, 114 УК РФ), поэтому квалификация действий виновного осуществляется на общих основаниях.

Нарушение условий правомерности крайней необходимости не устраняет уголовной ответственности за умышленное причинение вреда, но рассматривается как обстоятельство, смягчающее наказание, т.е. со ссылкой на п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ «Совершение преступления при нарушении условий правомерности крайней необходимости».

По образному выражению А.И. Бойко, «участь незадачливых защитников будет облегчена только на стадии назначения наказания»¹. Однако, по мнению А.В. Грибкова, все это ведет к применению закона по аналогии вследствие того, что мотивом действий виновного в такой обстановке будет стремление избежать более тяжелых последствий путем причинения менее значимого вреда, что не имеет ничего общего с мотивами совершения умышленных преступлений².

В связи с этим некоторые авторы³ справедливо высказывают мнение о необходимости включения в Особенную часть УК РФ норм, аналогичных ст.ст. 108 и 114 УК РФ, в которых бы предусматривалась ответственность за превышение пределов крайней необходимости.

Высказывались и более конкретные предложения о необходимости «сконструировать нормы, предусматривающие ответственность за превышение пределов крайней необходимости только в случаях лишения жизни человека, нанесения тяжких или менее тяжких телесных повреждений, причинения особо крупного имущественного ущерба либо существенного экологического вреда»⁴.

Как отмечал Ю.В. Баулин, такие предложения не учитывают, что эксцесс крайней необходимости может проявляться практически во всех сферах общественных отношений, выступающих объектами уголовно-правовой охраны. Попытка реализовать указанное предложение потребовала бы установления специальной ответственности применительно ко многим преступлениям, что вряд ли целесообразно. Предпочтительнее

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Бойко. Ростов н/Д: Феникс, 1996. С. 151.

² См.: Грибков А.В. Проблемы ответственности за превышение пределов крайней необходимости в системе уголовного законодательства // Современное Российское законодательство и его систематизация: материалы «круглого стола», Тула, 23-24 сент. 1998 г. М., Тула, 1999. С. 242-243.

³ См.: Козак В.Н. Указ. соч. С. 117; Грибков А.В. Указ. соч. С. 243-244.

⁴ Морозов В.И., Шарапов Р.Д. Указ. соч. С. 27-30.

полнее определить в Общей части УК РФ понятие и виды эксцесса крайней необходимости, предусмотрев особенности ответственности за него¹.

Согласимся с тем, что современная норма Общей части УК РФ (ст. 39 УК РФ) требует дополнений. В то же время мы не видим оснований для отказа от внесения в Особенную часть УК РФ норм, предусматривающих ответственность за эксцесс при крайней необходимости. Мы предлагаем, сохранив уголовно-правовую регламентацию относительно неосторожной формы вины, пересмотреть вопрос об ответственности при превышении пределов крайней необходимости в случаях умышленного причинения вреда.

Итак, лицо, не предвидевшее наступления большего вреда или легкомысленно рассчитывавшее на его предотвращение в условиях крайней необходимости, справедливо освобождается от уголовной ответственности.

В ч. 2 ст. 39 УК РФ сказано, что превышение пределов крайней необходимости влечет за собой ответственность только в случаях умышленного причинения вреда. При этом законодатель не ставит вопроса о дифференцированном подходе к ответственности в случае прямого и косвенного умысла при причинении вреда.

С нашей точки зрения, целесообразным будет признавать причинение большего или равного вреда при устранении грозящей опасности с косвенным умыслом превышением пределов крайней необходимости и квалифицировать по привилегированным нормам УК РФ. В связи с этим предложением потребуются внесение в Особенную часть уголовного законодательства норм, предусматривающих ответственность за причинение смерти и тяжкого вреда здоровью при превышении пределов крайней необходимости. Причинение же большего или равного вреда в подобной ситуации, когда лицо желает наступления именно такого вреда, следует расценивать как умышленное преступление, поскольку здесь нет цели причинения меньшего вреда для предотвращения большего, что составляет юридическую сущность крайней необходимости. Квалифицировать подобные случаи необходимо как общеуголовное деяние, при назначении наказания учитывая особенности ситуации в качестве смягчающего обстоятельства (п. «ж» ст. 61 УК РФ).

Умышленное причинение вреда нередко связано с причинением смерти человеку, и в таких случаях для исследования фактов превышения пределов крайней необходимости требуется глубокий анализ не только субъективных, но и объективных признаков содеянного.

Полагаем, что умышленное причинение смерти человеку, иногда даже нескольким лицам, в условиях крайней необходимости допустимо в следующих двух случаях.

Во-первых, когда опасность угрожала тяжкими последствиями, связанными с массовой гибелью людей. Во-вторых, когда гибель человека была неизбежна в любом случае. Например, жертвование жизнью одного

¹ Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 326.

человека, устраняет неизбежную опасность гибели целого экипажа подводного судна. В рассмотренных случаях причинение вреда не превышает установленных ст. 39 УК РФ объективных признаков правомерности. Иными словами, и в том и в другом случае причиняемый вред значительно меньше предотвращаемого.

Таким образом, при квалификации деяний, связанных с причинением смерти в состоянии крайней необходимости, невозможно избежать количественного критерия оценки. Другого способа в отечественном праве пока нет.

Совершение действий, связанных с причинением вреда охраняемым законом интересам, при воображаемой опасности в специальной литературе называется мнимой крайней необходимостью. Вопрос об уголовной ответственности или ее отсутствии должен решаться по общим правилам о влиянии фактической ошибки на форму вины. Если лицо под влиянием обстоятельств не осознавало и не могло осознавать ошибочность своих предположений о существовании опасности, то уголовная ответственность исключается¹. Большинство исследователей² считают, что вопрос об уголовной ответственности лица за вред, причиненный в результате ошибки, должен решаться по правилам неосторожного деяния.

Мы согласны с авторами, что отсутствие законодательной регламентации создает благоприятные условия для неправильной квалификации мнимой крайней необходимости. В обоснование этой позиции приводится пример из судебной практики, где студент-медик, увидев на обочине дороги прислонившуюся к дереву женщину, обследовал ее и обнаружил, что при пальпации живот женщины напряжен, она испытывает резкие болезненные ощущения. Подозревая наличие серьезной патологии, С. вскрыл стоявшую рядом автомашину и доставил на ней женщину в районную больницу. По результатам расследования одним из районных судов Ставропольского края рассматривалось дело по обвинению С. в неправомерном завладении без цели хищения (угоне) автомобиля. Обвинение исходило из того факта, что предварительный диагноз не подтвердился, а завладение С. автомобилем вышло за рамки допустимой крайней необходимости по причине того, что он «не мог и не имел права точно поставить диагноз». Вместе с тем суд указал, что в данной ситуации С. причинил вред в состоянии крайней необходимости³. Мы согласны с авторами примера, что суд в данном случае должен был констатировать наличие мнимой крайней необходимости.

¹ Орехов В.В. Указ. соч. С. 130.

² См., напр.: Арямов А.А., Якуньков М.А. Указ. соч. С. 105; Кадников Н.Г. Обстоятельства, исключющие преступность деяния: учеб. пособие. М.: Бизнес Ченел интернешнл Лтд, 1998. С. 25; Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции). С. 112.

³ Цит. по: Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции). С. 112.

По нашему мнению, вопрос о фактической ошибке при крайней необходимости должен регулироваться следующими правилами: 1) если лицо заблуждалось в существовании опасности, но должно было и могло это предвидеть, то должна наступать уголовная ответственность за неосторожное причинение вреда; 2) если по обстоятельствам дела лицо предполагало наличие опасности и при этом не должно было и не могло предвидеть своей ошибки, имеет место невиновное причинение вреда.

Соответствующие разъяснения о правилах квалификации деяния, совершенного при ошибочном восприятии ситуации, как обстоятельства, исключающего преступность деяния, мы считаем необходимым закрепить на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В тех случаях, когда лицо умышленно создает опасность для того, чтобы под видом предотвращения большего вреда причинить вред другому правоохраняемому интересу, крайняя необходимость отсутствует и лицо должно нести уголовную ответственность на общих основаниях. Иными словами, такие действия являются провокацией крайней необходимости.

Соответствующее нашему пониманию определение провокации крайней необходимости – это преднамеренное, искусственное создание опасности с целью умышленного причинения вреда правоохраняемым интересам под предлогом крайней необходимости. Подобная провокация предполагает уголовную ответственность за умышленное причинение вреда на общих основаниях¹.

Например, материально-ответственное лицо с целью сокрытия недостачи, образовавшейся в результате хищения им товаров на складе, имитирует пожар, а затем под предлогом его ликвидации заливает водой товарно-материальные ценности и документацию, приводя их в состояние полной непригодности. В результате становится невозможным установить объем ущерба, причиненного хищением².

В то же время указанные авторы не подчеркивают необходимость разграничения провокации крайней необходимости и умышленного преступного деяния лица, послужившего источником возникновения правомерной крайней необходимости.

В литературе, посвященной подобным проблемам, отмечается неоднозначное решение в теории и в судебной практике вопроса об уголовно-правовой оценке так называемых опасных ситуаций, формально попадающих под основание возникновения состояния крайней необходимости, но созданных самим лицом, впоследствии пытающимся не допустить причинение более значительного вреда путем причинения менее значительного вреда³. По мнению Е.А. Алешинной, в данном случае отсутствует крайняя необходимость, поэтому лицо должно нести ответственность на общих

¹ Лысак Н.В. Указ. соч. С. 22; Арямов А.А., Якуньков М.А. Указ соч. С. 91-92.

² Лысак Н.В. Указ. соч. С. 22.

³ Пархоменко С.В. Указ. соч. С. 253.

основаниях, поскольку такие действия являются провокацией крайней необходимости¹.

С.В. Пархоменко отмечает: «...требование о том, что источником возникновения такого состояния могут выступать только внешние силы, не предусмотрено даже в существующей редакции ст. 39 УК. Другой вопрос, что, во-первых, в данном случае не будет оснований для применения ч. 2 ст. 1067 ГК, а во-вторых, деяние лица, предшествующее возникновению состояния крайней необходимости, при наличии признака его уголовной противоправности должно оцениваться самостоятельно»².

По мнению В.Ф. Антонова, ранее высказанные в теории уголовного права рекомендации ученых не охватывают комплекса ситуаций, встречающихся в практической деятельности. Он предлагает вопросы юридической оценки вреда, причиняемого при ликвидации созданной тем же лицом опасности, решать с учетом выработанных им положений³.

Суть этих положений такова, что, если лицо умышленно или по неосторожности поставило в опасность себя и никого более, а затем, спасая себя, причинило вред правоохраняемым объектам, оно должно нести уголовную ответственность на общих основаниях. Если же субъект поставил в опасное положение интересы других лиц, то юридическая оценка должна производиться с учетом законодательства о крайней необходимости.

Если последнее суждение не вызывает возражений, то с первым трудно согласиться в силу имеющихся в теории положений, согласно которым источником опасности могут быть любые деяния лица, в том числе противоправные (умышленные или неосторожные). К тому же это могут быть собственные действия лица. При этом не важно, чьи интересы поставлены в опасность, законодатель не ставит ограничений по кругу лиц, главные требования – чтобы это были правоохраняемые интересы и причиненный вред был меньше предотвращенного.

Мы считаем неправомерным привлечение лица к уголовной ответственности на том основании, что оно собственными действиями поставило себя в опасность и предотвратило больший вред, грозящий своим интересам, за счет причинения меньшего вреда чужим интересам.

В этом случае, полагаем, лицо должно нести ответственность за преступное деяние, послужившее источником опасности крайней необходимости. Подобная ситуация отличается от провокации крайней необходимости, где умысел лица изначально направлен на создание опасной ситуации с целью причинения вреда третьим, чаще всего конкретным, лицам.

Если при мнимой крайней необходимости лицо ошибается относительно реальности грозящей опасности, то при провокации субъектом изначально осознается факт недействительности крайней необходимости.

¹ Алешина Е.А. Некоторые проблемы применения уголовного законодательства, обеспечивающего право лиц на действия в состоянии крайней необходимости // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2. С. 317-323.

² Там же.

³ Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 98-99.

Фактически речь идет о психическом состоянии лица, действовавшего якобы в условиях крайней необходимости.

Таким образом, не признаются совершенными в состоянии крайней необходимости умышленные преднамеренные действия лица, направленные на создание условий возникновения крайней необходимости.

На основании изложенного предлагаем внести в УК РФ следующие изменения:

1. Дополнить ч. 2 ст. 108 и ч. 2 ст. 114 УК РФ после слов «лица, совершившего преступление» словами «или пределов крайней необходимости».

2. Дополнить ст. 39 УК РФ чч. 3 и 4 следующего содержания: «3. Не являются превышением пределов крайней необходимости действия лица по предотвращению грозящей опасности, если лицо вследствие экстремальности ситуации не могло объективно оценить характер и степень опасности и в связи с этим предпринять меры, достаточные для предотвращения вреда. 4. Право на крайнюю необходимость принадлежит лицу независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Для лица, на котором лежит специальный долг в силу занимаемой должности, это является профессиональной обязанностью, уклонение от которой влечет уголовную ответственность на общих основаниях».

ГЛАВА III. ОТГРАНИЧЕНИЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ ОТ ИНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

3.1. Отличие крайней необходимости от необходимой обороны

Кроме раскрытия социального содержания и юридического выражения деяний, причиняющих вред в состоянии крайней необходимости, для правоприменительной деятельности важно наличие четких признаков, характеризующих эти деяния и позволяющих разграничить случаи крайней необходимости и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния.

В данной части исследования стоит задача изучения признаков, позволяющих отличить деяние, совершенное в условиях крайней необходимости, от деяния, вызванного необходимостью обороняться.

Поиск отличий предполагает наличие сходных признаков, характерных для данных обстоятельств. К таковым следует относить то обстоятельство, что в том и в другом случае предполагается причинение вреда в качестве способа защиты собственных и иных правоохраняемых благ. Кроме того, сближает данные обстоятельства круг охраняемых интересов, и основания причинения вреда.

В.В. Орехов отмечает, что крайняя необходимость имеет много общего с необходимой обороной. Их сближает не только законодательная оценка обстоятельств, исключающих преступность деяния, но и их социальная полезность, основания правомерной деятельности. Одинаков и способ защиты – причинение какого-либо вреда. Совпадают, по существу, и характеристики соразмерности тех или других действий и признаков превышения¹.

Однако мы не согласны с утверждением В.В. Орехова о том, что крайнюю необходимость с необходимой обороной объединяет социальная полезность. Действительно, оборонительные действия при необходимой обороне социально полезны, поскольку здесь отстаиваются законные права и интересы, подвергшиеся противоправному посягательству. В результате действий при крайней необходимости, как известно, причиняется вред субъектам, чьи нарушаемые права и интересы охраняются уголовным правом, одинаково с теми, что ограждаются от вреда. Это принципиальная разница, не позволяющая крайнюю необходимость наравне с необходимой обороной признать социально полезным действием. По нашему мнению, действия при крайней необходимости правильно признавать социально допустимыми.

Существует мнение, что все обстоятельства, исключающие преступность деяния, сводятся к необходимой обороне и различным вариантам поведения в ситуации крайней необходимости². Говорится и о том, что не-

¹ Орехов В.В. Указ. соч. С. 137.

² Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 60-62.

обходимая оборона является «частным случаем», разновидностью крайней необходимости¹; крайняя необходимость является первоосновой всех обстоятельств, исключающих преступность деяния².

Свою позицию относительно данного вопроса мы раскрывали в части 1.1 настоящей работы при рассмотрении крайней необходимости как самостоятельного элемента системы обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Интересен подход к данному вопросу, сложившийся в русской уголовно-правовой мысли в середине XIX века. Например, русским юристом В.Д. Спасовичем необходимая оборона и крайняя необходимость рассматривались как две разновидности коллизии прав:

1) когда владелец известного права нападает на чужое право для спасения своего собственного, то имеет место случай крайней необходимости;

2) когда владелец права, защищая его от нападения постороннего, нарушает право нападающего – это необходимая оборона³.

Автор подчеркивает, что и в первом, и во втором случае человек защищает свои права. В обоих случаях он это делает за счет прав других лиц, но отличие состоит лишь в том, что если при крайней необходимости вред причиняется лицам, не причастным к созданию опасности, то при необходимой обороне страдают права инициатора посягательства.

В качестве объединяющего признака данных «ненаказуемых правонарушений» В.Д. Спасович отмечал наличие столкновения между правами – одно из них может быть сохранено только за счет другого. Данные обстоятельства близки по своей сущности, но они «призваны защищать разные аспекты общественного бытия»⁴.

На наш взгляд, данные положения не только не противоречат современному пониманию сущности данных норм, но и являются фундаментом их дальнейшего развития.

На сложность разграничения рассматриваемых обстоятельств указывал В.И. Ткаченко⁵. Он отмечал, что наличие между необходимой обороной и крайней необходимостью значительного числа сходных моментов ведет к тому, что отдельные авторы распространяют правила крайней необходимости на акты защиты. Они считают, что защита от следующих обстоятельств должна оцениваться по правилам крайней необходимости:

– от действий лица, превысившего пределы необходимой обороны от неосторожного преступления;

¹ Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 60-62.

² Михайлов В.И. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном законодательстве государств СНГ. С. 79.

³ Цит. по: В.Ф. Антонов. Указ. соч. С. 63.

⁴ Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 127.

⁵ Ткаченко В.И. Отграничение необходимой обороны от крайней необходимости // Советская юстиция. 1979. № 7. С. 14.

- от общественно опасного бездействия;
- от общественно опасных действий невменяемых и малолетних;
- при причинении вреда лицу, ошибочно принятому за посягающего.

В настоящее время указанные коллизии нашли теоретическое решение, но это не исключает затруднений, а порой и ошибок в правовой оценке деяний, совершенных в условиях крайней необходимости или необходимой обороны.

Так, например, А.М. Плешаков и Г.С. Шкабин приводят следующий пример. Слесарь А., взобравшись по лестнице на высоту четвертого этажа многоэтажного дома, проводил ремонт наружной водосточной трубы. Проживающий в этом же доме психически больной В. вышел на улицу и начал раскачивать лестницу, на которой стоял слесарь. Несмотря на крики А., В. упорно продолжал опасные действия. Тогда А., не имея возможности спуститься, опасаясь падения, кинул в душевнобольного плоскогубцами, которые нанесли последнему тяжелую травму. В., не приходя в сознание, скончался в больнице¹.

Мы не согласны с мнением авторов, которые считают, что оценка этого действия зависит от субъективного восприятия угрозы – знал ли слесарь о том, что В. – душевнобольной (крайняя необходимость), либо он этого не знал и принимал В. за психически здорового человека (необходимая оборона).

Если согласиться с данным мнением, то надо признать, что одно и то же деяние имеет неодинаковое социальное и правовое значение. Очевидно, обороняясь от посягательства, лицо расценивало свое положение как состояние необходимой обороны. Соответственно причинило вред лицу, от которого исходила опасность.

В отношении невменяемых лиц право на необходимую оборону должно осуществляться в полном объеме. Достаточным основанием для необходимой обороны является общественно опасное посягательство. Психическое здоровье нападающего не должно влиять на оценку ситуации.

Так, если бы слесарь выбил окно в расположенной рядом квартире, чтобы удержаться и не упасть, тогда причинение вреда следовало бы расценивать по правилам крайней необходимости и только в том случае, если бы вред был причинен имуществу третьих лиц. Причинение вреда имуществу нападающего, например, были бы выбиты принадлежащие душевнобольному окна, также следовало бы признать актом вынужденной обороны.

Необходимая оборона должна совершаться посредством причинения вреда только нападающему, его личности, его имуществу и другим интересам, а не третьим лицам. Данный признак является одним из отличительных моментов необходимой обороны и крайней необходимости. Нередко, воздействуя на блага нападающего неличностного характера, можно

¹ Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве. С. 128.

оказать большее корректирующее воздействие на его поведение, чем причиняя вред его здоровью¹.

В практике нередки случаи неправильной оценки обстоятельства, исключая преступность деяния. Так, например, судом Самарской области в 2012 г. был вынесен приговор, в котором оборонительные действия двух сестер были оценены неодинаково. Действия одной из них признаны совершенными в состоянии необходимой обороны, действия другой суд расценил как совершенные в условиях крайней необходимости. Рассмотрим обстоятельства данного дела.

21.08.2011 г. в 00 ч. 30 мин. Ю., будучи в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры, возникшей на почве личной неприязни к А., умышленно, с целью причинения вреда здоровью нанесла последней несколько ударов рукой по различным частям тела, схватив А. руками за волосы, ударила ее голову о колено своей ноги. Продолжая противоправные действия, Ю. схватила А. сзади за волосы, отчего А. упала и ударилась головой об асфальт. В это время Ю. нанесла четыре удара ногой по различным частям тела А., а когда последняя встала, Ю. нанесла ей еще один удар по лицу. В свою очередь А., пытаясь защищаться от нападений Ю., ответно наносила удары, которые судом были справедливо признаны совершенными в состоянии необходимой обороны. В этот вечер А. была в компании со своей сестрой Л., которая, увидев, что Ю. избивает ее сестру, попыталась оттащить Ю., за что получила удары в лицо и по ноге. Л. пояснила, что, заступаясь за сестру, просила Ю. успокоиться. Кроме того, действия нападающей пытались остановить присутствующие рядом друзья Ю. Ф. обратилась к подруге со словами: «Что ты делаешь, пойдем лучше выпьем». В ответ Ю. ударила и свою подругу².

В ходе судебного заседания были достоверно установлены факты, подтверждающие, что действия А. носили оборонительный характер и представляли собой защитные действия на исходящую от Ю. агрессию. Суд определил, что, хотя формально А. и совершила в отношении Ю. умышленное причинение легкого вреда здоровью, ее действия не содержат состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, поскольку А. защищалась от неправомерных действий Ю., т.е. причинила вред потерпевшей будучи в состоянии необходимой обороны. Однако действия Л., находившейся рядом с сестрой и попытавшейся за нее заступиться, суд ошибочно, на наш взгляд, расценил как совершенные в состоянии крайней необходимости, комментируя при этом, что причинение вреда произошло для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности иных лиц (своей сестры), эта опасность не могла быть устранена иными средствами и не было допущено превышения пределов крайней необходимости. Основным ар-

¹ Арямов А.А., Якуньков М.А. Указ. соч. С. 64-65.

² Судебные решения и приговоры по ст. 39 УК РФ [Электронный ресурс] // РосПравосудие. URL: https://rospravosudie.com/lawСтатья_39_УК_РФ (дата обращения: 12 мая 2014 г.).

гументом для признания наличия обстоятельства крайней необходимости суд назвал невозможность устранения имеющейся опасности иным способом.

Даже если предположить, что у Л. действительно отсутствовал другой способ устранения опасности, угрожающей ее сестре, данное обстоятельство не дает основание предполагать наличие крайней необходимости. Следует рассматривать всю совокупность признаков, характеризующих обстоятельство. В целом обстановка свидетельствовала о наличии необходимой обороны. Во-первых, источником опасности в данном случае явилось нападение, дающее основание для защиты как самого себя, так и другого лица. Во-вторых, вред был причинен источнику опасности, а не третьим лицам. Соответственно, целью обороняющейся было прекращение посягательства с нейтрализацией именно источника опасности, без воздействия на права или интересы третьих лиц, что в данных условиях вряд ли остановило бы посягающую.

Заметим, что при крайней необходимости, как правило, сам источник опасности устранить нет возможности, поэтому и возникает ситуация крайности, при которой лицо вынуждено пожертвовать одним благом во спасение другого. Если же сохранилась возможность избежать вреда, воздействуя на сам источник опасности, как в рассматриваемом нами случае, то следует полагать, что имеет место правомерная оборона.

Представим отличия анализируемых обстоятельств, исключаящих преступность деяния:

Таблица 2

Параметры установления отличия	Необходимая оборона	Крайняя необходимость
Основание возникновения	Посягательство на объекты уголовно-правовой охраны	Возникновение опасности, угрожающей объектам уголовно-правовой охраны
Источник опасности	Общественно опасное посягательство	Техногенные катастрофы, стихийные силы природы, поведение животных, действия человека и др.
Направленность действий, причиняющих вред	Отражение нападения путем причинения вреда посягающему лицу	Предотвращение опасности путем причинения вреда лицам, чьи нарушаемые права и интересы охраняются уголовным правом
Выбор средств, способа	Выбор по усмотрению обороняющегося лица	Единственный способ защиты

Соразмерность вреда	Может быть причинен вред больший, чем ожидался от посягательства	Причиненный вред должен быть меньше предотвращенного <i>Продолжение таблицы 2</i>
Ограничения по причинению вреда	Вред не должен явно не соответствовать характеру и опасности посягательства	Причиненный вред должен быть меньше предотвращенного
Снятие ограничений на превышение вреда	Насилие, опасное для жизни, неожиданность	Нет

Основанием крайней необходимости является необходимость устранения возникшей опасности, а основанием необходимой обороны является необходимость отражения общественно опасного посягательства. Так, гр. В. был оправдан Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан по ч. 4 ст. 111 УК РФ, в отношении которого потерпевший Б. дважды применял насилие, в том числе приехав к В. домой. Защищаясь, последний нанес множество ударов по различным частям тела, от которых Б. через несколько дней скончался. При этом в решении коллегии отмечено, что исследованные судом доказательства подтверждают причастность В. к причинению тяжкого вреда здоровью Б., однако не опровергают оборонительных характер его действий, т.к. наличествовала реальная угроза начала общественно опасного посягательства, исходя из предшествующего поведения посягающего лица¹.

Таким образом, состояние необходимой обороны всегда вызывается противоправным посягательством – активным действием. Состояние крайней необходимости может быть вызвано как действием, так и бездействием. Например, источником опасности может явиться несоблюдение правил противопожарной безопасности.

Н.Г. Вольдимарова подчеркивает, что посягательством, создающим право на необходимую оборону, является лишь действие, поскольку бездействие, состоящее в невыполнении правовой обязанности, само по себе не причиняет вреда, а лишь не предотвращает его или ему потворствует. По ее мнению, допустима ситуация, когда бездействиющему лицу причиняется вред для того, чтобы понудить его отвратить опасность. При этом она справедливо предлагает квалифицировать это по правилам такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как крайняя необходимость².

Таким образом, одно из отличий крайней необходимости от необходимой обороны состоит в том, что угрожать правоохраняемым интересам может не только общественно опасное посягательство, но и любые другие источники опасности, перечень которых был дан в части 2.1 настоящей работы.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовному делу № 22-2424/2014 от 22 апр. 2014 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-tatarstan-respublika-tatarstan-s/act-450575853/> (дата обращения: 19 янв. 2015 г.).

² Вольдимарова Н.Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 39-40.

В продолжение нашей мысли о том, что крайняя необходимость есть активная форма поведения, добавим, что если при необходимой обороне лицо вынуждено активно противодействовать общественно опасному нападению, то при крайней необходимости имеет место смешанное бездействие, поскольку лицо, осуществив выбор поведения, действует в пользу одного блага, при этом вынужденно бездействует относительно другого. В связи с этим позицию В.И. Ткаченко мы считаем недостаточно убедительной. Тем более, в приведенном им ранее примере показано, что врач не оказал помощь одному больному, т.к. оказывал в это время помощь другим больным.

Отличие крайней необходимости состоит также в целевой направленности действий. При необходимой обороне осуществляется цель защиты определенного интереса от преступного посягательства, а также обезвреживание преступника, вплоть до его физического уничтожения в определенных случаях. При крайней необходимости цель – устранить опасность, предотвратить наступление общественно опасного вреда.

Кроме того, если в состоянии необходимой обороны вред причиняется только нападающему, то при крайней необходимости вред причиняется лицам, чьи нарушаемые права и интересы охраняются уголовным правом (субъективному праву соответствует конкретная обязанность, законный интерес этой обязанностью не обеспечен). Отсюда логически и вытекает требование о меньшем размере наносимого вреда.

Важное различие между крайней необходимостью и необходимой обороной заключается в том, что если в первом случае причинение вреда – единственный способ устранения опасности, то при необходимой обороне оно должно быть целесообразным. Устраняя опасность в состоянии необходимой обороны, лицо может избрать любой путь, независимо от того, имелась ли иная возможность спастись от нападения.

Изучение судебной практики показывает, что субъекты квалификации, установив фактическое наличие опасности для лица, часто делают неправильный вывод о возможности ее избежания без причинения какого-либо вреда. Так, районным судом г. Москвы К. была осуждена по ч. 1 ст. 108 УК РФ за то, что совершила убийство при превышении пределов необходимой обороны. Как указано в приговоре, К., находясь в квартире, принадлежащей С., будучи в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры из-за личной неприязни вырвала из рук С. кухонный нож и, обороняясь, нанесла ему удар в грудь, отчего он скончался на месте. Президиум Московского городского суда, рассматривая дело в порядке надзора, приговор отменил, дело производство прекратил за отсутствием в деянии К. состава преступления, указав на ошибочность вывода суда о том, что К. совершила убийство при превышении пределов необходимой обороны, поскольку, имея возможность покинуть место происшествия бегством, она не сделала этого и нанесла потерпевшему удар ножом. Действия К. соответствовали характеру и степени общественной опасности посягательства¹.

¹ Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2002. № 6. С. 17.

Ошибка районного суда состояла в том, что он не учел следующего: в соответствии с ч. 2 ст. 37 УК РФ право на необходимую оборону принадлежит лицу независимо от наличия возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам.

Подобная ситуация рассматривалась районным судом г. Тюмени. В ходе ссоры, возникшей между супругами на почве личной неприязни, Т. вырвала из рук мужа нож, принесенный им из кухни, и нанесла удар в брюшную полость мужа. Вскоре потерпевший Н. скончался. В отношении Т. было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 105 УК РФ. В зале судебного заседания государственный обвинитель отказался от обвинения Т. по ч. 1 ст. 105 УК и квалифицировал ее действия по ч. 1 ст. 108 УК как убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. В результате судебного разбирательства вынесен приговор по ч. 1 ст. 114 УК РФ – причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны. В своем решении суд указал, что подсудимая Т., находясь в состоянии обороны от посягательств со стороны ее мужа Т., действовала умышленно в отношении причинения тяжкого вреда здоровью и неосторожно в отношении наступления смерти. Из приговора: «В ходе ссоры Т., защищаясь от Н., без необходимости, ударив ножом в живот, умышленно причинила тяжкий вред здоровью, опасный для жизни, повлекший по неосторожности смерть Н. в больнице»¹.

По нашему мнению, суд ошибочно определил уголовную противоправность в деянии Т., т.к. имелись все основания для прекращения дела на основании ст. 37 УК РФ.

Сравнительный анализ двух обстоятельств позволяет выделить отличия, касающиеся установленных уголовным законом ограничений при причинении вреда. Если при необходимой обороне вред не должен явно не соответствовать характеру и опасности посягательства, то при крайней необходимости вред причиненный должен быть меньше вреда предотвращенного. Ограничения снимаются, если насилие при необходимой обороне носило опасный для жизни характер либо вследствие неожиданности нападения не могло быть объективно оценено. При крайней необходимости установленные ограничения не снимаются ни при каких условиях. Иными словами, два данных обстоятельства отличает объем допустимого вреда. Если необходимая оборона допускает причинение любого вреда, даже большего, чем угрожающий, то касательно крайней необходимости причинение вреда даже равного предотвращенному признается превышением пределов правомерности.

Одинаковой для данных обстоятельств является форма вины. Только умышленное причинение вреда больше допустимого предела признается превышением пределов необходимой обороны или крайней необходимости, что, соответственно, влечет уголовно-правовую ответственность.

Однако необходимая оборона допускается и тогда, когда обороняющийся имел возможность защитить правоохраняемые интересы, не прибе-

¹ Архив Ленинского районного суда г. Тюмени за 2004 г. Уголовное дело № 200400114/01.

гая к причинению вреда посягающему. Состояние крайней необходимости исключается, если устранение опасности было возможно без причинения вреда правоохраняемым интересам.

Наконец, вред, причиненный в результате необходимой обороны, не влечет правовой обязанности возмещения, а при крайней необходимости вред должен быть возмещен.

Рассмотрим отличия анализируемых норм по законодательному описанию:

Таблица 3

Статья 37 Необходимая оборона		Статья 39 Крайняя необходимость	
ч. 1	Содержится понятие необходимой обороны	ч.1.	Содержится определение крайней необходимости
ч. 2	Дается понятие превышения пределов необходимой обороны	ч. 2.	Дается понятие превышения пределов крайней необходимости
ч. 2.1	Уточняются правила правомерности необходимой обороны, совершенной под влиянием неожиданности посягательства		
ч. 3	Закрепляется право на необходимую оборону в равной мере за всеми лицами независимо от обладания специальным признаком. Подчеркивается право на необходимую оборону независимо от возможности избежать посягательства.		

Данная сравнительная таблица иллюстрирует отличие двух уголовно-правовых норм. Содержание ст. 37 УК РФ, помимо определения необходимой обороны и превышения пределов правомерности, включает еще два положения.

Первое положение законодатель зафиксировал в ч. 2.1 ст. 37 УК РФ, подчеркнув, что превышения пределов необходимой обороны у обороняющегося не будет, если лицо «вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения».

Законодатель не указал, в силу каких причин, каких обстоятельств лицо не могло объективно оценить степень и характер опасности посягательства. Комментируя данную дефиницию, В.А. Якушин пишет, что, по сути, ч. 2.1 ст. 37 УК РФ регулирует ситуацию мнимой обороны. «Если обороняющийся заблуждался относительно личности посягающего, начала и окончания посягательства, т.е. действовал в состоянии мнимой обороны, то

на мнимую оборону нужно в полной мере распространять право на необходимую оборону, которая существует как и для реального посягательства»¹.

На наш взгляд, данное положение не доработано, т.к. в нем законодатель объединил как фактическую ошибку, так и иные случаи невиновного причинения вреда, в частности рефлексорное поведение человека. По нашему мнению, эти положения должны формулироваться самостоятельно.

Так, В.В. Меркурьев предлагает дополнить ст. 37 УК РФ следующим положением: «Превышение лицом пределов необходимой обороны вследствие замешательства, страха, испуга или под влиянием аффекта исключает уголовную ответственность»², исключив имеющуюся ч. 2.1 ст. 37 УК РФ.

Можно было бы согласиться с предложенной автором редакцией, однако, на наш взгляд, она не учитывает ситуации, связанные с фактической ошибкой. Поэтому вместо расширения пределов действия нормы мы столкнемся с ее ограничением. Правильней, по нашему мнению, было бы дополнить ст. 37 правилом, регулирующим фактическую ошибку при мнимой обороне³.

Аналогичное правило справедливо было бы закрепить и относительно крайней необходимости, как это уже было предложено. Поскольку состояние крайней необходимости также совершается в экстремальных условиях, оно способно вызывать как состояние сильного душевного волнения, затрудняющего осмысление своего поведения и выбор оптимальных средств и способов предотвращения опасности, так и ошибочное восприятие субъектом данной ситуации. К тому же требования к условиям правомерности крайней необходимости более жесткие, чем к условиям необходимой обороны.

Второе положение закреплено в ч. 3 ст. 37 УК РФ, согласно которому, во-первых, положения ст. 37 УК РФ в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, во-вторых, это право принадлежит лицу независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

При крайней необходимости лица, обладающие профессиональными и служебными полномочиями, обязаны предпринимать меры по предотвращению опасности. Также действия лица должны быть мерой крайней, когда невозможно избежать опасности иным путем. Соответственно, определенная категория лиц в ситуации необходимой обороны обладает правом, а в ситуации крайней необходимости – обязанностью.

Обратимся к правоприменительной практике анализируемых норм.

В ходе интервьюирования сотрудников органов дознания и предварительного расследования выявлено, что в отношении лиц, действующих

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 85.

² Меркурьев В.В. Указ. соч. С. 181.

³ За основу можно взять п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сент. 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

при обстоятельствах необходимой обороны, крайней необходимости или при задержании лица, совершившего преступление, возбуждается уголовное дело по статье Особенной части УК РФ в зависимости от характера и степени причиненного в результате такого деяния вреда. Обычно это ст.ст. 105, 111, 112, 116, 119 УК РФ и др.

Следователи опасаются брать на себя ответственность за прекращение дел по реабилитирующим основаниям, предусмотренным нормами гл. 8 УК РФ. Опасения, по словам следователей, связаны с имевшими место фактами уголовного преследования со стороны органов прокуратуры по ст. 316 УК РФ – укрывательство преступлений.

Рассмотрим любопытный пример необходимой обороны, установленный на стадии предварительного расследования и правильно квалифицированный по ст. 37 УК РФ.

Так, в марте 1997 г. в одном из РОВД г. Тюмени было возбуждено уголовное дело по факту нанесения И. телесных повреждений Р., Т. и С. В ходе предварительного расследования было установлено, что при возвращении И. с работы домой его остановили Р., Т. и С. и попросили закурить. Получив отказ, Р., Т. и С. начали избивать И. В свою очередь И. схватил металлическую трубу диаметром 3 см и начал наносить удары по различным частям тела Р., Т. и С., причинив последним вред здоровью¹.

В ходе предварительного расследования, пересмотрев материалы уголовного дела и учитывая показания новых свидетелей, следователь признал деяния И. совершенными в условиях необходимой обороны. В результате в отношении И. уголовное дело было прекращено на основании ст. 37 УК РФ. В отношении Р., Т. и С. было возбуждено уголовное дело по ст. 115 УК РФ – умышленное причинение легкого вреда здоровью.

Рассмотренный случай уникален еще и тем, что в отношении лиц, спровоцировавших состояние необходимой обороны, возбуждено уголовное дело. Как правило, в подобных случаях акцентируется внимание на лице, отразившем нападение, и не дается оценка поведению лиц, вызвавших состояние необходимой обороны.

Наличие данных фактов дает основание полагать, что наряду с указанной следователями причиной имеет место нежелание и неготовность отдельных правоприменителей брать на себя ответственность в решении вопроса о применении ст. 37 УК РФ. Это подтверждается существующим мнением некоторых представителей органов следствия, что применение норм гл. 8 УК РФ является прерогативой суда.

Здесь уместно обратиться к результатам изучения уголовных дел в районных судах г. Тюмени. Так, например, 16 уголовных дел, рассмотренных Ленинским районным судом г. Тюмени за период с 2000 по 2006 гг., по обвинению лиц в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 105 и 111 УК РФ были переклассифицированы на ст.ст. 108 и 114 УК

¹ Хаметдинова Г.Ф. Указ. соч. С. 150-151.

РФ. Аналогичное положение отмечается в остальных районных судах г. Тюмени (см. Приложение 3).

По результатам анкетного опроса 28 % судей подтвердили имеющуюся в следственной практике тенденцию предъявления обвинения «с запасом» (см. Приложение 1). В то же время анализ приговоров суда показал устоявшуюся позицию судей в принятии решений относительно лиц, действующих в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния: переквалифицировав деяние с общеуголовной нормы на привилегированный состав, предусмотренный ст.ст. 108, 114 УК РФ, суд не прекращает дело по реабилитирующим основаниям гл. 8 УК РФ.

Типичной ошибкой, отмечает О.Ф. Аитова, допускаемой работниками следствия и суда первой инстанции, является то, что во внимание принимаются только фактические действия обороняющегося лица, которые подводятся под состав определенного преступления, а его заявления о том, что оно оборонялось, воспринимается как стремление избежать уголовной ответственности¹. Свидетельством того, что органы правоприменительной практики склонны сохранять обвинительный уклон, свидетельствует несокращающееся количество преступлений против личности, от которых возможны оборонительные действия, при том что количество дел, прекращенных по основаниям, предусмотренным гл. 8 УК РФ, не увеличивается.

Данная проблема поднималась в исследовании Т.Ш. Атабаевой. Автор пишет: «По факту необходимой обороны нередко сначала возбуждается уголовное дело, и даже если впоследствии оно прекращается, оборонявшийся вынужден выступать в роли подозреваемого или доказывать свою невиновность. Нападавший же, напротив, оказывается в роли потерпевшего, в связи с чем его общественно опасное посягательство далеко не всегда получает соответствующую уголовно-правовую оценку»².

Как показало изучение материалов архивных уголовных дел, возбужденных в период с 1997 по 2013 гг., практика применения ст. 39 УК РФ вообще отсутствует.

Не применяются и положения, предусмотренные п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ – совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости и т.д. В ходе интервьюирования судей районных судов г. Тюмени нами установлено, что при наличии в деянии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «ж» ст. 61, применяются нормы Особенной части – ст.ст. 108, 114 УК РФ. Однако данные нормы не регулируют ситуацию крайней необходимости. Соответственно, суды даже при наличии ситуации крайней необходимости не учитывают при назначении наказания смягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

¹ Аитова О.Ф. Фактор времени в законодательной формуле необходимой обороны // Библиотека криминалиста. 2015. № 2. С. 38.

² Атабаева Т.Ш. Необходимая оборона: теория, законодательство, практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 8.

Выход из данной ситуации нам видится, как было уже предложено, в законодательном закреплении норм, предусматривающих ответственность за превышение пределов крайней необходимости в привилегированных составах Особенной части УК РФ.

Таким образом, наряду с определенными сходствами между крайней необходимостью и необходимой обороной имеются существенные отличия, позволяющие каждое из обстоятельств признать самостоятельной нормой уголовного права. Что касается правоприменительной практики, считаем справедливым закрепление обвинительного уклона в правовой оценке действий, совершенных в состоянии крайней необходимости, т.к. эти действия по своей сущности социально допустимы, а не социально полезны.

3.2. Отличие крайней необходимости от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния

Как уже отмечалось в настоящей работе, первыми двумя обстоятельствами, исключающими преступность деяния, в истории отечественного законодательства были необходимая оборона и крайняя необходимость. Иные обстоятельства, при которых могла быть исключена преступность деяния, долгое время рассматривались в качестве частных случаев необходимой обороны и крайней необходимости.

В настоящее время к различным вариантам поведения в ситуации крайней необходимости можно отнести все остальные обстоятельства, исключающие преступность деяния: задержание лица, совершившего преступление, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения.

Уголовное законодательство РФ, закрепляя дозволенную возможность причинения вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании в случае невозможности сделать это иными средствами, исключило преступность такого причинения вреда, что имеет большое практическое значение.

В теории уголовного права вопрос о самостоятельности правовой нормы о задержании лица, совершившего преступление, длительное время оставался спорным. Среди ученых существовала точка зрения, что задержание должно совершаться в условиях крайней необходимости¹. Так, И.И. Слуцкий считал, что причинение вреда преступнику при его задержании можно признать обстоятельством, исключающим ответственность при наличии условий, относящихся к крайней необходимости².

По замечанию Л.Н. Смирновой, полное совмещение этих обстоятельств является ошибочным, поскольку при крайней необходимости вред причиняется как объективно возникшая необходимость причинения вреда, то-

¹ См., напр.: Дурманов Н.Д. Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния. М., 1961. С. 25; Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. С. 237.

² Слуцкий И. И. Указ. соч. С. 60.

гда как при задержании возникает необходимость, вытекающая из субъективного стремления задерживающего выполнить моральную или служебную обязанность¹.

В.Н. Козак отмечал, что как при крайней необходимости причинение вреда с целью спасения подвергнувшихся опасности благ допускается в случае невозможности избежать опасности другим путем, так и при задержании преступника причинение вреда последнему допускается при невозможности задержать его иным способом².

Из анализа ст. 38 УК РФ видно, что по признакам правомерности задержание имеет сходство как с необходимой обороной, так и с крайней необходимостью. Иными словами, вред причиняется в связи с преступлением (общественно опасным деянием) и именно лицу, его совершившему, как при необходимой обороне, но при этом причинение вреда обусловлено невозможностью задержать лицо без причинения ему вреда, как при крайней необходимости. Существуют и иные отличия.

Как известно, основанием причинения вреда при крайней необходимости могут служить «действия других лиц, стихийные бедствия, не зависящие от воли людей, нападение животных, не управляемых в это время людьми»³ и многое другое. Основанием для действий по задержанию с причинением вреда является, с одной стороны, наличие факта совершения преступления, и, с другой стороны, намерение лица, его совершившего, уйти от ответственности – иначе причинение вреда теряет всякий смысл.

Например, 2 февраля 2004 г. на кольце ул. 50 лет Октября и ул. Мельникайте г. Тюмени автомобиль ВАЗ-21074 допустил наезд на стоящего на тротуаре Г. Водитель Е., управляющий автомобилем ВАЗ-21074, с места происшествия скрылся. Неоднократные требования сотрудников ДПС остановиться водителем игнорировались. Продолжала создаваться опасная для жизни и здоровья граждан ситуация. Ст. инспектор ДПС ГИБДД лейтенант В. использовал табельное оружие ПМ для остановки транспортного средства путем его повреждения. В результате произведенных семи выстрелов было повреждено левое заднее колесо принадлежащего правонарушителю автомобиля⁴.

Моментом возникновения права на причинение вреда при крайней необходимости является появление наличной и реальной опасности, грозящей причинением вреда, а при задержании преступника – деяние лица, содержащее признаки преступления, в результате которого уже причинен общественно опасный вред.

Совершение лицом преступления, о чем Ю.В. Баулин пишет как о правовом основании задержания⁵, а В.Н. Иванов как об основании причине-

¹ Смирнова Л.Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 114.

² Козак В.Н. Указ. соч. С. 102.

³ Смирнова Л.Н. Указ. соч. С. 115.

⁴ Хаметдинова Г.Ф. Указ. соч. С. 155.

⁵ Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 116.

ния вреда при задержании преступника¹, является необходимым условием, при котором допускается причинение вреда, соотносимого с характером и степенью общественной опасности совершенного лицом преступления.

На наш взгляд, в качестве единственного основания причинения вреда задерживаемому лицу является невозможность иными средствами задержать лицо, совершившее преступление, что обусловливается высокой общественной опасностью совершенного деяния и особенностями обстановки задержания.

При задержании лиц на основании ст. 38 УК РФ причинение вреда задерживаемому является крайней мерой, подобно правилам применения средств устранения опасности при крайней необходимости, что опять же указывает на его связь (конкретизацию) с нормой о крайней необходимости. Цель задержания прямо указана в законе и состоит в передаче лица, совершившего преступление, органу власти и пресечении возможности совершения им новых преступлений. При крайней необходимости цель заключается в предотвращении возникшей опасности.

В отличие от крайней необходимости задержание, с точки зрения уголовного закона, осуществляется только в отношении лица, совершившего преступление. При крайней необходимости вред, как правило, причиняется лицам не виновным в возникновении угрозы.

Согласимся с высказыванием В.Л. Зуева, касающегося соотношения вреда. «Весьма специфично закон определяет пределы вреда, причиняемого при задержании. Они как бы синтезированы из институтов необходимой обороны и крайней необходимости. С одной стороны, допустимый причиняемый вред определяется характером и степенью общественной опасности содеянного без требования меньшего вреда. Как и при необходимой обороне, это предполагает даже определенное превосходство наносимого вреда над тем, который причинен задерживаемым. С другой – размер вреда поставлен в зависимость от обстоятельств задержания и определяется соображениями целесообразности, с тем, чтобы явно чрезмерные меры не принимались без очевидной необходимости, но были вызваны обстановкой»².

Иначе говоря, если при крайней необходимости вред обязательно должен быть меньше предотвращаемого, то при задержании допускается вред равный или даже больший, чем вред, причиненный преступлением, однако при этом вред должен быть вынужденным.

Несмотря на названные отличия в условиях правомерности, к задержанию применимы сходные с необходимой обороной и крайней необходимостью правила, хотя и они имеют определенную специфику.

Так, признак наличности состоит в том, что лицо уже совершило преступление, но еще не передано органам власти и не пресечена возмож-

¹ Иванов В.Д. Задержание при совершении преступления // Законность. 1992. № 3. С. 26.

² Зуев В.Л. Необходимая оборона, крайняя необходимость и иные обстоятельства, включающие преступность деяния. Вопросы квалификации и судебно-следственной практики. С. 38.

ность совершения им новых преступлений. Отсюда своевременным можно признать задержание лица, подлежащего уголовной ответственности и уклоняющегося от правосудия. Если преступление еще только замышляется, но реальных мер, направленных на достижение преступного результата не принято, то задержание следует считать преждевременным¹.

В данном случае пресечение преступного деяния, бесспорно, подчиняется правилам необходимой обороны. В случаях, когда основания для задержания отпали (например, лицо задержано, явилось с повинной или обнаружило готовность добровольно сдаться властям), причинение вреда должно расцениваться как запоздалое задержание. При определении правовых последствий преждевременного или запоздалого задержания могут быть приняты во внимание правила крайней необходимости.

Спектр охраняемых интересов при необходимой обороне и крайней необходимости не ограничен. При задержании преступника – общественно-государственные интересы по охране правопорядка и привлечению к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления².

Обратимся к вопросу практического применения сотрудниками органов внутренних дел правил задержания лица, совершившего преступление.

Так, 13 февраля 2002 г. в г. Тюмени, в ходе проведения оперативно-следственного мероприятия по пресечению незаконного сбыта наркотических средств было запланировано проведение обыска. Было задействовано 5 сотрудников УБНОН. По прибытии на место ст. оперуполномоченный С., предъявив служебное удостоверение, потребовал открыть дверь для проведения обыска. Жильцы ответили отказом и нецензурной бранью. При попытке сотрудников открыть дверь снаружи, житель Ш. произвел выстрел из охотничьего ружья через окно в сторону сотрудников. После этого ст. оперуполномоченный С. произвел 1 выстрел из табельного оружия ПМ, потребовав сдать оружие. В ответ Ш. произвел второй выстрел. Сотрудники УБНОН отошли на 10-15 м, запросили по радиосвязи помощь ОМОН. В этот момент стали раздаваться выстрелы в сторону сотрудников. С улицы на сотрудников шли 4 вооруженных человека. Сотрудники УБНОН стали отходить и произвели 2 выстрела из ПМ в сторону стрелявших. ОМОН осуществил задержание, пострадавших не было. В ходе служебной проверки установлено, что при покушении на жизнь сотрудников было произведено 12 выстрелов³.

Данный случай демонстрирует перерастание обстановки задержания в состояние необходимой обороны. В целом такие обстоятельства следует расценивать по правилам задержания (ст. 38 УК РФ). Во-первых, об этом свидетельствует сама обстановка, в которой разворачивалось событие, во-вторых, изначально цель проводимого мероприятия заключалась в задержании преступников, а не только в отражении посягательства.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. С. 100.

² Арямов А.А., Якуньков М.А. Указ. соч. С. 142.

³ Хаметдинова Г.Ф. Указ. соч. С. 157-158.

В результате изучения оперативной информации по справкам о чрезвычайных происшествиях среди личного состава органов и подразделений внутренних дел Тюменской области установлено, что в 32,7 % случаев задержания лиц, совершивших преступление, вред причиняется здоровью или жизни сотрудников ОВД, т.е. в данных случаях речь должна идти не о задержании лица, совершившего преступление, а о необходимой обороне, поскольку задерживаемое лицо не просто уклоняется от задержания, а осуществляет общественно опасное посягательство на сотрудников ОВД.

По статистическим данным судов г. Тюмени с 2000 по 2011 гг. рассмотрено всего 1 уголовное дело по ч. 2 ст. 108 УК РФ – убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Это единственное дело явилось результатом перекалфикации со ст. 105 УК РФ, что составляет 2,3 % от числа уголовных дел, перекалфицированных на привилегированные составы причинения вреда при превышении пределов необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление (ст.ст. 108, 114 УК РФ) (см. Приложение 3).

Можно сделать вывод, что судебные и следственные органы осуществляли квалификацию таких деяний «с запасом», аналогично необходимой обороне, о чем отмечалось нами в части 3.1 данной работы. В последние годы ситуация значительно изменилась. Так, в 2009 г. в Тюменской области деяний, квалифицированных по ст. 108, было зарегистрировано 4, в 2010 г. – 9, в 2011 г. – 4, в 2013 г. – 9, в 2013 г. – 7. По ст. 114 – 4,5, 8, 19, 19 деяний соответственно. Из этих данных можно сделать вывод, что сейчас правоприменитель с меньшей опаской относится к оценке деяний, совершенных при обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Наиболее близкой к крайней необходимости по своим основаниям и условиям является норма о физическом или психическом принуждении.

Особая законодательная конструкция ст. 40 УК РФ и существующее в науке мнение о том, что указанные в ч. 2 ст. 40 УК РФ физическое и психическое принуждение есть не что иное, как источник опасности при крайней необходимости, потребовали более внимательного рассмотрения вопроса.

Итак, крайняя необходимость и деяние, совершенное в результате физического принуждения (ч. 1 ст. 40 УК), одинаково совершаются под воздействием непреодолимой внешней силы. При крайней необходимости – это наличие реальной опасности любого происхождения, при физическом принуждении – обязательно воздействие со стороны человека. Отсюда просматривается отличие данных обстоятельств по источнику возникновения причинения вреда.

Источник опасности при физическом или психическом принуждении создается поведением лица, действующего под принуждением и выполняющего волю преступника. При правомерной крайней необходимости осознанно источник опасности для причинения вреда не создается.

Существенным отличием данных обстоятельств, исключающих преступность деяния, является волевой признак. Если при крайней необходи-

мости лицо обладает свободой выбора – он волен решать, предотвращать ему опасность или нет (специальный субъект крайней необходимости добровольно выполняет свою обязанность), то под воздействием физического принуждения такая свобода не сохраняется в силу отсутствия возможности руководить своими действиями или бездействием. Воля лица, подвергнутого физическому принуждению, полностью подавлена.

При крайней необходимости лицо, являясь самостоятельным субъектом, выполняет зависящую от его воли деятельность. При физическом принуждении лицо используется как средство, орудие причинения вреда для достижения преступного умысла.

Если при крайней необходимости причиненный вред оправдывается сохранением большего блага, то вред, причиненный вследствие физического принуждения, ничем не компенсируется.

Отсутствие вины в действии (бездействии) субъекта, находящегося под воздействием физического принуждения, позволяет исключить преступный характер деяния.

При крайней необходимости лицо действует с целью сохранения блага по самым различным позитивным мотивам. Действия лица, подвергнутого физическому принуждению, не имеют цели и мотива, т.к. совершаются помимо или вопреки его воле.

Таким образом, в ч. 1 ст. 40 УК РФ регламентируется ситуация, характеризующаяся физическим принуждением, которая, как и непреодолимая сила, исключает волевое поведение лица – обязательный признак состава преступления.

В условиях, описанных в ч. 2 ст. 40 УК РФ, где лицо, испытывая физическое или психическое принуждение, сохранило возможность руководить своими действиями, ситуация решается с учетом ст. 39 УК РФ. Иногда бывает довольно сложно определить, свидетельствуют ли конкретные обстоятельства о крайней необходимости или психическом принуждении.

Примером может служить следующее дело. М. на протяжении длительного времени подвергался угрозам и вымогательству со стороны руководителя преступной группы. Когда М. отказался выполнить требования вымогателей, на него и членов его семьи было совершено несколько покушений с применением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. М. неоднократно обращался в правоохранительные органы, но никаких мер по его защите и обеспечению безопасности его семьи принято не было. Тогда М. для обороны приобрел пистолет. Этим пистолетом он затем воспользовался во время очередного посягательства со стороны вымогателей. Президиум Верховного Суда РФ признал вред, причиненный М. посягавшему, правомерным¹.

Однако возникает вопрос: какую правовую оценку следует дать действиям М. по приобретению огнестрельного оружия? Принуждение по отношению к М. носило длительный характер, оно было наличным и действительным, опасность не могла быть устранена средствами, не связанными с

¹ Бюллетень Верховного суда Рос. Федерации. 1997. № 4. С. 12.

причинением вреда (обращение в правоохранительные органы не дало результатов). Для устранения опасности М. пришлось приобрести огнестрельное оружие, т.е. причинить вред охраняемым уголовным законом интересам.

Отличие психического принуждения от крайней необходимости, как правильно заметила Т.Ю. Орешкина, заключается в том, что при принуждении человека заставляют совершить какое-либо действие (бездействие) в интересах лица, которое осуществляет психическое или физическое воздействие на этого человека¹. Таким образом, в приведенном случае имеет место правомерная крайняя необходимость, вызванная психическим принуждением, т.к. М., приобретая оружие, действовал не в интересах преступников, а обеспечивал свою безопасность.

Как считает С.Ф. Милюков, в ч. 2 ст. 40 УК РФ речь идет о частных случаях крайней необходимости². Т.Ю. Орешкина также полагает, что нет оснований для выделения указанного принуждения в отдельную норму, которая не формулирует никаких специфических характеристик рассматриваемого обстоятельства, а лишь называет его в качестве источника опасности³.

Аналогично оценивают эту норму и В.Н. Винокуров⁴, называя ее декларативной нормой, С.С. Босхолов⁵ отнес ее к «излишества» нового уголовного закона. С.Ф. Милюков высказал предложение о необходимости реконструкции гл. 8 Общей части УК РФ путем переноса нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 40, в гл.5 УК РФ («Вина»), а нормы, предусмотренной в ч. 2 этой же статьи, – в ст. 39 УК РФ («Крайняя необходимость»)⁶.

Б.В. Волженкин, Э.Ф. Побегайло⁷ придерживаются точки зрения, что законодатель «...без достаточных на то оснований определил физическое и психическое принуждение как самостоятельное обстоятельство, исключающее преступность деяния»⁸. Совершение общественно опасных действий (бездействий) под влиянием физического и психического принуждения

¹ Орешкина Т.Ю. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2000. № 3. С. 37.

² Милюков С.Ф. Указ. соч. С. 140.

³ Орешкина Т.Ю. Физическое или психическое принуждение в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф., М., 30-31 мая 2002 г. / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2003. С. 255.

⁴ Винокуров В.Н. Указ. соч. С. 74.

⁵ Босхолов С.С. Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 23.

⁶ Милюков С.Ф. Указ. соч. С. 141.

⁷ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. С. 102; Побегайло Э.Ф. Уголовное право России: учебник: в 2 т. / под ред. А.И. Игнатова, Ю.А. Красикова. М.: Норма, 2000. Т. 1: Общая часть. С. 303.

⁸ Орешкина Т.Ю. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния. С. 35.

должно рассматриваться как воздействие непреодолимой силы или по правилам о крайней необходимости¹.

В имеющихся научных публикациях, затрагивающих частные аспекты квалификации принуждения, мнение одной части научной общественности, как было показано выше, сводится к тому, что данная норма не имеет основания для самостоятельного существования в УК РФ. Другие представители² дают научный комментарий к законодательной норме, не вступая в полемику.

Например, В.Л. Зуев отмечает «принципиальное отличие» причинения вреда под принуждением от состояния крайней необходимости. По его мнению, оно состоит в характере, источнике и направленности угрожающей опасности, которая заключается в целенаправленном физическом или психическом воздействии, может исходить только от физических лиц и применяется в отношении данного лица³.

Е.Г. Веселов, чье исследование посвящено институту принуждения, отметил, что при крайней необходимости лицо сопротивляется ситуации, а при принуждении следует логическому ходу ее развития. Различие этих обстоятельств он видит в «несходстве конститутивных признаков субъективной стороны, оснований возникновения; у них не совпадают частные условия правомерности, различается характер совершаемых действий»⁴.

Мы придерживаемся мнения исследователей, которые считают, что физическое и психическое принуждение – это обстоятельство, которое выделено искусственно. В первом случае – при непреодолимом физическом принуждении – отсутствует вина субъекта, во втором случае – при преодолении физического и психического принуждения – имеет место крайняя необходимость.

В соответствии с ч. 2 ст. 41 УК РФ риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием), подобно норме о крайней необходимости, где причинение вреда не является преступлением, «если эта опасность не могла быть устранена иными средствами».

Социально-правовая сущность обстоятельства, исключающего преступность деяния, предусмотренного ст. 41 УК РФ, заключается в том, что при осуществлении действий в условиях риска, направленных на достижение общественно полезной цели, причиняется вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, несмотря на то, что лицо, допу-

¹ Орешкина Т.Ю. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния. С. 38.

² См., напр.: Орехов В.В. Указ. соч. С. 139-143.

³ Зуев В.Л. Необходимая оборона, крайняя необходимость и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. Вопросы квалификации и судебно-следственной практики. С. 40.

⁴ Веселов Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 6.

стившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения этого вреда.

Рискованные действия не всегда заканчиваются благополучно для участников. По данным всемирной организации здравоохранения, каждый год в мире около 200 тысяч человек погибает и приблизительно 120 миллионов получает травмы в результате предпринимаемых рискованных действий в профессиональной деятельности¹.

Действия в условиях риска отличаются от действий в условиях крайности своей сущностью. При крайней необходимости основанием является необходимость предотвращения вреда, угрожающего правоохраняемым интересам. Основанием возникновения обоснованного риска служит необходимость достижения общественно полезного результата. Непосредственно угрожающего источника опасности, как при крайней необходимости, при обоснованном риске нет. Поэтому при крайней необходимости действия лица направлены на предотвращение угрожающей опасности, при обоснованном риске – на достижение общественно полезного результата в виде улучшения уже имеющегося. Иными словами, при обоснованном риске происходит моделирование ситуации, где источник опасности создается самим лицом, действующим правомерно.

Из анализа ст. 41 УК РФ следует, что действия в состоянии обоснованного риска направлены не на устранение прямого вреда, а на достижение позитивного эффекта, то есть на изменение сложившейся обстановки. Угроза причинения опасных последствий исходит от самого лица, взявшего на себя ответственность за достижение общественно полезного результата, но в нарушение уголовно-правового запрета. При этом причинение вреда при обоснованном риске не преступно, т.к. отсутствует признак общественной опасности деяния².

Субъектом крайней необходимости может быть как любое лицо, способное взять на себя ответственность выхода из конфликтной ситуации, так и специалист. В тексте ст. 41 УК РФ требований к субъекту не выдвигается, но из ее смысла ясно, что обоснованный риск может осуществляться только специальным субъектом. Аналогичное понимание вопроса существует и в науке уголовного права.

Например, В.В. Бабурин под допустимым (обоснованным) риском понимает действия специально подготовленного субъекта³. Согласно формулировке А.Ф. Истомина, субъектом может быть только человек, «профессионально занимающийся отягощенной конкретным риском деятельно-

¹ См.: Блинов А.Г. Уголовно-правовая охрана прав пациента: учеб. пособие / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. С. 155.

² Келина С.Г. Профессиональный риск как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Советская юстиция. 1988. № 22. С. 14.

³ Бабурин В.В. Современные проблемы уголовно-правового риска // Уголовное право. 2005. № 4. С. 12.

стью и потому способный обеспечить соблюдение необходимых условий его правомерности»¹.

На наш взгляд, обосновать риск могут лица, обладающие специальными знаниями в той или иной сфере деятельности. Следовательно, рискованные действия обычного субъекта следует оценивать по правилам крайней необходимости.

Существует и противоположная нашему мнению позиция. Например, поддерживая в этом вопросе В.И. Саморокова и А.Н. Попова, В.В. Орехов пишет: «Поскольку риск возможен в любой сфере человеческой деятельности, то субъектами рискованных действий могут быть как профессионалы, так и непрофессионалы»². Таким образом, сторонники данной позиции акцентируют внимание на «риске», а не на «обоснованном риске».

Относительно соотношения размера причиняемого и предотвращаемого вреда при крайней необходимости законодательно закреплено, что вред обязательно должен быть меньше предотвращенного. При обоснованном риске, пишет Н.С. Мартынова, ограничений в размере вреда не предусмотрено³.

Данное мнение, на наш взгляд, ошибочно. В ч. 3 ст. 41 УК РФ законодатель установил ограничения: не признается обоснованным риск, который заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия. В то же время отдельные авторы считают необходимым закрепление в уголовном праве такой разновидности риска, как вынужденный риск, когда опасность, угрожающая большому количеству людей, может быть устранена с риском причинения значительного ущерба⁴.

Из этого следует, что рискованные действия предпринимаются для достижения общественно полезной цели с потерями, не превышающими предполагаемого общественно полезного результата, иначе риск вряд ли можно было признать обоснованным, а вред – социально приемлемым⁵.

В отличие от крайней необходимости, действия при обоснованном риске не крайняя мера. Однако стремление к достижению лучших результатов в сфере производства, науки, оправдывают в процессе эксперимента действия, связанные с риском.

По нашему мнению, основным отличием крайней необходимости от обоснованного риска является отсутствие в последнем случае непосредственной грозящей опасности. Создание опасной ситуации обуславливает-

¹ Цит. по: Мазин П.В., Битеев В.Х., Пономарев Г.Е. Обоснованный риск: проблемы толкования практического применения // Уголовное право. 2002. № 1. С. 27.

² Орехов В.В. Указ. соч. С. 146.

³ Мартынова Н.С. Указ. соч. С. 34.

⁴ Рабаданов А.С., Леонова Т.Ю. Обоснованный риск и крайняя необходимость как обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 2. С. 77.

⁵ Шурдумов А.Ю. Обоснованный риск // Уголовное право. 2002. № 3. С. 61.

ся стремлением достижения значительно более важного результата, чем возможный вред при неудачном стечении обстоятельств.

Сложности в отграничении обоснованного риска от крайней необходимости могут возникать при оценке различных ситуаций в медицинской практике.

Показательным будет следующий пример. В результате встречного движения столкнулись два автомобиля. В салоне одного из них находились две женщины и двое детей – мальчик и девочка. Женщина, управляющая автомобилем и пассажирка, сидящая на переднем сидении, в результате столкновения скончались на месте. Девочка не пострадала. Вся сила тяжести перевернувшегося автомобиля припала на шестилетнего мальчика, ему передало ногу. Спасательная группа предприняла все возможные меры: вырезала двери, крышу автомобиля, но высвободить зажатую ногу не удавалось. Врач, понимая, что промедление может привести к смерти мальчика, принимает решение ампутировать ногу. Жизнь ребенка была спасена¹.

В другом примере, приводимом Ф.Ю. Бердичевским, перитонит, вызванный воспалением отростка слепой кишки (аппендицитом), полностью оправдывает действия хирурга, берущегося оперировать больного с гемофилией (заболеванием, сопровождающимся нарушением свертываемости крови). В этом случае смерть может наступить в результате кровотечения из операционной раны, т.е. от действий хирурга, а не от заболевания. Однако если больной не будет прооперирован, то он неизбежно погибнет от перитонита. Вряд ли можно согласиться с Г.А. Пашиняном и Г.А. Ившиным, что в приведенном случае смерть больного гемофилией от кровопотери вследствие операционной травмы не укладывается в условия крайней необходимости, поскольку пределы крайней необходимости здесь превышены, т.к. причиненный вред фактически равен предотвращенному².

Действия врачей в приведенных ситуациях правомерны и продиктованы условиями крайней необходимости. В данном случае отсутствует характерное для обоснованного риска моделирование опасности. Источник опасности возник стихийно, внезапно и послужил основанием для принятия крайних мер.

Разграничивая крайнюю необходимость и обоснованный риск, С.Ю. Косарев, справедливо отмечает, что при крайней необходимости вред в любом случае причиняется, а при обоснованном риске вред может быть и не причинен; вред при крайней необходимости причиняется в ситуации, когда необходимо устранить опасность, непосредственно угрожающую лич-

¹ Хаметдинова Г.Ф. Указ. соч. С. 167.

² Пашинян Г.А., Ившин И.В. Профессиональные преступления медицинских работников против жизни и здоровья. М.: Медицинская книга, 2006. С. 123.

ности и иным интересам, а такой непосредственной угрозы для охраняемых уголовным законом интересов при обоснованном риске нет¹.

В.В. Бабурин справедливо отмечает, что, несмотря на обилие ситуаций, связанных с риском, в следственно-судебной практике применение ст. 41 УК РФ практически не встречается². С.В. Пархоменко при проведе-

¹ Косарев С.Ю. Проблемы соотношения обоснованного риска с иными обстоятельствами, исключаящими преступность деяния // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 3. С. 66.

² Бабурин В.В. Современные проблемы уголовно-правового риска. С.11.

нии исследования установила, что с 1997 г. в опубликованной практике высшей судебной инстанции нет ни одного упоминания о реальном применении ст. 41 УК РФ¹. На сегодняшний день ситуация не изменилась.

Вместе с тем, как выяснилось из беседы с работниками медицинских учреждений г. Тюмени, в повседневной деятельности врачей возникает очень много ситуаций, связанных с риском. Они считают, что любая операция в деятельности хирурга – это обоснованный риск. Допустим, в результате медицинского обследования выявлены объективные показания к проведению операции. Больной дает информированное согласие на оперативное вмешательство. Врачи, подвергая риску жизнь пациента, используют высокотехнологичные виды помощи. Однако они зачастую не могут предположить, как себя поведут приборы, каковы особенности организма человека, какова будет реакция на те или иные химические препараты. Тем не менее необходимость в риске существует.

По нашему мнению, обоснованный риск имеет место, если медицинское вмешательство носит экспериментальный характер. При этом, как справедливо отмечает Н.В. Мирошниченко, риск в данном случае оправдывается нормативными требованиями к профессии, которые, с одной стороны, легализуют сам вид профессионального занятия, включая его в сферу нормативной регламентации, а с другой стороны, устанавливают основания и пределы правомерного причинения вреда². В приведенном выше случае речь идет о профессиональном риске, который не нашел закрепления в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния, поэтому должен оцениваться по правилам крайней необходимости.

Так, например, в ходе операции может возникнуть необходимость проведения мероприятий по спасению жизни. Все мероприятия, проводимые в экстренном порядке, без согласия пациента, например, переливание крови, вскрытие грудной клетки при остановке сердца и др. следует расценивать как крайнюю необходимость.

При крайней необходимости ситуация должна отличаться неординарностью, конфликтностью интересов, возможностью разрешения только путем причинения вреда правоохраняемым интересам. При обоснованном риске, напротив, ситуация предсказуемая, максимально сводящая риск к нулю. Обоснованным риск считается тогда, когда лицо предприняло достаточно мер для предотвращения возможных вредных последствий в отношении охраняемых уголовным законом интересов. Как отмечает А.Н. Берестовой, выход за границы риска при отсутствии какого-либо из условий правомерности означает превышение его пределов, хотя законодатель и не употребляет данного понятия применительно к обоснованному риску³.

¹ Пархоменко С.В. Указ. соч. С. 257.

² Мирошниченко Н.В. Исполнение профессиональных функций в контексте обстоятельств, исключающих преступность деяния // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2015. № 2. С. 77.

³ Берестовой А.А. Вопросы квалификации обоснованного риска // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 4 (55). С. 59.

Таким образом, обоснованный риск является частным случаем проявления крайней необходимости и выделен законодателем в самостоятельную норму в связи с увеличением условий правомерности причинения вреда для лиц, обладающих специальными признаками и действующими для достижения определенной законом цели.

Еще одним обстоятельством, исключаящим преступность деяния, уголовный закон называет исполнение приказа или распоряжения – ст. 42 УК РФ. Социально-правовая сущность обстоятельства, предусмотренного ст. 42 УК РФ, заключается в том, что подчиненное лицо, находящееся в служебной или иной управленческой зависимости от вышестоящего начальника или руководителя, выполняет обязательные для исполнения требования, и в результате совершения такого деяния причиняется вред охраняемым законом общественным интересам. Отношения «власти и подчинения» существуют в различных отраслях социальной жизни, в которых имеется управленческая деятельность между людьми, поэтому, исполняя приказ или распоряжение, можно причинить вред любому объекту уголовно-правовой охраны¹.

Расположение рассматриваемой нормы в системе обстоятельств, исключаящих преступность деяния, обусловлено отсутствием признака преступления.

Являясь элементами единой системы обстоятельств, исключаящих преступность деяния, крайняя необходимость и исполнение приказа или распоряжения имеют, на наш взгляд, следующие отличительные признаки.

В отличие от действий в состоянии крайней необходимости лицо, причинившее вред при исполнении приказа или распоряжения, не осознавало характера своего деяния. Лицо не желало и даже не допускало причинения вреда, т.к. приказ был для него обязательным. Следовательно, воля лица, исполняющего приказ, была ограничена.

Исполняя приказ или распоряжение, лицо не осознает незаконности выполняемого им действия и, соответственно, здесь нет мотива предотвращения вреда. Исполнитель в данном случае исходит из законности приказа. При крайней необходимости лицо изначально осознает характер своих действий, в результате которых причиняется вред одним правоохраняемым интересам для спасения других. Мотивом поведения лица является стремление справиться с опасностью.

Соответственно, имеются отличия и в статусе субъекта. В ст. 42 УК РФ строго оговорено, что субъектом является лицо, действующее во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения. В то время как при крайней необходимости это любое лицо, действующее по собственному волеизъявлению.

В отличие от крайней необходимости источник опасности обстоятельства, предусмотренного ст. 42 УК РФ, строго определен – это незакон-

¹ Григенча В.Я. Юридическая природа исполнения неправомерного приказа // Российский юридический журнал. 1997. № 2. С. 121.

ное распоряжение или приказ, соответствующий определенным требованиям и обязательный для исполнения подчиненным лицом. Приказ или распоряжение – основанное на законе или ином нормативном акте обязательное требование обладающего властными полномочиями лица или органа о совершении либо несовершении определенных действий, обращенное к другому лицу (группе лиц)¹. При этом документ не должен носить явно незаконного характера. Опасность правоохраняемым интересам создается в результате реализации такого приказа или распоряжения.

По утверждению В.Ф. Антонова, любое из обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в той или иной степени содержит элементы крайней необходимости². С этим положением можно согласиться, поскольку исполнение приказа или распоряжения есть своего рода необходимость, вызванная обязанностью подчиненного исполнять требования лица, отдавшего приказ.

Необходимо отметить, что при определенных условиях приказ, по обоснованному мнению некоторых авторов³, может характеризоваться наличием психического принуждения, частично лишаящего лицо свободы воли. По мнению Т.Ю. Орешкиной, исполнение приказа в таком случае должно рассматриваться по правилам крайней необходимости с учетом того вреда, который угрожал исполнителю приказа, и вреда, причиненного этим лицом правоохраняемым интересам⁴.

Все это свидетельствует о пограничном характере исполнения приказа или распоряжения с крайней необходимостью.

В целом, каждое из рассмотренных обстоятельств в уголовно-правовой литературе оценивается неоднозначно, что объясняется еще достаточной новизной этих обстоятельств для уголовного законодательства и практики его применения. Тем не менее очевидно существование различий между крайней необходимостью и иными обстоятельствами, исключаящими преступность деяния.

Проведенный анализ показал, что в системе обстоятельств, исключаящих преступность деяния, норма о крайней необходимости наряду с необходимой обороной занимает особое, системообразующее положение. Сложные системные связи позволяют проследить соотношение крайней необходимости с другими обстоятельствами, исключаящими преступность деяния, ее первичный, исходный характер по отношению к некоторым иным обстоятельствам, исключаящим преступность деяния.

Вместе с тем, бесспорно, важным является выделение данных обстоятельств в отдельные уголовно-правовые нормы. Существование специ-

¹ Уголовное право России. Общая часть: учебник / В.В. Бабурин [и др.]; под ред. Р.Д. Шарапова. С. 390.

² Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 60.

³ Михайлов В.И. Нормативное регулирование исполнения приказа и некоторые вопросы уголовного права. С. 73.

⁴ Орешкина Т.Ю. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключаящее преступность деяния. С. 13.

альных норм, на наш взгляд, возникает в связи с необходимостью разграничения оснований возникновения, источников опасности, сужения или расширения условий правомерности причинения вреда при обстоятельствах, исключающих общественную опасность деяния.

Нельзя не отметить, что научной общественностью продолжает обсуждаться существование иных, не включенных в гл. 8 УК РФ, обстоятельств, исключающих преступность деяния. При этом точки зрения диаметрально противоположны. Одни авторы против расширения этих обстоятельств¹, другие предлагают включить их в гл. 8 УК РФ. Например, «выполнение профессиональных (должностных) функций»², «согласие на причинение вреда»³, «выполнение специального задания»⁴, регламентирующего правомерность пребывания лица среди соучастников преступления и т.д. Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, нужно подчеркнуть, что их включение не должно противоречить принципу системности норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, что требует более тщательной проработки со стороны теории уголовного права.

Подводя итог проведенному сравнительному анализу крайней необходимости и иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, следует отметить, что о качественном своеобразии крайней необходимости говорит, во-первых, возможность устранения опасности, исходящей из самых различных источников. Иные обстоятельства, исключающие преступность деяния, содержат строго определенный круг источников опасности. Это позволяет при правомерном причинении вреда, исходящего от источника опасности, не предусмотренного другими обстоятельствами, применить правила крайней необходимости. Во-вторых, нейтрализация источника опасности возможна только единственным способом – с нарушением законных прав и интересов лиц, ведущих себя правомерно и не причастных к возникновению опасности. В-третьих, о своеобразии нормы о крайней необходимости свидетельствует связанное с этим более строгое определение условий правомерности крайней необходимости, не допускающее причинение равного или большего вреда.

¹ См., напр.: Воронин М.Ю. Об обстоятельствах, исключающих преступность деяния в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 1. С. 51.

² См.: Михайлов В.И. Защита интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и иных угроз: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 91-101.

³ См.: Савинов А.В. Причинение вреда с согласия лица или по его просьбе: медицинский, спортивный, гражданско-правовой, научно-экспериментальный и иные аспекты // Уголовное право. 2011. № 4. С. 123-125.

⁴ См.: Воронин М.Ю. Указ. соч. С. 49-51.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что крайняя необходимость по своей социально-правовой природе является социально допустимым обстоятельством. Это подтверждается эволюцией развития отечественного законодательства, законодательной практикой зарубежных стран, проведенным анализом отличий крайней необходимости от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также результатами проведенного социологического опроса. Из этого следует, что уголовная политика в отношении лиц, причиняющих вред в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, должна быть дифференцирована. По делам о необходимой обороне от обвинительного уклона следует избавляться. По делам о крайней необходимости обвинительный уклон оправдан. Эта идея лежит в основе предлагаемых нами изменений в действующее уголовное законодательство.

В процессе исследования сформулированы следующие основные выводы и предложения, направленные на совершенствование и повышение эффективности практики применения уголовно-правовой нормы о крайней необходимости:

1. Под крайней необходимостью следует понимать правомерное, социально допустимое деяние, направленное на предотвращение опасности, создающей угрозу причинения вреда правоохраняемым интересам.

2. Социальная допустимость крайней необходимости основывается на общественной заинтересованности в поступках, предотвращающих больший потенциальный вред, заключенный в грозящей опасности, чем фактически причиняемый вред. Соответствие норме уголовного закона обуславливает правомерность деяния, совершенного при данном обстоятельстве, исключающем преступность деяния.

3. Периоду зарождения и становления крайней необходимости была свойственна казуистичность норм. Всякий раз с изменением источника опасности, угрожающего правоохраняемым интересам, создавался новый судебный прецедент, который ложился в основу разрешения аналогичного спора.

4. В Уголовном уложении 1903 г. законодатель, систематизировав совокупность источников опасности, впервые объединил их в следующем определении: «от произошедшей вследствие угрозы, незаконного принуждения или иной причины опасности». Казуистичность сменялась формированием общих положений о крайней необходимости.

5. Кардинальный поворот в развитии обстоятельств, исключающих преступность деяния, произошел вместе с принятием УК РФ 1996 г. Из нормы о крайней необходимости выделились исторически сложившиеся виды необходимости. Ситуации, решаемые в рамках нормы о крайней необходимости, потребовали самостоятельного подхода. В зависимости от характера возникающих опасностей появилась необходимость выделения

дополнительных условий правомерности при причинении вреда охраняемым общественным интересам.

6. Выделены социально обусловленные предпосылки закрепления в уголовном законодательстве нормы о крайней необходимости. К ним относятся: 1) объективно существующая необходимость отражения опасности, угрожающей обществу, государству, социальной группе, конкретной личности путем причинения вреда чужим правоохраняемым интересам; 2) расширение круга источников угрожающей опасности, связанное со становлением российской государственности, научно-техническим прогрессом, а также иными, сопровождающими развитие общества, факторами; 3) достижения науки уголовного права, позволяющие доктринально обосновать правомерность причинения вреда.

7. Сначала в отечественном уголовном праве происходило закрепление института обстоятельств, исключающих преступность деяния, затем их дифференциация и впоследствии законодательное закрепление условий правомерности, влияющих на уголовную ответственность и назначение наказания.

8. В целом, как показал анализ зарубежного уголовного законодательства, крайняя необходимость относится к социально допустимым деяниям. Об этом свидетельствует стремление отграничить крайнюю необходимость от необходимой обороны, наличие гражданско-правовой ответственности за причинение вреда в условиях крайней необходимости, понимание крайней необходимости в большинстве стран как основания, исключающего или смягчающего наказание.

9. Основные, на наш взгляд, положительные отличия норм о крайней необходимости в зарубежном уголовном законодательстве от аналогичной нормы отечественного права заключаются в следующем: содержится запрет, касающийся специальных субъектов (пожарных, спасателей и др.) на причинение вреда при спасении своей жизни в условиях крайней необходимости (УК Японии, Китая, Испании); закреплена норма об ошибке при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (УК Франции, Австрии, Польши); существует запрет на провокацию крайней необходимости (УК Германии, Швейцарии, Испании).

10. Основания крайней необходимости, определяемые источниками угрожающей опасности, достаточно разнообразны. Источники опасности можно классифицировать следующим образом: источники, связанные с природными явлениями, в том числе поведение диких животных; связанные с техническими средствами, механизмами, радиоактивными веществами и т.д.; связанные с человеком – это физиологические (голод, холод) или патологические (болезнь, ранение) процессы, происходящие в организме человека, и его поведение (как правомерное, так и неправомерное), способное создать угрозу или причинить вред правоохраняемым интересам.

11. Наряду с признанными теорией уголовного права признаками наличности и действительности (реальности) грозящая опасность при крайней необходимости, на наш взгляд, характеризуется неизбежностью и

возможностью наступления вреда, поскольку в данной ситуации источник грядущей опасности вызывает опасность, которая иначе неустранима, неизбежна и угрожает причинением вреда.

12. Преступно спасение собственной жизни за счет жизни другого человека. Закон запрещает причинять вред правоохраняемым интересам ради спасения равноценных благ. При квалификации деяний, связанных с причинением смерти в состоянии крайней необходимости, невозможно избежать количественного критерия оценки. Другого способа в отечественном праве нет.

13. Умышленное причинение смерти в состоянии крайней необходимости оправданно только в двух случаях: 1) когда опасность угрожала последствиями, связанными с гибелью двух и более лиц; 2) когда гибель человека была неизбежна в любом случае.

14. Как показывает действительность, особую опасность представляют посягательства, направленные на массовое уничтожение людей. Преступления, угрожающие всему человечеству, более опасны, чем посягающие на жизнь одного человека или даже группы лиц. Сложная криминальная ситуация, террористические акты, насилие, похищение людей, захваты заложников и прочие обстоятельства вынуждают иначе взглянуть на установленные основным законом приоритеты ценностей.

15. Приоритеты уголовно-правовой охраны должны быть изменены: на первое место необходимо поставить интересы социума, а затем интересы отдельной личности. Если руководствоваться приоритетами уголовно-правовой охраны, которые указаны в ст. 2 УК РФ и обозначены в содержании уголовного закона, то мы столкнемся с ситуацией, когда в конкретных условиях нарушение общественной безопасности будет менее ценным, чем гибель одного человека.

16. В исследовании предложена схема сравнительной оценки объектов при сопоставлении правоохраняемых благ в условиях крайней необходимости. На наш взгляд, критерий – массовое, групповое, единичное – по праву будет основой в системе ценностей уголовно-правовых объектов.

17. Жизнь, здоровье, конституционные права и свободы человека и гражданина, основы общественной безопасности и безопасности государства, иные интересы личности и общества, интересы государства – такая последовательность, не противоречащая конституционным принципам, может служить фундаментом для построения горизонтали в системе ценностей.

18. Меньший вред с целью устранения большего вреда при крайней необходимости, кроме как «третьим лицам», может быть причинен:

а) лицу, не причастному к возникновению опасности, но интересам которого угрожал вред, предотвратить который стало возможным путем причинения меньшего вреда этому же лицу;

б) лицу, непосредственно создавшему своими действиями (бездействием) опасность, угрожающую причинением вреда, при отсутствии признаков общественно опасного посягательства.

19. Используемое при крайней необходимости понятие «третьи лица» не всегда точно выражает положение лица, которому причинен вред. Более верно, на наш взгляд, применять понятие «лица, чьи нарушаемые права и интересы охраняются уголовным правом».

20. В целом деятельность в условиях крайней необходимости следует рассматривать как активную форму поведения, при котором механизм причинения вреда допускает последствие в виде бездействия.

21. Под превышением пределов крайней необходимости признается не оправданное правилами правомерности, умышленное причинение объекту уголовно-правовой охраны вреда явно равного или более значительного, чем вред предотвращенный.

22. Необходим дифференцированный подход при квалификации деяния, совершенного при превышении пределов крайней необходимости, в зависимости от вида умысла. Деяние с косвенным умыслом следует рассматривать как деяние с привилегированным составом преступления, с прямым умыслом – как деяние, предусмотренное обычным составом преступления, с учетом при назначении наказания условия крайней необходимости в качестве смягчающего обстоятельства (п. «ж» ст. 61 УК РФ).

23. В Особенной части УК РФ следует предусмотреть привилегированные составы крайней необходимости, дополнив ч. 2 ст. 108 и ч. 2 ст. 114 УК РФ после слов «лица, совершившего преступление» словами «или пределов крайней необходимости».

24. Вопрос о фактической ошибке при крайней необходимости должен регулироваться следующим правилом: 1) если лицо заблуждалось в существовании опасности, но должно было и могло это предвидеть, то должна наступать уголовная ответственность за неосторожное причинение вреда; 2) если по обстоятельствам дела лицо предполагало наличие опасности, и при этом не должно было и не могло предвидеть своей ошибки, имеет место невиновное причинение вреда.

25. Предлагается дополнить ст. 39 УК РФ частями 3 и 4 следующего содержания:

«3. Не являются превышением пределов крайней необходимости действия лица по предотвращению грозящей опасности, если лицо вследствие экстремальности ситуации не могло объективно оценить характер и степень опасности и в связи с этим предпринять меры, достаточные для предотвращения вреда.

4. Право на крайнюю необходимость принадлежит лицу независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Для лица, на котором лежит специальная обязанность совершать деяния в состоянии крайней необходимости, уклонение от нее влечет уголовную ответственность в соответствии с настоящим кодексом».

26. Считаем справедливым закрепление обвинительного уклона в правовой оценке действий, совершенных в состоянии крайней необходимости, т.к. эти действия по своей сущности социально допустимы, а не социально полезны.

27. В системе обстоятельств, исключающих преступность деяния, норма о крайней необходимости наряду с необходимой обороной занимает особое, системообразующее положение. Сложные системные связи позволяют проследить соотношение крайней необходимости с другими обстоятельствами, исключающими преступность деяния, ее первичный, исходный характер по отношению к некоторым иным обстоятельствам, исключающим преступность деяния.

28. Выделение обстоятельств в отдельные уголовно-правовые нормы происходит в связи с необходимостью разграничения оснований возникновения, источников опасности, сужения или расширения условий правомерности причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

29. О качественном своеобразии крайней необходимости говорит, во-первых, возможность устранения опасности, исходящей из самых различных источников. Это позволяет при правомерном причинении вреда, исходящего от источника опасности, не предусмотренного другими обстоятельствами, применить правила крайней необходимости. Во-вторых, нейтрализация источника опасности возможна единственным способом – нарушением законных прав и интересов лиц, ведущих себя правомерно и не причастных к возникновению опасности. В-третьих, более строгое определение условий правомерности крайней необходимости не допускает причинение равного или большего вреда.

Проведенное исследование не исчерпывает данную проблему. За рамками нашей работы остались вопросы, касающиеся, например, квалификации деяния при конкуренции обстоятельств, исключающих преступность деяния, отличие крайней необходимости от невиновного причинения вреда, сложные проблемы, стоящие на стыке уголовного права и уголовного процесса, и многие другие вопросы, требующие проведения самостоятельных исследований. По нашему мнению, данная тема будет вызывать постоянный исследовательский интерес, причиной чему служит насыщенность социальной среды источниками опасности различного рода. Безусловно, это потребует совершенствования уголовно-правовых правил регулирования деяний, совершенных в условиях крайней необходимости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ:// КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/popular/cons/> (дата обращения: 11 марта 2014 г.).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ: ред. от 21 июля 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17 марта 2014 г.).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: в ред. от 8 марта 2015 г. // Рос. газ. 2001. 31 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 5 марта 2015 г.).
4. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ: в ред. от 22 июля 2014 г. // Рос. газ. 2011. 8 февр.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17 марта 2014 г.).
5. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: пост. Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 сент. 2012 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. № 11.

II. Специальная литература

1. Антонов В.Ф. Крайняя необходимость в уголовном праве: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 112 с.
2. Арямов А.А. Правомерное причинение вреда: монография. Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 2004. 340 с.
3. Арямов А.А., Якуньков М.А. Вопросы теории и практики применения институтов необходимой обороны, крайней необходимости и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление: монография. Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 2004. 208 с.
4. Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. Харьков: Основа, 1991. 236 с.
5. Блинников В.А. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве России. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2001. 236 с.
6. Бушуев Г.В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании. Горький: ГВШ МВД СССР, 1976. 87 с.

7. Винокуров В.Н. Правомерное причинение вреда в состоянии крайней необходимости: монография. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2001. 122 с.
8. Зуев В.Л. Необходимая оборона и крайняя необходимость. Вопросы квалификации и судебно-следственной практики. М.: Кросна-Лекс, 1996. 96 с.
9. Истомина А.Ф. Самооборона: право и необходимые пределы. М.: Норма, 2005. 224 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2012. 1359 с.
11. Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 216 с.
12. Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции) / С.В. Борисов [и др.]. М.: Юриспруденция, 2012. 192 с.
13. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 217 с.
14. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 267 с.
15. Паше-Озерский Н.И. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1962. 215 с.
16. Пашнин А.Н., Пронина М.М. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: уголовно-правовая регламентация и ее совершенствование: монография. Челябинск: Б. и., 2005. 172 с.
17. Плешаков А.М. Шкабин Г.С. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния: учеб. пособие. Рязань: Б. и., 2005. 72 с.
18. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Чучаева. М.: Контракт: Инфра-М, 2012. 320 с.
19. Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1956. 167 с.
20. Смирнова Л.Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 281 с.
21. Уголовное право России (Общая и Особенная части): учебник / под ред. В.К. Дуюнова. М.: РИОР: Инфра-М, 2012. 681 с.
22. Уголовное право России. Общая часть: учебник / В.В. Бабурин [и др.]; под ред. Р.Д. Шарапова. Тюмень: ТИПК МВД России, 2013. 583 с.
23. Шурдумов А.Ю. Понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2000. 57 с.
24. Щедрин Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности: лекция. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2006. 27 с.
25. Якубович М.И. Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния. М.: Б. и., 1979. 117 с.

III. Статьи

1. Аитова О.Ф. Фактор времени в законодательной формуле необходимой обороны // Библиотека криминалиста. 2015. № 2. С. 34-40.

2. Бабич С.В. Правомерное причинение вреда в состоянии крайней необходимости как объект уголовно-правовой оценки // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы междунар. науч.-практ. конференции, Уфа, 21 февр. 2011 г. / Евразийский науч.-исслед. ин-т проблем права. Уфа, 2011. С. 106-108.

3. Бабурин В.В. Крайняя необходимость и обоснованный риск: проблемы разграничения // Научный вестник Омской академии МВД России № 1 (25), 2007. С. 14-18.

4. Берестовой А.А. Вопросы квалификации обоснованного риска // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 4 (55). С. 56-59.

5. Бушуев Г.В. Правовые последствия фактической ошибки при необходимой обороне и крайней необходимости // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2000. № 4. С. 207-215.

6. Веселов Е.Г. Об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, по английскому и французскому уголовному праву // Закон в теории и судебной практике: материалы межвуз. науч.-практ. конф., Краснодар, 2001 г. / Южный ин-т менеджмента. Краснодар, 2001. С. 174-178.

7. Винокуров В.Н. Содержание и структура норм, регламентирующих причинение вреда в состоянии крайней необходимости // Уголовное право и современность: межвуз. сб. науч. тр. Сибирского юрид. ин-та МВД России. Красноярск, 2000. С. 40-43.

8. Воронин М.Ю. Об обстоятельствах, исключающих преступность деяния в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 1. С. 49-51.

9. Ефимович А.А. К вопросу квалификации общественно опасного деяния, являющегося основанием необходимой обороны // Российский следователь. 2010. № 8. С. 18-19.

10. Зуев В.Л. Необходимая оборона, крайняя необходимость и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. Вопросы квалификации и судебно-следственной практики // Юридический мир. 2001. № 7. С. 31-37; № 8. С. 29-42.

11. Изотов Д.М. О соотношении крайней и военной необходимости в свете реализации принципов Нюрнбергского трибунала // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. № 2 (22). 2011. С. 77-82.

12. Келина С.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды // Уголовное право. 1999. № 3. С. 3-8.

13. Косарев С.Ю. Проблемы соотношения обоснованного риска с иными обстоятельствами, исключающими преступность деяния // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 3 (20). С. 61-66.

14. Кудратов М. Правовая природа обстоятельств, исключающих преступность деяния // Правоведение. 2013. № 3. С. 64-73.
15. Мирошниченко Н.В. Исполнение профессиональных функций в контексте обстоятельств, исключающих преступность деяния // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2015. № 2. С. 73-83.
16. Михайлов В.И. Защита интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и иных угроз: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 91-101.
17. Никуленко А.В. Актуальные проблемы разграничения институтов крайней необходимости и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (48). 2010. С. 72-77.
18. Орешкина Т.Ю. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 1999. № 3. С. 13-17.
19. Орешкина Т.Ю. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2000. № 1. С. 33-38.
20. Попов К.И. Конкуренция обстоятельств правомерного причинения вреда // Право и государство. 2011. № 2. С. 125-127.
21. Попов К.И. Правовая природа обстоятельств правомерного причинения вреда // Российский следователь. № 5. 2010. 12-14.
22. Рабаданов А.С., Леонова Т.Ю. Обоснованный риск и крайняя необходимость как обстоятельства, исключающие преступность деяния // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 2 (17). 2011. С. 75-78.
23. Савинов А.В. Опасность как условие правомерности причинения вреда при крайней необходимости // Научный вестник Омской академии МВД России № 3 (42), 2011. С. 18-21.
24. Савинов А.В. Причинение вреда с согласия лица или по его просьбе: медицинский, спортивный, гражданско-правовой, научно-экспериментальный и иные аспекты // Уголовное право. 2011. № 4. С. 123-125.
25. Савинский А.В. О перечне обстоятельств, исключающих преступность деяния // Российская юстиция. 2014. № 5. С. 57-59.
26. Станкевич А.М. Особенности определения пределов допустимого вреда, причиняемого при крайней необходимости, по современному уголовному законодательству // Известия ТулГУ. Экономическая и юридические науки. 2013. Вып. 2. Ч. 2: Юридические науки. С. 193-197.
27. Хачатуров Р.Л. Крайняя необходимость в праве // Вектор науки ТГУ. №1 (11). 2010. С. 152-156.
28. Шеслер А.В. Идеологическая основа Уголовного кодекса России // Уголовное право на рубеже тысячелетий: материалы всерос. науч.-практ. конф., Тюмень, 16 нояб. 2006 г. / Тюменский юрид. ин-т МВД России. Тюмень, 2006. С. 5-6.
29. Шигина Н.В. Крайняя необходимость и риск: как уголовно-правовые нормы учитывают интересы субъектов уголовного права // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 1. С. 217-221.

30. Яни П.С. Крайняя необходимость: непреступный вред экономического преступления // Закон. 2000. № 7. С. 47-52.

IV. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Абдигалымова А.С. Институт крайней необходимости: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Алматы, 2007. 25 с.

2. Атабаева Т.Ш. Необходимая оборона: теория, законодательство, практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 23 с.

3. Багиров Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 18 с.

4. Балалаева М.В. Обстоятельства, исключающие преступность действий сотрудников органов внутренних дел, совершаемые в сфере их профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 32 с.

5. Баранова Е.А. Необходимая оборона в уголовном законодательстве России и ее отличие от смежных институтов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 21 с.

6. Вельтмандер А.Т. Ситуация обстоятельства, исключающего преступность деяния: теоретические основания и уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. 22 с.

7. Веселов Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 34 с.

8. Винокуров В.Н. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1999. 28 с.

9. Вольдимарова Н.Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 220 с.

10. Гафурова Э.Р. Применение крайней необходимости и иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, при освобождении заложников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.

11. Кондрашова О.В. Уголовно-правовая оценка причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 211 с.

12. Коткова Ю.С. Невинное причинение вреда, обусловленное экстремальными ситуациями или нервно-психическими перегрузками: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 21 с.

13. Мордовина А.А. Осуществление законного права как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ...канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. 172 с.

14. Никольская С.А. Преступления, посягающие на пожарную безопасность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005. 21 с.

15. Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2011. 30 с.

16. Пейзак Р.И. Основания освобождения от юридической ответственности в англосаксонской и континентальной правовой традиции: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 22 с.

17. Пронина М.М. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: уголовно-правовая регламентация и ее совершенствование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 23 с.

18. Станкевич А.М. Пределы правомерности крайней необходимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 19 с.

19. Старостина Ю.В. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2001. 24 с.

20. Хаметдинова Г.Ф. Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. 217 с.

21. Шкабин Г.С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 26 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Результаты анкетирования граждан

В анкетировании принимали участие 290 граждан, проживающих на территории Тюменской области (ХМАО, ЯНАО, г. Тюмень). Опрос проводился в 2011-2012 гг.

Приходилось ли Вам сталкиваться со случаями причинения вреда в состоянии крайней необходимости?

- а) да – 55,9 %;
- б) нет – 44,1 %.

2. Какими, на Ваш взгляд, следует считать вредопричиняющие действия при крайней необходимости?

- а) общественно полезными – 17,5 %;
- б) общественно нейтральными – 45 %;
- в) общественно опасными – 37,5 %.

3. Что, по Вашему мнению, чаще всего может представлять опасность, вызывающую состояние крайней необходимости?

- а) физиологические процессы (голод, болезненное состояние) – 20,7 %;
- б) действия механических устройств – 10 %;
- в) стихийные силы природы – 13 %;
- г) нападение животных – 9 %;
- д) противоправные действия людей (напр., захват заложников, нарушение правил дорожного движения и т.д.) – 46,3 %;
- е) иные источники опасности – «Любая угроза жизни» – 1 %.

4. Если нарушены пределы крайней необходимости, как, на Ваш взгляд, должен поступать суд в этих случаях?

- а) все равно не привлекать к уголовной ответственности – 25,5 %;
- б) значительно смягчать наказание – 58,2 %;
- в) не учитывать состояние крайней необходимости – 13,1 %;
- г) иное – «В зависимости от тяжести причиненного вреда» – 3,2 %.

5. Можно ли, на Ваш взгляд, спасая свою жизнь от угрожающей опасности, лишать жизни постороннего человека (непричастного к данной ситуации)?

- а) да – 13,2 %;
- б) нет – 86,8 %.

6. Следует ли применять меры уголовной ответственности к человеку, который, заблудившись в таежном лесу, оказался без продовольствия, а затем, проникнув в чужое жилище, воспользовался продуктами питания?

- а) да – 18,7 %;
- б) нет – 81,3 %.

Результаты анкетирования следователей и дознавателей ОВД

В анкетировании принимали участие 65 следователей и дознавателей г. Тюмени

1. Вам приходилось сталкиваться со случаями причинения вреда в состоянии крайней необходимости?

- а) да – 57,5 %;
- б) нет – 42,5 %.

2. Приходилось ли Вам в своей профессиональной деятельности квалифицировать деяния как совершенные в состоянии крайней необходимости?

- а) да – 12 %;
- б) нет – 88 %.

3. Как вы считаете, чем объясняется отсутствие практики применения ст. 39 УК РФ?

- а) крайне редким возникновением ситуаций, требующих причинения вреда благо с целью предотвращения большего вреда – 20 %;
- б) неумением правильно оценивать сложившуюся ситуацию и давать верную квалификацию действиям виновного – 14 %;
- в) недостаточной регламентацией в законе института крайней необходимости – 24,5 %;
- г) перестраховкой в надежде на то, что правила крайней необходимости будут применены судом – 23 %;
- д) правомерность ситуации очевидна, необходимость в уголовном преследовании отсутствует – 13,5 %;
- е) другое (указать) – 0 %.

4. Каким обстоятельством, на Ваш взгляд, следует признать действия по устранению вреда в условиях крайней необходимости, где страдают интересы лиц, как правило, не причастных к возникновению опасности (интересы «третьих лиц»)?

- а) общественно полезным – 58,5 %;
- б) общественно нейтральным – 21,5 %;
- в) и тем, и другим – 20 %;
- г) общественно опасным – 0 %.

5. Что чаще всего является источником опасности, для устранения которой причиняется вред законным интересам в состоянии крайней необходимости?

- а) физиологические процессы (голод, болезненное состояние) – 0 %;
- б) действия механических устройств – 15,9 %;
- в) стихийные силы природы – 20 %;
- г) нападение животных – 1,1 %;

- д) противоправные действия людей (напр., захват заложников, нарушение правил дорожного движения) – 63 %;
- е) другие варианты – 0 %.

6. Приходилось ли вам констатировать факт превышения пределов крайней необходимости?

- а) да – 23 %;
- б) нет – 72 %.

Если да, то с какой формой вины был причинен вред при превышении допустимых пределов?

- а) умышленной – 27,4 %;
- б) неосторожной – 72,6 %.

7. Приходилось ли Вам квалифицировать деяния по ст.ст. 108, 114 УК РФ?

- а) да – 21,8 %;
- б) нет – 72 %;
- в) не помню – 6,3 %.

8. В Особенной части УК РФ не предусмотрены привилегированные составы об ответственности за конкретные деяния, связанные с превышением пределов крайней необходимости, подобно тем, которые определяют пониженное наказание за превышение необходимой обороны (ст.ст. 108, 114 УК РФ). Как Вы считаете, следует ли внести такие нормы?

- а) да, следует – 49,3 %;
- б) в этом нет необходимости – 18,3 %;
- в) затрудняюсь ответить – 32,4 %.

9. Каковы категории лиц, причинявших вред во встречающихся случаях крайней необходимости?

- а) сотрудники полиции – 15 %;
- б) сотрудники силовых подразделений – 20 %;
- в) врачи – 5 %;
- г) водители – 10 %;
- д) иные граждане при выполнении своих профессиональных обязанностей – 15 %;
- е) граждане при выполнении общегражданских обязанностей («простые граждане») – 35 %.

Результаты анкетирования судей Калининского, Ленинского, Центрального районных судов г. Тюмени

В анкетировании принял участие 51 судья.

1. Приходилось ли Вам в своей профессиональной деятельности квалифицировать деяния как совершенные в состоянии крайней необходимости?

- а) да – 0 %;
- б) нет – 100 %.

2. Как вы считаете, чем объясняется отсутствие практики применения ст. 39 УК РФ?

а) крайне редким проявлением ситуаций, требующих причинения вреда правоохраняемому благу с целью предотвращения большего вреда – 19 %;

б) неумением правильно оценивать сложившуюся ситуацию и давать верную квалификацию действиям виновного – 33,3 %;

в) недостаточной регламентацией в законе института крайней необходимости – 18,8 %;

г) правомерность ситуации очевидна, необходимость в уголовном преследовании отсутствует – 12,3 %;

д) другое (указать) – *Вынесение обвинения «с запасом»* – 16,6 %.

3. Приходилось ли Вам при вынесении приговора применять смягчающее наказание обстоятельство, предусмотренное п. «ж» ст. 61 УК РФ?

- а) да – 13 %;
- б) нет – 79,8 %;
- в) не помню – 7,2 %.

4. Приходилось ли вам констатировать факт превышения пределов крайней необходимости?

- а) да – 0 %;
- б) нет – 100 %.

5. В Особенной части УК РФ не предусмотрены привилегированные составы преступлений об ответственности за конкретные деяния, связанные с превышением пределов крайней необходимости, подобно тем, которые определяют пониженное наказание за превышение необходимой обороны (ст.ст. 108, 114 УК РФ). Как Вы считаете, следует ли внести такие нормы?

- а) да, следует – 54,8 %;
- б) в этом нет необходимости – 32,7 %;
- в) затрудняюсь ответить – 12,5 %.

Результаты анкетирования пожарных

В анкетировании приняли участие 58 человек.

1. Приходилось ли Вам предотвращать опасность причинения большего вреда путем причинения меньшего, т.е. находились ли Вы в состоянии крайней необходимости?

- а) да – 64,7 %;
- б) нет – 35,3 %.

2. Какой характер чаще всего носила опасность, для устранения которой причинялся вред правоохраняемым благам в состоянии крайней необходимости?

- а) физиологические процессы (голод, болезненное состояние) – 4,5 %;
- б) действия механических устройств – 15 %;
- в) стихийные силы природы (наводнение, пожар) – 42,3 %;
- г) противоправные действия людей (напр., захват заложников, поджог, нарушение правил дорожного движения и т.д.) – 34,2 %;
- д) нападение животных – 3,3 %;
- е) другие варианты – 0,7 %.

3. Каким обстоятельством следует признать крайнюю необходимость?

- а) общественно полезным – 25,8 %;
- б) общественно нейтральным – 41,5 %;
- в) общественно опасными – 32,7 %.

4. Как Вы считаете, чем объясняется тот факт, что институт крайней необходимости редко встречается в правоприменительной практике?

- а) крайне редким проявлением ситуаций, требующих причинения вреда благу с целью предотвращения большего вреда – 11,8 %;
- б) неумением правильно оценивать сложившуюся ситуацию и давать верную квалификацию действиям виновного – 11,5 %;
- в) недостаточной регламентацией в законе института крайней необходимости – 5,8 %;
- г) правомерность ситуации очевидна, необходимость в уголовном преследовании отсутствует – 70,6 %;
- д) другое (указать) – 0 %.

5. Какое место, на Ваш взгляд, занимает крайняя необходимость по количеству случаев в ряду обстоятельств, исключающих преступность деяния. Проранжируйте:

- а) необходимая оборона – 4;
- б) задержание лица, совершившего преступление – 5;
- в) крайняя необходимость – 2;
- г) физическое или психическое принуждение – 6;
- д) обоснованный риск – 3;
- е) исполнение приказа или распоряжения – 1.

6. Приходилось ли вам констатировать факт превышения пределов крайней необходимости?

- а) да – 23 %;
- б) нет – 65 %;
- в) затруднились ответить – 12%.

Если да, то с какой формой вины был причинен вред при превышении допустимых пределов?

- а) умышленной – 0 %;
- б) неосторожной – 17 %;
- в) затруднились ответить – 83 %.

7. Как вы считаете, можно ли относить к крайней необходимости случаи, когда человек при устранении грозящей опасности причиняет заведомо больший вред для устранения этой опасности (напр., для устранения угрозы повреждения имущества убивает человека)?

- а) да – 0 %;
- б) нет – 82,3 %;
- в) затрудняюсь ответить – 11,7 %.

Результаты анкетирования врачей

Количество опрошенных – 78 человек, среди них: хирурги, акушеры-гинекологи, травматологи, реаниматологи.

1. Крайняя необходимость – это ситуация, когда спасение большего блага возможно только за счет причинения вреда меньшему благу. Например, для предотвращения смерти человека в результате начавшегося заражения крови ему ампутируют руку или с целью сохранения жизни женщины предпринимают родоразрешающие меры в ранние сроки беременности. Приходилось ли Вам сталкиваться со случаями причинения вреда в состоянии крайней необходимости?

- а) да – 52,8 %;
- б) нет – 47,2 %.

2. Какими, на Ваш взгляд, следует считать вредопричиняющие действия при крайней необходимости?

- а) общественно полезными – 21,3 %;
- б) общественно нейтральными – 41,7 %;
- в) общественно опасными – 34 %;
- г) затрудняюсь ответить – 3 %.

3. Что, на Ваш взгляд, чаще всего может представлять опасность, вызывающую состояние крайней необходимости?

- а) физиологические процессы в организме человека (голод, болезненное состояние, риск здоровью) – 31,6 %;
- б) действия механических устройств – 19,5 %;
- в) стихийные силы природы – 9,2 %;
- г) нападение животных – 11,1 %;
- д) противоправные действия людей (напр., захват заложников, нарушение правил дорожного движения и т.д.) – 27,7 %;
- е) иные источники опасности – 0,9 %.

4. Можно ли, на Ваш взгляд, спасти жизнь одного человека за счет жизни другого? Например, спасти жизнь человека за счет использования жизненно важного органа другого человека:

- а) да – 0 %;
- б) нет – 100 %.

5. Причинение вреда в состоянии крайней необходимости имеет свои пределы (нельзя, например, причинять вред больший или равный, чем вред угрожающий). Как, на Ваш взгляд, должен поступать суд в случае, если нарушены пределы крайней необходимости?

- а) не привлекать человека к уголовной ответственности – 16 %;
- б) значительно смягчать наказание – 43,7 %;
- в) никак не учитывать состояние крайней необходимости – 0 %;
- г) иное – «зависит от характера и степени причиненного вреда» – 40,3 %.

**Сравнительно-правовая таблица нормы о крайней необходимости
по законодательству зарубежных стран**

Наименование раздела, главы	Месторасположение в системе	Характер опасности	Объект	Объективная сторона	Субъект	Условия правомерности	Понятие превышения пределов крайней необходимости	Законодательная особенность
УК Турции								
Уголовная ответственность и обстоятельства, исключающие или смягчающие наказание.	Ст. 49. Не подлежат наказанию деяния, совершенные: 1) во исполнение закона или приказа; 2) за необходимостью защиты от посягательства; 3) за необходимостью предотвращения опасности.	Серьезная и реальная опасность.	Угроза самому лицу или другому лицу.	Деяние, совершенное в вынужденной ситуации.		Отсутствие иной возможности предотвратить опасность.	Понятия в норме нет.	
УК Швейцарии								
Правомерные действия.	Ст. 32. Разрешение закона, служебная или профессиональная обязанность. Ст. 33. Необходимая оборона. Ст. 34. Крайняя необходимость.	Непосредственная и непредотвратимая иными средствами опасность.	В ч. 1. Благо, принадлежащее лицу, собственной жизни, здоровью, чести, свободе, имуществу. В ч. 2. Благо, принадлежащее другому лицу, собственной жизни, здоровью, чести, свободе, имуществу.	Лицо совершает деяние, чтобы предотвратить опасность.	Если опасность не была виновно создана этим лицом.	Невозможность предотвратить опасность иными средствами. Опасность не была виновно создана лицом. По обстоятельствам дела нельзя было требовать от лица принести в жертву подвергаемого опасности блага.	Из смысла закона: если опасность создана виновно самим лицом.	

Наименование	Местоположение	Характер	Объект	Объект. сторона	Субъект	Условия правомерности	Понятие превышения	Особенность
УК Швеции								
Об общих основаниях освобождения от уголовной ответственности.	Нет названия статей. Ст. 1. Самооборона. Ст. 2. Препятствие побегу из мест л/св. Ст. 3. Применение силы в отношении неповинующегося в/служащего. Ст. 4. Необходимость. Ст. 6. Превышение всех обстоятельств. Ст. 7. Согласие потерпевшего. Ст. 8. Исп. приказа. Ст. 9. Заблуждение в дозволенности.	Деяние может быть оправдано ввиду «природы опасности». Необходимость существует, когда опасность угрожает.	Жизнь, здоровье, собственность или другие важные интересы, охраняемые законом.	Деяние, совершенное по необходимости.		Природа опасности, обстоятельства.	Ст. 6. Если лицо сделало больше, чем то, что дозволено, оно не должно нести ответственность, если обстоятельства были таковы, что ему трудно было успеть обдумать свои действия.	Ст. 4 посвящена не предусмотренным ранее УК действиям, совершенным по необходимости. Ст. 6 предусматривает случаи превышения всех обстоятельств освобождения от уголовной ответственности.
УК Испании								
Основания освобождения от уголовной ответственности.	Нет названия статей. Ст. 20. Несовершеннолетие. Ст. 21. Не подлежат уголовной ответственности: 1) невменяемость; 2) алк. опьянение; 3) психическое нарушение; 4) необходимая оборона; 5) крайняя необходимость 6) сильный страх 7) исполнение долга, обязанности.	Вред.	Собственные интересы или другого лица.	В состоянии необходимости для предотвращения причинения вреда наносит вред или ущерб или нарушает обязательства	Профессиональной обязанности лица, находящегося в состоянии необходимости является самопожертвование в защиту чьих-либо прав.	1. Причиненный вред не больше вреда, который был предотвращен; 2. Состояние необходимости не было спровоцировано лицом, причинившим вред;	Понятия в норме нет. Вытекает из несоблюдения условий правомерности.	

Наименование	Местоположение	Характер	Объект	Объект. сторона	Субъект	Условия правомерности	Понятие превышения	Особенность
УК Франции								
Основания ненаступления уголовной ответственности или ее смягчения	Нет названия статей. Ст. 122-1. Аффект. Ст. 122-2. Физическое, психическое принуждение. Ст. 122-3. Юридическая ошибка. Ст. 122-4. Исполнение закона. Ст. 122-5. Необходимая оборона. Ст. 122-6. Правомерная защита. Ст. 122-7. Крайняя необходимость. Ст. 122-8. Несовершеннолетие лица.	Опасность, наступившая или неминуемая в будущем	«...ему самому, другому лицу или собственности».	Лицо совершает необходимое действие.		Соответствие средств защиты тяжести угрозы.	«За исключением случаев явного несоответствия между используемыми средствами защиты и тяжестью угрозы».	
УК Германии								
Необходимая оборона и крайняя необходимость.	§ 32. Необходимая оборона; § 33. Превышение пределов необходимой обороны; § 34. Правомерная крайняя необходимость; § 35. Крайняя необходимость, исключаящая или смягчающая вину.	§ 34. Наличие (иначе – непредотвратимая) опасность	Жизнь, здоровье, свобода, честь, собственность, другое правовое благо – собственное или других.	Совершает деяние в условиях опасности с целью защиты охраняемых благ	Любое лицо	При оценке противостоящих интересов защищаемый интерес значительно превосходит нарушенный. Положение применимо, если деяние является соразмерным средством для предотвращения опасности.	Понятия в норме нет. Вытекает из нарушения условий правомерности.	Законодатель выделяет правомерную крайнюю необходимость (§ 34) и крайнюю необходимость, исключаящую или смягчающую вину (§ 35).
		§ 35. Наличие (иначе – непредотвратимая) опасность	Жизнь, здоровье, свобода, родственники, близкие.	Совершает противоправное деяние.	Любое лицо, кроме лица, которое само создало опасность			Наказание может быть смягчено, если лицо не было обязательно подвергаться

Наименование	Местоположение	Характер	Объект	Объект. сторона	Субъект	Условия правомерности	Понятие превышения	Особенность
					или находилось в особых правоотношениях, и от него можно было потребовать не допускать этой опасности.			опасности в силу особых правоотношений. В случае ошибки относительно обстоятельств, устраняющих вину, лицо наказывается, когда оно могло избежать ошибки. Наказание может быть смягчено.
УК Австрии								
Общие постановления	§ 1. Нет наказания без закона; § 2. Совершение преступления путем бездействия; § 3. Необходимая оборона; § 4. Нет наказания без вины; § 5. Умысел; § 6. Неосторожность; § 7. Наказуемость умышленного или неосторожного деяния; § 8. Ошибочное представление об обстоятельствах исключая ответственность; § 9. Юридическая	Непосредственно угрожающих.	«...себе самому или третьему лицу».	«Совершает уголовно наказуемое деяние, чтобы предотвратить... вред».	«Всякий, кто совершает».	Причиненный вред не является несоизмеримо большим, чем вред, который предотвращен. В положении лица нельзя было ожидать другого поведения от человека, имеющего отношение к правоохраняемым ценностям.	Понятия в норме нет. Если вред, причиненный им, является несоизмеримо большим, чем вред, который он должен был предотвратить.	Провокация крайне необходимости: лицо действует неправомерно, если оно сознательно подвергает опасности признанные основы порядка без видимой на то причины; лицо наказывается за неосторожное преступление, если оно ошибочно восприняло обстоятельства,

Наименование	Местоположение	Характер	Объект	Объект. сторона	Субъект	Условия правомерности	Понятие превышения	Особенность
	ошибка; § 10. Крайняя необходимость, исключая уголовную ответственность; § 11. Невменяемость.							при которых его деяние было бы невиновным, если это деяние уголовно наказуемо как неосторожное.
УК Голландии								
Освобождение от уголовной ответственности и усиление уголовной ответственности.	Нет названия статей. Ст. 39. Невменяемость. Ст. 40. Совершение правонарушения под воздействием силы. Ст. 41. Необходимая оборона. Ст. 42. Исполнение требований закона. Ст. 43. Исполнение приказа. Ст. 44. Использование должностных обязанностей как усиление наказания.	Влияние силы, которой оно не может противостоять.		Совершает правонарушение под влиянием силы, которой оно не может противостоять.	Лицо.	«Влияние силы», «не может противостоять».	Отсутствует.	
УК Республики Польша								
Исключение уголовной ответственности.	Нет названия статей. Ст. 25. Необходимая оборона. Ст. 26. Крайняя необходимость. Ст. 27. Проф. риск. Ст. 28, 29, 30. Ошибка в наличии обстоятельств, исключая преступность деяния. Ст. 31. Невменяемость.	Непосредственная опасность, угрожающая какому-либо благу.	Какое-либо благо, охраняемое правом.	Не совершает преступления тот, кто действует с целью предотвращения непосредственной опасности.	Положение § 2 не применяется, если лицо жертвует благом, в отношении которого оно имеет особую обязанность по	§ 1. Если опасность невозможно было избежать иным способом, а благо, принесенное в жертву, имеет ценность, меньшую, чем спасенное. § 2. Нет преступления, если жертвуемое благо явно не	Понятия превышения нет. § 3. В случае превышения пределов крайней необходимости суд может применить чрезвычайное смягчение наказания и	Положения § 1-3 применяются в случаях, когда из обязанностей, возложенных на лицо, могла быть выполнена только одна.

Наименование	Местоположение	Характер	Объект	Объект. сторона	Субъект	Условия правомерности	Понятие превышения	Особенность
					охране, даже подвергая себя опасности.	представляет большей ценности, чем спасаемое благо.	даже отказаться от его назначения.	
УК КНР								
О преступлении § 1. Преступление и уголовная ответственность.	Нет названия статей. Ст. 13. Понятие преступления. Ст. 14. Умысел. Ст. 15. Неосторожность. Ст. 16. Оправданное деяние. Ст. 17. Возраст уголовной ответственности. Ст. 18. Психическое заболевание. Ст. 19. Глухонмота, слепота. Ст. 20. Необходимая оборона. Ст. 21. Крайняя необходимость.	Опасность, грозившая объекту.	Общественные или иные интересы, личность и права данного лица либо третьего лица.	«Лицо, принявшее в состоянии крайней необходимости срочные меры для предотвращения опасности...»	«Положения о предотвращении опасности, грозившей личности и правам данного лица не распространяются на лиц, которые в силу служебного положения выполняют специальные обязанности».	«...превысили необходимые пределы и причинили существенный вред».	Если действия превысили необходимые пределы и причинили существенный вред, то уголовная ответственность наступает, однако с учетом обстоятельств дела следует назначить наказание ниже низшего предела или освободить от наказания	Ст. 16.
УК Республики Корея								
Преступление. Совершение преступления и назначение наказания (ст.ст. 9-24)	Ст. 20. Оправданное деяние. Ст. 21. Самооборона. Ст. 22. Необходимость. Ст. 23. Самосохранение. Ст. 24. Согласие потерпевшего.	Неминуемая опасность.	Чьи-то законные интересы или интересы другого лица.	Деяние, совершенное, чтобы избежать опасности.	«Положения предыдущего параграфа не должны применяться к лицу, на которое возложена обязанность не избегать опасности».	«Если есть достаточные основания». Деяние, совершенное во избежание опасности, не подлежит наказанию.	Ст. 22 отсылает к ч. 2 ст. 21: «в тех случаях, когда превентивное действие превышает разумные пределы, наказание может быть смягчено или же вообще	Ст. 22 отсылает к ч. 3 ст. 21: «в случаях, предусмотренных предыдущим параграфом (§ 2 ст. 21), действия, совершенные под воздействием

Наименование	Местоположение	Характер	Объект	Объект. сторона	Субъект	Условия правомерности	Понятие превышения	Особенность
							не применяться с учетом смягчающих обстоятельств».	страха, неожиданности, в состоянии аффекта, в замешательстве в ночи или под влиянием иных чрезвычайных обстоятельств, не подлежат наказанию.
УК Японии								
Необразование состава преступления. Смягчение наказания и освобождение от наказания.	Ст. 35. Действия в соответствии с законодательством либо для осуществления правомерного занятия. Ст. 36. Правомерная оборона и превышение ее пределов. Ст. 37. Крайне необходимые действия во избежание опасности и превышения их пределов. Ст. 38. Умысел, неосторожность, ошибка. Ст. 39. Психическая ненормальность и слабоумие. Ст. 41. Недостижение возраста. Ст. 42. Явка с повинной.	Наличная опасность.	Жизнь, здоровье, свобода или имущество собственное или другого лица.	Действие, неминуемо необходимое для отращения опасности.	Данные положения не применяются в отношении лица, на котором лежит специальный долг в силу вида его занятий. (Полицейские, пожарники, врачи, моряки и т.п.).	Возникающий ущерб не должен превышать степень отворачаемого ущерба.	Если предел был превышен, то в зависимости от обстоятельств наказание может быть смягчено или данное лицо может быть освобождено от наказания.	

Наименование	Местоположение	Характер	Объект	Объект. сторона	Субъект	Условия правомерности	Понятие превышения	Особенность
УК Молдовы								
Обстоятельства, устраняющие уголовный характер деяния.	Ст. 35. Перечень обстоятельств, устраняющих уголовный характер деяния. Ст. 36. Необходимая оборона. Ст. 37. Задержание преступника. Ст. 38. Крайняя необходимость. Ст. 39. Физическое или психическое принуждение. Ст. 40. Обоснованный риск.	Неизбежная опасность, которая не может быть устранена иным способом.	Своя жизнь, телесная целостность или здоровье, а также жизнь, телесная целостность или здоровье другого лица либо общественные интересы.	Действия по спасению названных объектов.		Отсутствие иного способа устранения опасности.	Не признается находящимся в состоянии крайней необходимости лицо, которое в момент совершения деяния понимало, что порождает явно более тяжкие последствия, чем те, которые могли бы иметь место.	
УК Грузии								
Обстоятельства, исключающие противоправность деяния	Ст. 28. Необходимая оборона. Ст. 29. Задержание лица, совершившего преступление. Ст. 30. Крайняя необходимость. Ст. 31. Правомерный риск. Ст. 32. Освобождение от уголовной ответственности при др. правомерных деяниях.	Опасность, угрожавшая правовым благам.	Правовые блага самого причиняющего вред лица или другого лица.	Противоправные действия лица в состоянии крайней необходимости. Причинение иному лицу вреда для предотвращения опасности.		Отсутствие иных средств предотвращения опасности. Блага, которым причинен вред, менее значительны, чем спасенные.	Понятие не дается. Из смысла закона превышением следует считать причинение вреда более значительным благам, чем спасенные.	
УК Республики Беларусь								
Обстоятельства, исключающие преступность	Ст. 34. Необходимая оборона. Ст. 35. Причинение	Опасность, угрожающая непосред-	Личность, права и законные интересы данного	Действие, совершенное в состо-		Опасность при данных обстоятельствах не могла быть	Понятие не дается. Причиненный	Неудавшаяся крайняя необходимость не

<i>Наименование</i>	<i>Местоположение</i>	<i>Характер</i>	<i>Объект</i>	<i>Объект. сторона</i>	<i>Субъект</i>	<i>Условия правомерности</i>	<i>Понятие превышения</i>	<i>Особенность</i>
деяния.	вреда при задержании лица, совершившего преступление. Ст. 36. Крайняя необходимость. Ст. 37. Ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния. Ст. 38. Пребывание среди соучастников преступления по спец. заданию. Ст. 39. Обоснованный риск. Ст. 40. Исполнение приказа или распоряжения.	ственно.	лица или других лиц, интересы общества и государства.	янии крайней необходимости.		устранена другими средствами. Причиненный вред не является более значительным, чем предотвращенный.	вред является более значительным, чем предотвращенный.	наказывается. «Состояние крайней необходимости признается также, если действия, совершенные с целью предотвращения опасности, не достигли своей цели и вред наступил, несмотря на усилия лица, добросовестно рассчитывавшего его предотвратить».
УК Таджикистана								
Обстоятельства, исключающие преступность деяния	Ст. 40. Необходимая оборона. Ст. 41. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Ст. 42. Крайняя необходимость. Ст. 43. Физическое или психическое принуждение. Ст. 44. Обоснованный риск. Ст. 45. Исполнение приказа или распоря-	Опасность, угрожающая непосредственно	Жизнь, здоровье, права и законные интересы данного лица или иных лиц, интересы общества или государства.	Причинение вреда охраняемым интересам в состоянии крайней необходимости.		Опасность не могла быть устранена иными средствами, при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости.	Превышением пределов признается «причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожающей опасности и обстоятельствам, в которых опасность устранялась, когда право охраняемым	При оценке правомерности деяния учитываются характер и степень предотвращаемой опасности, реальность и близость ее наступления, фактическая возможность лица по ее предотвращению, его ду-

<i>Наименование</i>	<i>Местоположение</i>	<i>Характер</i>	<i>Объект</i>	<i>Объект. сторона</i>	<i>Субъект</i>	<i>Условия правомерности</i>	<i>Понятие превышения</i>	<i>Особенность</i>
	жения.						интересам был причинен вред, равный или больший, чем предотвращенный.	шевное состояние в сложившейся ситуации и др. обстоятельства дела.
УК Украины								
Обстоятельства, исключаяющие преступность деяния.	Ст. 36. Необходимая оборона. Ст. 37. Мнимая оборона. Ст. 38. Задержание лица, совершившего преступление. Ст. 39. Крайняя необходимость. Ст. 40. Физическое или психическое принуждение. Ст. 41. Выполнение приказа или распоряжения. Ст. 42. Деяние, связанное с риском. Ст. 43. Выполнение спец. задания по предупреждению или раскрытию преступной деятельности.	Опасность, угрожающая непосредственно	Лицо, охраняемые законом права, либо права других лиц, общественные интересы, интересы государства, т.е. правоохраняемые интересы.	Причинение вреда в состоянии крайней необходимости.	Любое лицо.	Опасность в данной обстановке нельзя было устранить иными средствами. Не было допущено превышение пределов крайней необходимости.	Превышением пределов является умышленное причинение вреда правоохраняемым интересам, если такой вред является более значительным, чем предотвращенный вред.	Лицо не подлежит уголовной ответственности, если вследствие сильного душевного волнения, вызванного угрожающей опасностью, оно не могло оценить соответствие причиненного вреда этой опасности.

Статистические данные районных судов г. Тюмени по уголовным делам по обвинению лиц в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 105, 111 УК РФ, переквалифицированных судом на ст.ст. 108, 114 УК РФ

Статистика Ленинского районного суда г. Тюмени

Статья обвинения, предъявленная органами предварительного расследования	Количество дел	Судом переквалифицировано на: (статья обвинения, вынесенная на основании судебного разбирательства)		
		ч. 1 ст. 108 УК РФ	ч. 2 ст. 108 УК РФ	ч. 1 ст. 114 УК РФ
ч. 1 ст. 105 УК РФ	10	8	1	1
ч. 1 ст. 111 УК РФ	3			3
ч. 4 ст. 111 УК РФ	3			3

Статистика Калининского районного суда г. Тюмени

Статья обвинения, предъявленная органами предварительного расследования	Количество дел	Судом переквалифицировано на: (статья обвинения, вынесенная на основании судебного разбирательства)		
		ч. 1 ст. 108 УК РФ	ч. 2 ст. 108 УК РФ	ч. 1 ст. 114 УК РФ
ч. 1 ст. 105 УК РФ	9	7		2
ч. 1 ст. 111 УК РФ	2			2
ч. 4 ст. 111 УК РФ	1			1

Статистика Центрального районного суда г. Тюмени

Статья обвинения, предъявленная органами предварительного расследования	Количество дел	Судом переквалифицировано на: (статья обвинения, вынесенная на основании судебного разбирательства)		
		ч. 1 ст. 108 УК РФ	ч. 2 ст. 108 УК РФ	ч. 1 ст. 114 УК РФ
ч. 1 ст. 105 УК РФ	11	9		2
ч. 1 ст. 111 УК РФ	3			3
ч. 4 ст. 111 УК РФ	1			1

Научное издание

Хаметдинова Гульнара Фазитовна

Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости

Монография

Редактирование: *Е.А. Пыжова*
Корректурa и верстка: *Е.К. Булатова*
Тиражирование: *Г.А. Щукина*

Подписано в печать 19.05.2015. Формат 60x84/16
Усл. п. л. 9,0. Уч.-изд. л. 8,7
Тираж 100 экз. Заказ № 67

Редакционно-издательское отделение
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.

ISBN 978-5-93160-214-1

9 785931 602141